

Светлана Пригорницкая
АНГЕЛ + АНГЕЛ + СТУДЕНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Пригорницкая

Ангел + ангел + студент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66338828

SelfPub; 2021

Аннотация

Семья Лозовых-Тышкевичей в шоке. Тридцатидвухлетняя Соня, уравновешенная, ответственная, прочно стоящая на ногах дама, вдруг влюбилась. И в кого? «Понаехавший» студентка Максим Шубанов на десять лет моложе неё. Теперь время, которое надо потратить на подготовку к очередной презентации, Соня тратит на прогулки под луной и дискотеки. Гражданский муж, отчим, сводная сестра старательно объясняют, что в Сонином «преклонном» возрасте пора думать о вечном, а не бегать на свидания. Но вместо того, чтобы покраснеть, извиниться и с ушами залезть в работу, девушка откалывает один фортель за другим. Семья терпеть такое поведение не будет. Не получилось убедить Сою, будем убирать студента. И получилось бы. Если бы рядом с Максимом не оказались два «ангела». Детдомовская девочка Гузель и «мажорка» Илона своих в беде не бросают. А заодно и пару скелетов из чужих шкафов вытянут.

Содержит нецензурную брань.

Светлана Пригорницкая

Ангел + ангел + студент

ГЛАВА 1

Случайное знакомство

Боль пришла, как всегда, внезапно. Чёрными, корявыми корнями она медленно прорастала в мозг, колола, разрывала его на ошмётки. Изображение перед глазами разбилось на тысячи мелких квадратиков. Квадраты дрожали, мерехтели, словно в густой дымке, толкали друг друга, создавая болевой хаос.

Рядом что-то зашелестело. Корешки в голове, словно получили второе дыхание. Боль вышла на новый виток. Что это? С трудом приоткрыв глаза, Максим, скорее угадал, чем увидел жёлтые женские лоферы. Светка Ковалёва. Просто страничку перевернула. Кто-то хлопнул тетрадь по подоконнику. Кто-то прошептал детерминанты спроса и предложения. Экзамен. Не заставишь же ребят не дышать, только потому что у него, видите ли мигрень началась.

Медленно поднявшись со скамейки, Максим оперся ладонью о стену. Тёплая, шершавая. Так же медленно, шаг за шагом, пошёл по коридору. Пальцы проваливались в выбо-

ины, впадинки, спотыкались на старых неровностях стены. Когда-то он читал, что если какой-то орган перестаёт чувствовать, то другие органы берут его функции на себя. Стал плохо видеть, зато слух и тактильные ощущения зашкаливают. Наконец, ладонь зацепилась за угол. Ещё чуть-чуть и дверь в туалет. Там сейчас не должно быть никого.

Грохот воды о раковину снова взорвал мозг, но, когда холодные струи потекли за шиворот, боль чуть притупилась. Опустившись на грязный кафель пола, Максим свернулся калачиком. Может повезёт и сегодня боль продлится недолго. И тогда есть шанс, хотя бы последним зайти в аудиторию. Как же не вовремя скрутило. Последний экзамен, его фамилия в списке через два человека. И некого даже попросить предупредить преподавателя. Как назло, Ирка Марпл, последняя надежда любого студента из их группы, уже зашла в аудиторию. Остальные ребята, хотя и знали о проблеме Максима, были настолько погружены в предстоящий экзамен, что даже не заметили, как он вышел.

Пошарив дрожащей рукой в кармане, Максим нашёл пустую пластинку «Парацетамол». Сжав её в кулаке, попытался болью, спровоцированной тонким алюминием, «перебить» боль в голове. Но организм даже не заметил, как на ладони выступили тёмные капельки крови.

Несколько месяцев назад, когда первый приступ скрутил тело, Ирка вызвала «скорую». Причём сделала это такими словами, что медики приехали через десять минут и

довольно быстро сняли боль. Максим помнил, как молодой врач безразлично заполнял какие-то бумажки, попутно рассказывая, что болезнь тургеневских барышень, под названием «мигрень» вылечить нельзя. Её надо просто пережить: закрыть окна, лечь в тёмной комнате, создать абсолютную тишину и принять лекарство. Доктор написал название препарата, оставил бумажку на столе и уехал с чувством выполненного долга.

На следующий день Максим пришёл в аптеку и протянул в окошко бумажку. Цена лекарства оказалась настолько заоблачной, что он несколько секунд тупо хлопал руками по карманам, делая вид, что забыл кошелёк. Поняв, что купить спасительный препарат сможет не раньше, чем выиграет главный приз в лотерею, он зашёл в другую аптеку и взял обычный «Парацетамол». Теперь, при первых признаках надвигающейся боли, Максим выпивал сразу пару таблеток, ложился под одеяло, затыкал уши и старался думать о прекрасном. Иногда это помогало, иногда нет.

Месяц назад Ирка, собрав ребят, объяснила его ситуацию. Однокурсники скинулись кто сколько мог и купили дорогостоящее лекарство. К сожалению, в упаковке, стоившей, по мнению Максима, просто неприличные деньги, оказалось всего восемь таблеток. И ушли они в экзаменационные дни очень быстро. Таблетки ушли, а боль осталась, навещая его с завидным постоянством.

По коридору громко процокали каблуки. Максим снова

сжался, ещё крепче обхватывая голову руками. Звонкое эхо отскакивало, резонируя одновременно во всех уголках черепной коробки. Хотя, у головы нет «уголков». Что ж, способность анализировать не атрофировалась. И на том спасибо. Какая же лошадь носится по универу на каблуках?

– Могу я вам чем-нибудь помочь? — раздался над головой приятный женский голос.

Максим с трудом открыл глаза. Коричневые туфли на высоком каблуке стояли прямо перед ним. «Наденьте тапочки» буркнуло сознание.

– У вас пистолет есть? – прошептал Максим, снова опуская голову на колени.

– Нет. А вам застрелиться или меня застрелить?

– Вы-то тут при чём? – сквозь зубы процедил он, мечтая только о том, чтобы добрая самаритянка оставила его в покое.

– Я вызову «скорую», – сказала девушка, отходя к окну.

– Не стоит, – поморщился Максим. – Я и так знаю, что они скажут: «Мигрень не лечится, надо полежать, помечтать о чём-нибудь хорошем» и когда-нибудь это пройдёт.

Закончив разговор по телефону, незнакомка намочила носовой платок и, присев, положила его Максиму на лоб. Холодные струйки покатались, щекоча кожу. На секунду даже показалось, что боль снова начала отпускать, но в этот момент, тишину прорезал очередной стук каблуков. Что ж за день? Все, как будто сговорились припереться в университет

на каблуках.

Приоткрыв глаза, Максим чуть не задохнулся от удивления. Прямо перед его носом, словно по мановению волшебной палочки, появилась пластинка с заветным лекарством.

Когда таблетка уютно расположилась под языком, Максим счастливо вздохнул. Лекарство начало действовать почти мгновенно. Не сказать, что боль ушла, но теперь она была гораздо терпимее. Мелкие квадратики начали сбиваться в один расплывшийся рисунок и уже через минуту Максим узнал склонившуюся над ним студентку пятого курса Агату Лозовую.

— Ну чё, рахит, ожил? – высокомерно бросила девушка. Приподняв веко Максима, она некоторое время разглядывала его зрачок. Поняв, что «рахит» пришёл в себя, Агата безразлично повернулась к стоявшей за её спиной девушке. – Между прочим, Сонечка, препаратик стоит бешенные бабки. А я, в отличие от тебя, не миллионер.

«Сонечка», не глядя, вынула из сумки кошелёк, достала двадцатидолларовую купюру и небрежно сунула собеседнице. Девушка расцвела в довольной улыбке. Фривольно потрепав Максима по макушке, она скрипуче пропела:

– Обращайтесь, юноша.

Чуть приподняв голову, Максим проследил, как Агата вышла из туалета. Стук её каблуков он теперь слушал, как песню. Как же это здорово, когда голова не разрывается от боли,

не лопаются от напряжения глаза.

Осторожно наклонив голову к одному плечу, затем к другому, он умиротворённо вздохнул. Лёгкая боль в висках почти не считалась. Можно даже успеть на экзамен. Интересно, сколько времени он здесь просидел?

– Даже не думай, – словно угадав его мысли, сказала незнакомка. – Сейчас всё равно хорошо не сдашь.

«Какое уж тут хорошо? – расслабленно пронеслось в голове, – Хоть бы на трояк натянуть». Хотя, конечно, обидно. Предмет он знал на «отлично». Но сегодня, как говорят, не до жиру, быть бы живу.

– Дай свою зачётку и посиди на скамейке, – приказала девушка, помогая ему выйти в коридор.

Сидя у двери аудитории, Максим исподлобья наблюдал, как вышла из кабинета пожилая преподавательница экономики. Пожалуй, если бы он не следил специально, даже не заметил бы, как спряталась за манжетой её блузы зелёная купюра.

В подобном положении Максим оказался впервые. Было невыносимо стыдно. Закусив губу, он разглядывал столпившихся у окна однокурсников, пытаясь определить, заметил ли кто-нибудь зелёный презент, выглядывающий из белого рукава преподавателя.

– Можешь не беспокоиться об экзамене, – будничным голосом прокомментировала незнакомка. – Я объяснила ситу-

ацию Надежде Власовне, и она сказала, что поставит тебе экзамен по текущим оценкам. Оказывается, ты, Максим Шубанов, весьма умный студент, пользующийся глубоким уважением преподавателей.

«Ещё бы не пользоваться уважением, когда за тебя такие бабки заплатили, – зло пронеслось в голове. – Уважала бы она меня за спасибо». Поймав на себе пристальный взгляд собеседницы, Максим смутился. Наверное, девушка сказала последние слова с иронией и совсем не заслужила потока злости, который он мысленно вывернул на неё.

– Пойдём, я довезу тебя до дома.

– До дома слишком далеко, – прошептал Максим. – А до общежития я и сам дойду.

Боль прошла, но теперь навалилась слабость. Поднявшись со скамейки, Максим покачнулся. Внутренности, словно превратились в тяжёлый камень и тянули тело вниз. Ноги стали ватными, а в голове собирался мутный, серый туман. Успокоившись после болевого шока, организм размлел, глаза сонно слипались. Идя следом за своей спасительницей, Максим уже не мог понять ни где он, ни как оказался на парковке, рядом с университетом.

Опустив голову на тёплую кожу мягкого сидения иномарки, он даже не заметил, как провалился в глубокий сон.

ГЛАВА 2

В чужой квартире

Не открывая глаз, Максим удивлённо прислушался. Тишина настораживала. Где привычные крики ребят, с которыми уже третий год делит комнату в старом, холодном общежитии? Где топот по коридору, хлопанье дверей? Открыв один глаз, он огляделся. Мягкая прохлада, погружённая в приглушённую темноту огромной комнаты, казалась чем-то мистическим. Как будто картинкой из другой жизни. Может это рай? Или ад? Хотя, вряд ли в аду специально для него включают кондиционер. В голове начало понемногу проясняться и память услужливо выделила события последних часов. Головная боль, незнакомка, экзамен...и всё, провал. Как он оказался в этой комнате, Максим совершенно не помнил. А вдруг «добрая самаритянка» оказалась торговкой органами и он, Максим Шубанов, всё ещё находится под наркозом и даже не чувствует, что стал на одну почку изящнее. От дурных мыслей волосы на голове зашевелились. Осторожно подняв одеяло, он сделал первичный осмотр. Нет, никаких свежих шрамов, ни странных ощущений. Даже наоборот, по всему телу вальяжно катилась волна давно забытого чувства удовлетворения. Удовлетворения от хрустящей чистоты постельного белья, от приятной свежести майского утра, от завораживающей, забытой тишины, от состояния лени, внезапно завладевшей телом. Куда бы не привезла его незнакомая «Сонечка», – это было место его мечты. Хотя, навер-

ное, пора уходить? «Лежи, – властно приказал мозг. – Пока не выгонят, лежи». Закрыв глаза, Максим снова окунулся в непередаваемое блаженство ничегонеделанья.

Издаലെка слышалась трель входного звонка и за дверью пронеслось чуть слышное шуршание. Женский голос о чём-то поговорил с пришедшим и дверь снова закрылась. «Нет, всё-таки надо вставать», – снова подумал Максим. Спустив ноги с кровати, он растерянно обвёл взглядом комнату. Кровать, огромный телевизор на стене, встроенный шкаф, прикроватная тумбочка... Его одежды нигде не было. Прикрывшись одеялом, он наклонился, изучая пространство под кроватью и в этот момент в дверь тихо постучались. Не дожидаясь разрешения, в проём заглянула худенькая остроносая девушка. Лукаво улыбнувшись, незнакомка кивнула и громко зашептала:

– Максим Александрович, вы уже будете вставать или предпочитаете ещё поваляться?

Это домашнее «поваляться» заставило Максима растянуть губы в глупую улыбку. «Максим Александрович, – мысленно протянул он, вслед за девушкой. – прям, как на светском рауте».

Увидев, что гость улыбается, девушка совсем осмелела и осторожно вошла в комнату.

– Вы, наверное, свои вещи ищете? Так не ищите. Я их постирала, погладила и принесу вам после кофе. Так вам кофе сейчас подавать или чуть попозже?

– Спасибо, – смущённо махнул рукой Максим. – Не надо кофе. Принесите лучше вещи, и я уже пойду.

– Что значит, «не надо кофе»? – возмущённо пожалла плечами девушка. – Софья Эдуардовна велела сварить вам геркулесовую кашу, так как вы от экзаменов отоцали слишком. И не отпускать без завтрака. К тому же Алёша, шофёр Софьи Эдуардовны, ждёт внизу, чтобы отвезти вас в общежитие. Софья Эдуардовна специально из-за вас сегодня на работу на такси поехала. Если хотите, я вам завтрак лучше в постель принесу, а то наш, – девушка презрительно кивнула на дверь, – опять свои пять копеек вставит.

Не дожидаясь ответа, незнакомка вышла и через несколько минут вернулась, неся на серебряном подносе кофейный сервиз и тарелку, наполненную геркулесовой кашей. Подмышкой девушка прижимала его вещи.

Решив, что чуда наполовину не бывает, Максим перестал отказываться и с завидным аппетитом опустошил всё, что было на подносе. Глубоко вздохнув, он перевёл взгляд на мягкие подушки, но тут же отогнал коварное желание «поваляться ещё пять минуточек».

Прикрывая рукой пальцы на ноге, Максим натянул носок. Удивлённо моргнув, бросил затравленный взгляд на собиравшую посуду помощницу. Огромная дырка, которую он уже неделю собирался зашить, оказалась аккуратно заштопана. Девушка исподтишка бросила на него хитрый взгляд и, хихикнув, выскочила из комнаты.

Неумело застелив кровать, Максим растерянно топтался на пороге. Уйти, не попрощавшись, показалось неприличным, а уж столкнуться по пути с «нашим», как определила статус находящегося в доме мужчины, незнакомка, казалось вообще, смерти подобным. Дверь распахнулась так внезапно, что Максим от неожиданности снова плюхнулся на кровать.

– Уже собрались? – почти закричала девушка, тряхнув головой так, что широкая белая повязка упала ей на глаза. – Давайте я провожу вас до машины.

Оставив домашнюю работу, под видом заботы о госте, девушка устроила себе небольшой перерывчик. Ни собранные в тугую пучок волосы, ни хрустящий крахмалом халатик не смогли превратить юное создание в классическую горничную. Сдёрнув с головы повязку, она понеслась к двери.

– Наташа, – властно раздалось сзади. – Тебе заняться нечем?

Максим затравленно сжался. Так хотел уйти незаметно. Ну, по крайней мере, незаметно для «нашего». Повернув голову, он столкнулся взглядом с красивым холёным мужчиной в домашнем халате. Опершись плечом о косяк, тот стоял, вальяжно покачивая в руке элегантные тонкие очки,

– Вы, значит, и есть наш незваный гость? – то ли спросил, то ли констатировал он, окидывая Максима презрительным взглядом.

– Почему же «незваный»? – по-бычьи опустив голову,

вступила в разговор Наташа. – Очень даже званый. Софья Эдуардовна, хозяйка квартиры, – девушка сделала многозначительную паузу, – лично пригласила Максима Александровича провести ночь в апартаментах для гостей. Не так ли, Максим Александрович?

Максим растерянно перевёл взгляд на Наташу. Честно говоря, он совершенно не помнил «пригласила ли его лично» Софья Эдуардовна, но однозначно понял, что потерять друга, в лице Наташи ему не хотелось. Вскинув голову в стиле героев Юнгвальд-Хилькевича, он гордо кивнул, подтверждая слова горничной.

– Кто же против? – расплылся в добродушной улыбке мужчина. – Наша Софья Эдуардовна просто одержима спасением убогих, оказанием помощи болезным да недоразвитым. Это я не вас имею в виду. Были, знаете ли, и до вас прецеденты.

– А вы бросьте Софью Эдуардовну, – наивно хлопнув ресницами, подсказала Наташа.

– Не дождёшься, – захохотал мужчина, обнажая безупречно ровные, белоснежные зубы. – И вообще, договоришься, Наталья. Совсем место своё забыла. За что тебе только платим?

– Вы не платите. А Софья Эдуардовна мною довольна.

Мужчина не удостоил девушку ответом и быстро свернул разговор.

– Всего доброго, Максим Александрович. Надеюсь, что

больше вас не увижу.

Показательное пренебрежение больно ударило по самолюбию. Максим несколько минут зло сверлил глазами «нашего», стараясь выудить из-под коврика, потрёпанную за годы голодного обучения, гордость и дать достойный ответ.

– Наташа, – Максим несколько наиграно развернулся к девушке. – Когда я могу увидеть Софью Эдуардовну, чтобы выразить ей свою благодарность?

«Наш» разразился звонким, заразительным хохотом. Максим смутился. Вопрос, действительно, прозвучал несколько пафосно.

Небрежной раскачивающейся походкой мужчина подошёл вплотную к Максиму и засунул в его ладонь новенькую хрустящую купюру.

–Я не хочу тебя здесь больше видеть. Бери бабки и вали отсюда.

Щеки Максима вспыхнули. За последние сутки это была уже вторая унижительная купюра. Но если вчера он ничего не смог сделать, то сегодня всё было в его руках. Швырнув в лицо визави стодолларовую бумажку, Максим развернулся и гордо вышел из квартиры в сопровождении довольно улыбающейся Наташи.

ГЛАВА 3

Снова в общежитие

Общежитие встретило Максима привычным гамом. Ребята носились по коридорам. То там, то тут звенели стаканы, гремели кастрюли. Ребята отмечали сдачу последнего экзамена.

Максим остановился на пороге и обвёл взглядом обшарпанные, покрытые грязными потёками стены. Когда же здесь последний раз делали ремонт? Впрочем, вопрос поставлен неправильно. Когда здесь делали качественный ремонт? Потому что просто замазать грязные стены, пройтись кисточкой по жирным поручням, так это каждый год.

Каждый год ребята, скрипя зубами, сдавали деньги на краску, кисти, побелку, на бензин для завхоза, на новую машину ректору... Все тихо ругались, но воспринимали побои, как само собой разумеющееся. И только сегодня, выйдя из шикарной квартиры незнакомой Софьи Эдуардовны, Максим со всей чёткостью ощутил ничтожность своего существования. Ведь получается, что даже горничная Наташа стойко отстаивала право на уважение и благодарность перед мужчиной, который пытался ущемить её положение. А они, будущие экономисты, слава нации, молчали.

Нет, нельзя всё-таки пускать нашего человека в нормальное общество. Вот жил себе, жил, ни о чём не задумывался, так на тебе, надо же было увидеть, как живут обеспеченные люди. И всё. Теперь полная голова вопросов без ответов. И на душе противно, словно это его вина, что живут ребята в

мире, полном несправедливости.

Поднявшись на пятый этаж, Максим медленно открыл дверь в свою комнату. Пять пар глаз одновременно пробуравили его насквозь.

– Нагулялся? – облегчённо выдохнул Митька Семёнов. – Где тебя всю ночь носило? Олег, набери скорее Ирку, а то она всё отделение полиции на ноги поднимет. Скажи, что Макс нашёлся.

Ничего не сказав, Максим прошёл к шкафу, стоявшему у двери. Сейчас бы молча переодеться, лечь в кровать и не слушать зудение товарищей. Не отвечать на вопросы. А главное, забыть всё, что случилось сегодня утром. Шорох Иркиных кроссовок, он мог бы выделить из тысячи других звуков. И именно этот шорох сейчас нёсся по коридору.

Дверь без стука распахнулась. Максим едва успел выставить вперёд руки, чтобы не получить дверью в лоб. Ирка никогда не запаривалась глупыми вопросами, типа, одеты ли ребята? Ждут ли её появления? Конечно, ждут. А кто не ждёт, сам виноват. Нечего без штанов по комнате ходить.

Вбежав, девушка резко швырнула на стул кожаный рюкзак и схватив со стола мутный, высокий графин, налила стакан воды. Пока Ира пила, ребята молчали. Максим чуть приподнял уголки губ. Даже не видя однокурсницу, он мог представить, как скатываются капельки воды по её подбородку, как она придерживает рукой сползающие с вспотевшего носа очки. И даже то, что она сейчас скажет не вызывало со-

мнения.

– Я всё выяснила, – выдохнула девушка, вытирая тыльной стороной руки мокрые губы. – Увезла его мадам, которая ведёт факультативные занятия по культуре пятнадцатого века в нашем университете. Директриса картинной галереи «Галла» Тышкевич Софья Эдгаровна.

– Эдуардовна, – поправил Максим, выходя из-за двери.

Ребята, стоявшие перед Ирккой, дружно сжались. В гневе та была несдержанной. Могла рюкзак на голову опустить, могла просто наорать так, что мало не покажется.

– Ну и придурок ты, Шуба, – Ира яростно развернулась и, уперев руки в бока, сверлила Максима горящим взглядом. – Между прочим есть люди, которые беспокоились о тебе. И всю ночь не спали, представляя, как престарелая тётка использует обескровленное тело голодного студента Шубанова для своих эротических фантазий. Мог бы и позвонить.

– Не мог, – буркнул Максим. – Свалился, как подрубленный. Проснулся только утром.

– Может всё-таки тебя использовали? – прошептал Витка Смирнов, не сводя с Максима восторженных глаз. – Не обязательно в качестве сексуальной игрушки. Например, для экспериментов. Ты не помнишь, может тебя инопланетяне выкрали?

– Никто меня не выкрадывал, – Максим посмотрел в горящие глаза однокурсника и понял, что тот уже придумал целую трагедию из его отсутствия. – Просто таблетки от миг-

рени имеют очень сильный успокаивающий эффект. Мне об этом ещё доктор рассказывал. После них нельзя садиться за руль. А тем более в моём случае: экзамены, пару ночей не спал... Вот меня и развезло.

– И всё-таки она Эдгаровна, – расслабленно растянулась на жёстком стуле Ира. – Мне в милиции сведения дали точные. У неё корни литовские. Из панянок.

– Рассказывай, что узнала, – Митя, лёгким движением руки, смёл со стула затёртые до дыр конспекты и осторожно сел, стараясь сконцентрировать вес на, менее раскачанных, передних ножках. – Не зря же мисс Марпл всё утро носилась из одного отделения в другое.

– Ничего особо интересного, – скрывая довольную улыбку, начала Ирина. – Сначала я выяснила, что ушёл студент Шубанов в сопровождении какой-то шикарной тётки. Затем наш охранник видел, как потащила она его к стоянке. Ну а дальше уже дело техники. Выяснила номер машинки, на которой увезли нашего героя-любовника и поплакала в полиции, что забыла в этой машине клетку с, заражёнными вирусом Цильмана-Островского, мышами.

– Что ещё за вирус Цильмана-Островского? – настороженно почесал затылок Витька.

– Какая разница? – отмахнулась Ира. – Хотя занервничали представители органов не на шутку. По номерку выяснили, что машинка принадлежит не какому-то дяде Васе, а дамочке с такими длинными ноготками, что может лёгким

движением руки любую шею перерезать. Хотели даже лично до элитного района подвезти. Но я сказала, что приехала на спецтранспорте из лаборатории, и что справимся сами. Слезно попросили не задерживаться. Так что если тебе понадобится адресок твоей пассии, то обращайся.

– Ирка, ты гений, – обрадовался Максим. – А то я, честно говоря, в машину залез, из машины вылез, приблизительно в каком районе знаю, но точный адрес пришлось бы искать долго. А мне обязательно надо зайти, поблагодарить эту... Софью Эдуардовну.

– Правильно сказал, – подняла указательный палец Ирка. – Обязательно. Сдать экзамен на «отлично» даже не заходя в аудиторию до тебя могли немногие.

– Откуда ты знаешь, что на «отлично»? – Брови Максима удивлённо поползли вверх.

– Ты не заходил в аудиторию передо мной, а когда я вышла, тебя уже не было. Во время моего ответа Надежда Власовна выходила и вернулась через минуту с чьей-то зачёткой, в которой поставила оценку. Судя по довольной улыбке и выглядывающей из рукава купюре в пятьдесят евро, я поняла, что оценка должна быть неплохой. Далее, судя по выпирающему заднему карману твоих штанов, можно сделать вывод, что это та самая зачётка и что-то ещё.

Максим растерянно вынул из кармана небольшой пакет, на который в свете быстро сменяющихся событий не обратил внимание. В пакете, действительно, находилась его зачётная

книжка и блистер дорогостоящих таблеток.

ГЛАВА 4

Соня

Соня медленно шла по гудящей мостовой, разглядывая пролетающие мимо автомобили. Как хорошо иногда пройтись пешком, никуда не торопясь, ни о чём не задумываясь. После обеда позвонил Алёша и спросил, когда за ней подъехать, но сегодня генеральному директору сети художественных галерей «Гала», захотелось отказаться от услуг шофёра, почувствовать себя, как в молодости свободной от обязанностей, от пресловутого чувства долга, от ответственности, в конце концов. Как в то время, когда можно было бежать из школы в компании подружек, радоваться таким мелочам, как новая заколка, новый мобильник, новый автомобиль. Впрочем, нет, когда появился новый автомобиль, она уже разучилась радоваться.

Когда Соне исполнилось семнадцать лет, отец умер. Никто даже подумать не мог, что этот полный энергии и позитива мужчина в один прекрасный день упадёт и больше никогда не встанет. Слушая по телефону страшное известие, Соня стояла, закусив губу, в центре Лондона и пыталась выдавить хоть одну слезинку. Отца она видела очень редко. То он устраивал какого-нибудь юного самородка из глубинки, то

организовывал выставку на краю света, то продвигал славянскую культуру за рубежом. Одно время отец пытался приобщить Сою к работе в созданной им сети художественных галерей, но тогда у неё были совсем другие интересы.

Родственники со стороны отца тоже не благоволили к ней. Да и не мудрено. Бабушка, Ядвига Тышкевич, происходила из дворянского рода великого княжества литовского. Даже в советские времена, Ядвига Бенедиктовна не скрывала своих корней, гордо величая себя не иначе, как графиней Тышкевич. Как она не попала в руки тогдашнего режима, так и осталось загадкой

Когда никому не известная балерина Елена Владырь познакомилась с её сыном, графиня и подумать не могла, что Эдгар, который был старше девушки более чем на тридцать лет, через месяц узнает, что скоро станет папой. Злые языки тут же вооружились калькуляторами и принялись вычислять мог ли он быть отцом ребёнка балерины. Ядвига гордо игнорировала сплетни, а вечно занятый Эдгар и подавно не замечал ни насмешливых кивков партнёров, ни частого отсутствия молодой жены, ни её откровенно влюблённых взглядов, направленных на начальника охраны фирмы Кирилла Лозового. Неизвестно, сколько длилась иллюзия счастья для знаменитого художника, но уже через пять лет все заметили, что он всё больше времени проводит, организовывая выставки, участвуя в реставрационных работах, расположенных подале от дома.

После смерти мужа Елена искренне пыталась взять в руки бизнес, но необходимость вставать спозаранку, заниматься пристраиванием деревенских самородков, всё то, чему Эдгар Юозович бескорыстно посвящал всё своё время, оказалось за пределами её возможностей. Уже через год Елена выскочила замуж за Лозового, переписала на него бизнес и вновь окунулась в волшебную роскошь ничегониделанья.

Соне так, как матери не повезло. Её рабочий день начинался в шесть утра и заканчивался тогда, когда заканчивались дела. Это могло быть и в девять вечера, и в два часа ночи.

Вот и сегодня, пять часов вечера, а впереди ещё длинная скучная презентация в Центре Шовковской. Конечно, это не её протеже представляет своё «произведение искусства», но она обязана присутствовать. Да и самой интересно, что нового у конкурентов.

Ну, вот, пожалуй, и всё. Прошлась немного, позволила себе такую роскошь и быстрее в такси. Через тридцать минут придёт парикмахер, а через полтора часа начало презентации.

Подъезжая к дому, Соня со смутной надеждой подняла глаза на тёмные окна спальни. Может всё-таки передумает Игорь и ей не придётся краснеть перед партнёрами, объясняя, что гражданский муж настолько занят, что не смог сопровождать её. Мелочи, конечно. Можно и одной пойти. Игорь постоянно твердил, что никому нет дела до того, с кем

ты пришла. Но Соня в таких случаях чувствовала себя абсолютно незащищённой.

Окна закрыты, значит нет дома. Последняя надежда, вильнув хвостиком, защипала глаза и исчезла. По-детски дёрнув подбородком, Соня заставила себя собраться: не хватало, чтобы обслуживающий персонал был в курсе её плачевной личной жизни. После того, как несколько лет назад в автомобильной аварии погибла мама, Соня полностью взяла на себя семейный бизнес, хотя официально он принадлежал Кириллу. Не считая ни времени, ни здоровья, она взвалила на себя все организационные вопросы, оставив отчиму только непыльную работу по подсчёту прибыли.

Расплатившись с таксистом, Соня вышла из машины и, не оглядываясь, побежала к подъезду.

– Софья Эдгаровна, – раздалось из-за спины, и Соня удивлённо оглянулась. Софьей Эдгаровной её называла только Наташа, и то переиначив отчество на более частое в употреблении Эдуардовна.

Стоявший у подъезда паренёк показался знакомым. Впрочем, за прошедшие после смерти отца годы, на пороге её квартиры, вот так же смущённо теребя авоську с любовно завёрнутым в чистую тряпочку презентом из деревни, стоял не один десяток молодых мальчишек. С надеждой заглядывая ей в глаза, ребята искренне верили, что, если не сегодня, так завтра «добрая тётя Соня» возведёт их на Олимп и даст ускорительный пинок в сторону яркой гламурной жизни.

Присмотревшись, Соня поняла, что этот юноша не имеет ничего общего с закомплексованными, ищущими лёгких путей, нереализованными художниками. Длинная роза, вместо привычного кусочка сала, полностью выбилась из стандартного образа среднестатистических просителей. Память тут же услужливо открыла имя вчерашнего гостя. Улыбнувшись, Соня изучала лицо парня. Где вчерашний скрюченный ребёнок, доверчиво прижавшийся к её плечу? Где глаза, сверкающие слезами боли и отчаяния? Рядом стоял высокий, прекрасно сложенный молодой человек и даже взгляд, в котором Соня всегда могла прочесть общую характеристику очередного претендента на помощь фонда, был не извинительно-предлагающий, а обычный задорный взгляд студента, радующегося жизни со всеми её прелестями и недостатками.

– Максим, – радостно протянула она руки навстречу парню. – Что ты здесь делаешь?

– Вас жду, – смущённо топтался парень, теребя в руке розу.

– Это мне? – помогла она юноше, кивнув на цветок.

– Конечно, – ещё больше смутился Максим. – Не буду вас задерживать, только хотел сказать огромное спасибо за всё, что вы для меня сделали. Если вам когда-нибудь понадобится помощь, знаете где меня найти.

– Ну что ты, Максим, – засмеялась Соня.

– Зря недооцениваете, Софья Эдгаровна. Может и мышо-

нок льву помочь.

– Я знаю, – кивнула Соня и краем глаза заметила подхлывшую к дому парикмахершу.

Махнув рукой на прощание, она прошла к двери подъезда. Женщина-парикмахер старательно делала вид, что не замечает с кем разговаривает клиент. Повернув ключ в замке, Соня распахнула дверь подъезда и незаметно повернула голову. Парень стоял на том же месте. Шальная мысль быстро сформировалась в голове и теперь не давала покоя. Попахивает скандальчиком, но, как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Нечего было подставлять её

– Что ты делаешь сегодня вечером? – спросила Соня, пропуская парикмахера. – Через два часа презентация в Центре Шовковской, а мой кавалер занят.

За иронической улыбкой Соня старалась спрятать смущение, но, кажется, получилось не очень достоверно.

– Я не одет для приёма, – широко улыбнулся Максим. – Но я могу забежать в общежитие и переодеться.

– Не стоит, – махнула рукой Соня, понимая, что сегодня вытянула счастливый билет, который спасёт её от косых взглядов.

Ну что же, если сегодня она хочет триумфа, то действовать надо быстро.

Достав мобильный телефон, она нашла номер своего водителя Алёши и, договорившись, чтобы он через пять минут подъехал к дому, связалась с салоном мужской моды «Алек-

сандер». Приняв довольно фривольное решение, Соня уже не задумывалась какого мнения будет на этот счёт её гражданский муж, отчим, сотрудники и партнёры. Надо было думать, прежде чем ставить её в идиотское положение перед местным бомондом.

ГЛАВА 5

Презентация

Вечер наступил, а жара всё ещё продолжала плавить асфальт. Сев в машину, Максим удовлетворённо вздохнул. Тепло одновременно и расслабилось, и съёжилось, словно выпустило сквозь поры облако обжигающего воздуха. Приключение началось, но Максим всё ещё не мог понять, что же от него хотят. Неужели всего-то поприсутствовать на каком-то показе? Если всё так просто, то почему Софья Эдгаровна так разнервничалась. Ну, постоит в сторонке. Делов-то.

На разгорячённой улице постепенно появлялся народ. Молодые мамочки с колясками, степенные старики, важно покачивая изящными тростями вышли на вечерний променад. Максим тоже любил выходить по вечерам. Просто так.

На презентацию ему до сих пор не приходилось попадать. Тем более на такую, где действовал дресс-код. Что такое дресс-код Максим представлял, но как-то удалённо. Как будто этот дресс-код был в какой-то параллельной реальности.

И вот теперь пришлось столкнуться вплотную. План на ближайшее время такой: сначала к стилисту, потом в парикмахерскую. Спасибо, хоть к массажисту и депилятору не надо.

Подъехав к торговому центру, Алёша припарковал машину и, выйдя, открыл перед Максимом дверку машины. «Больной, что ли? – затравленно пронеслось в голове. – Ты мне ещё ручку подай». Бросив убийственный взгляд на водителя, Максим выскочил из машины и, не глядя по сторонам, бросился к зданию. Не хватало ещё, чтобы кто-то из однокурсников увидел.

Прохлада, жара, снова прохлада. Не сказать, что Максим был постоянным клиентом центра, но, как-то заходили сюда с ребятами. Больше поглазеть. Ну а глазели, в основном, именно на бутик мужской одежды «Александр». Впрочем, цены в бутике сразу отсевали представителей среднего класса и ниже. Цены не просто кусались, они поедали предполагаемых клиентов уже на входе. Остановившись на пороге бутика, Максим жалобно прикусил губу. Вроде как, Софья Эдгаровна предупредила кого-то о его приходе. Сказали, что ждут. А вот кто именно его ждёт? Не понятно. Не будешь же хватать за рукав каждого менеджера и, заглядывая в глаза, представляться.

Сзади кто-то подтолкнул его в спину. Алёша. Войдя, Максим восторженно остановился. Бутик был небольшой и, казался, поделённым на две зоны. Слева висели классические костюмы, на полках аккуратными стопками лежали рубашки

благородных оттенков. Справа – свободная одежда простого силуэта, которую можно было носить и в офис, и вне работы. Высокий манекен в светлых джинсах, в базовом лонгсливе и в белых сникерсах на ногах заставил Максима завистливо стиснуть зубы. Не то, чтобы он плохо одевался, но, одежда, купленная по интернету, как-то слишком уж заметно отличалась от того, что висело в витрине.

Молодой накачанный парень появился рядом с ребятами словно из ниоткуда. Ни слова не говоря, он внимательно рассматривал Максима с разных ракурсов. Едва заметно взмахнув рукой, сделал знак повернуться. И Максим повернулся. Ещё один взмах, и он повернулся в другую сторону. Честно говоря, если бы Максиму кто-нибудь сказал, что он будет вертеться перед каким-то пацаном, повинувшись взмаху его руки, он долго бы хохотал. А зря, оказывается. Наконец, удовлетворённо кивнув Алёше, словно Максима и не существовало, юноша тихо прокомментировал:

– Фронт работы в целом, понятен. Можешь вести клиента в салон, да предупреди девчонок, что от меня. Не хватало, чтобы они своими граблями мне работу испаскудили. Никакого креатива. Достаточно того, что матушка-природа побезобразничала.

Пройдя по зданию, Алёша остановился. Максим, не успев затормозить врезался ему в спину. «Салон красоты Мистер...» Что за Мистер, он так и не успел прочитать. Глядя на большие кожаные кресла, у Максима даже зубы занули. Уже

не один год он, как и все его однокурсники, стригся только у Ленки. Родители девушки отличались завидной тягой к алкоголю, поэтому Лена выживала, как могла. То бишь стригла студентов за небольшое вознаграждение. В общем-то, и Максим, и его товарищи могли себе позволить услуги недорогой парикмахерской, но в последнее время пойти к другому парикмахеру считалось среди студентов дурным тоном. Студенческая взаимовыручка. Стригла Ленка всех под одну гребёнку, зато к каждому имела персональный подход. С тем помолчит, с другим почирикает.

— Я недавно стригся, – Максим сделал последнюю попытку отмазаться от процедуры. Но Алёша скосил глаза и так приподнял бровь, что Максим понял – по-другому не будет. Водитель Софьи Эдгаровны вообще оказался парнем неразговорчивым, зато смотреть умел так, что понять его можно было с полувзгляда.

Опустившись в кресло, Максим тяжело вздохнул. Ладно, пять минут и он на свободе. Во всяком случае, Ленке хватало на стрижку именно пять минут. Когда на плечи легло белоснежное покрывало с вышитым вензелем салона, Максим почувствовал, что пятью минутами не отделается. А уж когда Анна – девушка-стилист, как было указано на её бейджике, подкатила к креслу невысокий столик, Максим совсем сник. Ленка вместо покрывала использовала старую рубашку своего папаши-алкоголика, а из инструментов из её кармана торчали ножницы и расчёска. Сдёрнув со столика

светлое полотенце, Анна сложила пальцы домиком и, прищурилась. Максим покосился на столик и почувствовал, как по волосам пробежал холодок. На столике стояли штук пять каких-то бутылочек, ножницы с обычными концами, ножницы с тупыми концами, ножницы-расчёска, с хвостиками на конце, с зубцами. В другом ряду лежали расчёски: круглые, «лопаткой», «вилкой». Прямо не парикмахерская, а операционная.

Когда щёлканье, шуршание и шелест над головой затих, Максим вынужден был признаться, что работу свою девушка знала. Каждый волос теперь, вроде и жил своей жизнью, но, в то же время, подчинялся каким-то общим правилам. Все строго в бок, выверенный подъём на определённый градус по отношению к голове. Максим провел рукой по волосам, стоят, как будто на них литр лака использовали, а на ощупь — мягкие. Чудны дела твои, стилист.

Вернувшись в «Александр», Максим сразу попал в руки уже знакомого менеджера. Казалось, парень только их и ждал. «Меня, кстати, зовут Елисей», представился он, подавая костюм и несколько рубашек. В общем-то обычные слова, но Максим почему-то разозлился. «С такими бицепсами в спортзале с боксёрской грушей сражаться, а не в магазине одежду подносить. Голубой, наверное».

Невежливо закрыв шторку перед носом менеджера, Максим аккуратно, чтобы не повредить причёску, снял полочку. — Рубашка из ткани Албини, длинный рукав, прилегаю-

щий силуэт, французский воротник, манжет комбинированный... – хорошо поставленным голосом вещал из-за шторы Елисей.

Недоверчиво посмотрев в зеркало, Максим нахмурился. Конечно, здорово. Тут не поспоришь.

— Могу войти? – спросил Елисей, отодвигая штору.

«Зачем спрашивал? – раздражённо подумал Максим. – И так вошёл».

Приложив к рубашке несколько галстуков, Елисей выбрал один. Закусив губу, он в несколько взмахов повязал на шею Максима элегантную бабочку. Надев брюки, Максим вспомнил добрым словом Наташу. Если бы сейчас, при Елисее, пришлось сверкать дыркой на носке, он бы умер от стыда.

Уже привычно щёлкнув пальцами, менеджер указал Максиму на кресло и ловко присев, поставил перед ним блестящие в искусственном освещении чёрные туфли.

– Что я сам не могу надеть? – испуганно прошептал Максим, когда Елисей взял его за пятку.

– Сиди, не вертись, – чуть раздражённо прошипел тот.

«Естественно, психует, – жалобно пронеслось в голове. – А ты бы не психовал, если бы пришлось на всякого придурка ботинки натягивать? Всё-таки высшее образование – великое дело. По крайней мере прислуживать другим никогда не буду».

Стряхнув с лацкана пиджака невидимую пылинку, Елисей развернул его к зеркалу.

Максим никогда не задумывался над своей внешностью, парень и парень. Руки-ноги-голова. Но в этот момент, губы его непроизвольно растянулись в глупую улыбку. Из зеркала смотрел самый настоящий Джеймс Бонд. Откуда взялся широкий разворот плеч? Крупная шея? Всё было настолько незнакомым, что Максим с недоумением повернулся к стоявшему сзади парню.

Глядя на удовлетворённо-спокойную улыбку Елисея, Максим вдруг осознал, что парень не прислуживал, и даже не обслуживал клиента. Елисей творил, как творил Пигмалион Галатею, как творит любой влюблённый в свою работу человек. С полной самоотдачей, вкладывая частичку души в каждый штрих, в каждую деталь своей работы.

– Нравится? – обезоруживающе улыбнулся Елисей.

— Да, – завороченно выдохнул Максим.

– Спасибо,

Смущённо опущенная макушка Елисея показалось Максиму такой беззащитной, что, стряхнув оцепенение, он уверенно констатировал: «И всё-таки голубой».

Несмотря на идеально сидящий костюм и новую причёску, на презентации Максим чувствовал себя отвратительно. Напыщенные, самодовольные дядьки прохаживались под ручку с толстыми, грубо покрашенными тётками в бриллиантах и иногда пытались свысока смотреть на него. При том, что большинство из них не отличалось высоким ростом, то

их потуги выглядели смешно. Но смеяться было нельзя. На всякий случай. Чтобы не подвести Соню. Час назад, остановившись у входа в помещение, где проходила презентация, девушка смущённо закусила губу:

— Макс, тебе будет очень неудобно называть меня на «ты»? – прошептала она, оглядываясь и кивая проходившим мимо них парам.

— Легко, – так же тихо прошептал Максим.

И, действительно, перешёл на «ты», словно всю жизнь был знаком с Соней. Именно с Соней. Не будешь ведь обращаться на «ты» к «Софье Эдгаровне».

Стоя перед непонятными геометрическими фигурами, сделанными из обычных водопроводных труб, Максим отчаянно пытался сделать вид, что наслоение металлолома его завораживает, вызывает определённые эмоции. Если быть честным, то эмоции данный вид искусства, действительно, вызывал. Только вряд ли вербальное выражение этих эмоций произвело бы положительное впечатление на эпатажного создателя шедевра.

Скосив глаза на стоявшую рядом пару, Максим с трудом сдержал улыбку. Вытянув вперёд руку, мужчина прищурился и рассматривал произведение искусства под определённым ракурсом. Максим тоже хотел посмотреть, изменится ли набор металлолома, если на него посмотреть из-под руки, но побоялся, что не выдержит и расхохочется. А ведь когда-то они с ребятами мечтали, что станут великими эконо-

мистами, будут зарабатывать много-много денег и ходить на шикарные презентации. Вот уж, как говорят, бойтесь своих желаний.

У дальней стены официанты предлагали гостям холодные закуски и напитки. Пожалуй, это было самое посещаемое место на презентации. Пройдясь вдоль столов, Максим долго пытался найти что-нибудь знакомое, но так и не выбрав ничего, взял стакан «Кока-колы» и отошёл.

Середину зала занимал огромный чёрный рояль, за которым такой же огромный чёрный мужчина играл «Лунную сонату». «Фарс, какой-то, – раздражённо подумал Максим. – Металлолом и Бетховен». Чёрная бабочка давила, живот урчал, напоминая, что поел он только утром, но Максим держался из последних сил. Пообещал «отпрезентироваться» – будь любезен, держись до конца.

– Ты почему ничего не ешь? – раздалось из-за спины знакомый голос. Глаза Сони блестели в свете искусственного освещения. Кажется, она совершенно не скучала на этом мероприятии.

– Я не знаю, как всё это едят, – честно признался Максим.

– Да как хочешь, так и ешь, – засмеялась девушка, беря его под руку и направляясь к столам. – Надо же из этой презентации хоть какое-то удовольствие получить. Суши любишь?

– Если это вон тот рис с рыбой, то нет.

Соня залилась звонким смехом, обнажая крупные красивые зубы. Склонив голову набок, Максим с удовольствием

наблюдал, как сморщился тонкий аристократический нос, превращая холёную бизнесвумен в обычную девчонку.

– Потерпи ещё двадцать минут и можно будет незаметно уйти. Поведу тебя в нормальный общепит, а то тут с непривычки с голоду умереть можно.

– Сонечка, – пискляво донеслось из-за спины и Максим заметил, как напряглось лицо Софьи. «Марго Шовковская», прочитал по её губам Максим.

Полная, излишне ярко накрашенная женщина в длинном широком балахоне «а-ля Пугачёва-80», сверкая белозубой улыбкой, тянула руки, намереваясь то ли поприветствовать, то ли задушить их. Повесив на лицо неестественную улыбку, Соня медленно развернулась. Церемонно подставив друг другу щёки, дамы изобразили поцелуй.

– Ты помнишь моего Климушку? – повисла собеседница на руке парня, годящегося ей в сыновья. Причём в поздно рождённые.

– Естественно, – мурлыкнула Соня. – Это уже третье мероприятие, которое ты проводишь в компании этого юноши. Стареешь, Марго.

Шовковская натянуто захихикала, тщательно следя, чтобы ни один мускул не переработал и резко повернулась к Максиму.

– Зато тебя можно поздравить с обновкой. А что Игорёк? Поизносился?

– Извини, не представила моего кавалера. Шубанов Мак-

сим.

– Художник?

– Нет, – улыбнулся Максим, целуя покрытую слоем макияжа руку. – Экономист и просто друг Сонечки.

– Друг Сонечки, – протянула Шовковская, стучая чёрным деревянным веером по подбородку. Бесцеремонно взяв Максима под руку, она резко развернула его в сторону инсталляции. – Мне было бы интересно узнать ваше мнение, господин Шубанов, по поводу презентуемого произведения искусства.

Максим картинно засунул правую руку в карман и, прищурившись, выставил вперёд ладонь левой руки (кажется, мужик у металлолома выставлял правую руку, но менять диспозицию было уже поздно). Прищурившись, Максим прикусил губу и заговорил плавным грудным шёпотом:

– Обратите внимание, Марго, с этого ракурса. Как сливаются в единое целое, казалось бы, несовместимые вещи: чёрный квадрат Малевича на фоне раннего Пикассо. Единый вход в преисподнюю на фоне переплетения жизненных реалий. Сильная вещь. Шедевр в чистом виде.

Шовковская исподлобья подозрительно изучала мимику Максима. Наконец, раскрыв расписанный под хохлому веер, женщина процедила:

– Своеобразное видение, – и подхватив Климушку под руку, быстро ретировалась.

Сзади что-то глухо всхлипнуло. Обернувшись, Максим не смог отвести взгляд от мелко дрожащей груди, сдержива-

ющей хохот, Софьи.

– Никогда бы не поверила, что презентация в центре Марго Шовковской может закончиться такой веселухой. Ну, допустим, ту чугунную печную заслонку, как прообраз «Чёрного квадрата», я ещё могу принять, но, что ты имел в виду под «ранним Пикассо»?

– Ну, извини, – расстроено поморщился Максим. – Образ «друга Сонечки» оказался плохо продуманным. Но у меня не было времени на подготовку, так что фразы формировались по мере поступления вопросов.

Через полчаса Максим вышел из дверей Центра и с удовольствием вдохнул ночной свежий воздух. Развязав тугой узел галстука-бабочки, он обернулся, ожидая задержавшуюся в дверях Соню.

– По-моему, незаметно уйти не получилось, – расстроено произнёс он.

– Зато, как наши дамы старательно делали вид, что не замечают, с кем я пришла.

– Ну вот и наступил конец твоей репутации, – констатировал Максим, небрежно засовывая галстук в карман

– Обижаешь, – смешно скривила губы Соня. – У меня лет десять назад была такая репутация, что бедным родителям пришлось высылать дочурку на учёбу за границу. Так что мы её сегодня немного восстановили. Ну что, пошли в какой-нибудь ресторанчик?

И снова то, что называется «мечты сбываются». Вот меч-

тал же сводить красивую девушку в ресторан. С той только разницей, что в мечтах платил, всё-таки, он.

– А как вы, девушка с гулкой репутацией, посмотрите, если я приглашу вас в общежитие? Мои вечно голодные товарищи по комнате говорят, что я просто божественно жарю картошку. А потом у нас в актовом зале ночная дискотека. Безопасность в общежитии гарантирую.

Брови Сони удивлённо полезли вверх и лицо стало по-детски счастливым и доверчивым.

– Последняя фраза меня смутила, – улыбнулась она, – но я, пожалуй, рискну. Тем более, что я уже сто лет не ела жареную картошку. Хотя в бурную пору моей студенческой молодости это блюдо пользовалось успехом на наших столах.

Мальчишки несмотря на дикий голод, нашли в себе мужество не нарушать ужин товарища и только из-за двери, тяжело вздыхая, вдыхали царский запах жаренной картошки.

А дальше был сумасшедший драйв на студенческой дискотеке и только в четыре часа утра Соня в сопровождении Максима вышла из общежития. Сна не было ни в одном глазу. Посмотрев на высветившиеся двадцать два пропущенных звонка, Соня, как в недалёкой юности, отключила телефон и повернулась к Максиму.

– Максим, – тихо начала девушка, – если мы больше никогда не встретимся, я хочу, чтобы ты знал: сегодня у меня был самый замечательный вечер.

– Во-первых, мы ещё даже не расстались, – засмеялся он, беря Соню за руку. – Кстати, как ты посмотришь на то, чтобы прогуляться под луной?

– Положительно. Если ты не боишься, что кто-нибудь может дать нам по шее под этой самой луной. Криминогенная обстановка в городе не очень...

– Ну, пока Алёша едет сзади, мне ничего не страшно, – засмеялся Максим.

– А возвращаться?

– Дорогая моя Софья Эдгаровна, – смешно приосанившись, начал Максим, – Это я в плане подраться не силён, зато если бы вы видели, как я удираю.

Идя по ночной мостовой, Соня краем глаза рассматривала своего спутника. Переодевшись в короткие брюки и тонкую полочку, парень, не стесняясь подпрыгивал, посылая к её ногам зелёные ёжики первых молодых каштанов, упавших под порывом ветра. Подняв глаза к небу, Соня задохнулась от восторга. Надо же, какая прекрасная ночь. Когда же она в последний раз смотрела на звёзды?

В тридцать два года, Соня считала себя этакой матроной. Ответственной, наделённой опытом. Сегодняшняя скучнейшая презентация, закончившаяся таким замечательным вечером, абсолютно выбила её из колеи.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

– Что рассказывать? – удивлённо поднял брови Максим. – Родился, учился... Пока всё. Расскажи лучше о себе.

– Тоже ничего интересного, – пожалала плечами Соня. – Обычная жизнь.

– Типа, богатые тоже плачут?

– Представь себе, как раз мой вариант. Деньги ведь не приносят счастья. Они не согреют, не поддержат в трудный момент...

– Зато на эти деньги можно купить шубку, которая согреет. Хлеб, который накормит...

– И всё равно, как говорил Малыш: «Не в пирогах счастье».

– А в чём?

– Наверное в том, чтобы тебя любили, понимали, поддерживали.

Максим зло засмеялся. Найдя очередной ёжик каштана, он швырнул его подальше и, рассматривая первые проблески солнца на сером небе, продолжил разговор:

– Когда у человека есть деньги, его почему-то больше любят, чаще поддерживают. А уж как понимают, когда у тебя в кармане шуршит...

– Может ты и прав, – согласилась Соня. – Но мне в жизни не повезло и не спасла ни шубка, ни машинка... Мой отец женился на маме будучи уже в годах. Я всю жизнь вынуждена была терпеть презрительные взгляды, которые в той или иной форме намекали, что к папе я не отношусь даже боком. Что нос у меня не Тышкевичей. Что губы у меня не Тышкевичей. И так далее вниз. Сначала папа приходил ко мне по

вечерам, книжки читал, но, со временем, он стал отдаляться. Зато папин начальник охраны, мой нынешний отчим, не скрывал свою приязнь ни ко мне, ни к маме. Эти постоянные поглаживания, похлопывания я, по глупости, воспринимала, как дружбу, а потом оказалось, что именно его приписывают мне в отцы. Когда осознание того, что тебя предали, пришло, мне исполнилось всего пятнадцать лет. Пресловутый переходный возраст. Что я творила... Сейчас даже вспомнить стыдно. Наверное, таким образом я отстаивала своё право быть Софьей Тышкевич, но отец продолжал избегать меня. Сейчас я думаю, что, может быть, он просто был очень занят. Тогда открывались одновременно несколько ответвлений его галереи в разных городах. Но я страдала и выражала свой протест самым ужасным образом. В шестнадцать лет, когда меня, пьяную, сняли с крыши ресторана, терпению отца пришёл конец. Представительница рода Тышкевичей станцевала стриптиз на балюстраде самого дорогого ресторана. Через неделю я отправилась учиться в Лондон. А ещё через год отец умер. Кирилл пытался связаться со мной, но в тот момент я сдавала экзамены и телефон был отключен. Так что на похороны к отцу я не попала. А потом, даже не выдержав годового траура, мама вышла замуж за Кирилла и передала ему права ведения бизнеса. Я не осуждала мать. Ей, реально, тяжело было заниматься делом, в котором она ничего не понимала. Но её поспешность меня задела. Тем более что после этого скоропалительного брака все соседи в

нашем коттеджном посёлке окончательно уверились в том, что я дочь Кирилла Лозового.

– Почему ты не сделаешь генетический анализ? Это сразу поставило бы всё на свои места.

– А всё и так стоит на своих местах, – показательно задорно махнула рукой Соня. – Я вкальваю, чтобы бизнес отца держался на плаву, Кирилл ведёт финансовую документацию и вовремя выплачивает мне зарплату. С тех пор как погибла в автомобильной аварии мама, он всё чаще начал привлекать к работе свою дочь от первого брака, Агату. Ты её знаешь. Блондинка, которая учится в вашем университете на пятом курсе. Это моя сводная сестра и, по совместительству, компаньон в бизнесе. Пока ещё начинающий, но акула та ещё. Она и Кирилла, и меня не задумываясь перекусит и выбросит.

– Но в бизнесе же есть и твоя часть? – удивлённо пожал плечами Максим.

– Нет, – зло сверкнула глазами Соня. – Отец счёл меня не готовой к ведению дел его фирмы и всё переписал на маму. Правда, с условием передать мне право на ведение бизнеса, когда я остепенюсь. А мама официально всё переписала на Кирилла и погибла, не сделав ничего для того, чтобы обеспечить свою дочь. Вот такая я богатая плакса. А по поводу генетического анализа, то я его никогда не сделаю, потому что боюсь. Боюсь узнать, что я, действительно, никакая не Тышкевич. Что моя мама обманула отца. Обманула меня... И во-

обще, пока я верю в своё происхождение, мне легче жить.

– А Кирилл? Он же считает тебя своей дочерью. Неужели он не обеспечит тебя?

– Сейчас мне кажется, что Кириллу просто выгодно было поддерживать эти слухи. А как только отец с матерью умерли, его отношение ко мне полностью изменилось. Теперь на первое место вышла Агата. А Соня стала просто хорошим работником, достойным неплохой оплаты, чтобы не открывала рот лишний раз. По-моему, он никогда никого не любил. Ни маму, ни меня, ни свою первую жену, ни даже Агату.

Звёздное небо постепенно светлело, укрывая яркие ночные светила туманной дымкой рассвета. Точно такой же рассвет Соня встречала много лет назад, на последнем школьном звонке, вместе с уставшими беззаботными подругами. В то утро солнце так же величественно выплывало из-за серого горизонта, обещая яркую новую жизнь, полную приключений, любви, новых впечатлений и страстных эмоций. Прошло много лет, а ничего не изменилось. Солнце всё так же загадочно выплывает из-за горизонта, обещая всё те же новые старые эмоции. Жаль только, что поверить в чудо с каждым годом становится всё сложнее.

Ностальгия с головой окутала сознание и в глазах начало пощипывать от неисполненных надежд. Дело ведь даже не в том, что ушёл отец, так и не поверив в неё. Не в том, что ушла мама, даже не дав ей шанс доказать, что она, дочь Эдгара Тышкевича, сильная натура, способная взлететь и побе-

дить все преграды. Это дело прошлое. А есть ещё и настоящее, в котором она, Софья Тышкевич, ищет понимания у малознакомого мальчика, единственного, который без лишних отговорок отложил свои дела и посвятил вечер ненужному, скучному мероприятию только потому, что об этом попросила она.

Прожив четыре года в гражданском браке, Соня так и не дождалась предложения руки и сердца, и далёкая девичья мечта о фате и венчальной церемонии уплывала всё дальше в небытие. Ну не наденешь же белую фату в тридцать два года. Хотя в Лондоне, где Соня провела юность, сорокалетняя невеста в белом флёрдоранже было явлением более чем обычным. Всему своё время, мечта о свадьбе уже похоронена, скоро в то же помойное ведро ляжет и её мечта о маленькой дочке. Сколько раз она намекала об этом Игорю, но тот упорно делал вид, что не замечает её постоянно проявляющегося материнского инстинкта. С завидным постоянством гражданский муж давал понять, что если ей надо кого-то любить, за кем-то ухаживать, кому-то покупать безделушки, то для этого у неё есть он. «Может этот мальчик тоже проявление моего материнского инстинкта?» пронеслось в голове, и Соня старательно спрятала улыбку.

В этот момент Максим медленно взял Сонину руку и, поднеся к губам, осторожно поцеловал запястье.

Пронзительный электрический удар прошёл по всему телу, заставляя сердце покрываться мелкими пупырышками

страха. «Что за глупости лезут тебе в голову? – испуганно пронеслось в сознании. – Просто мальчик таким образом выразил благодарность». Подняв глаза, Соня встрети-лась взглядом с Максимом и сердце залила забытая волна страсти. «Домой, домой, домой, домой», – снова закричало сознание, но губы уже потянулись навстречу жадным губам Максима.

ГЛАВА 6

«Совет в Филях»

Покачивая обтянутой короткой юбкой попой, секретарша неспешно сервировала стол. Положив на блюде кофейную ложечку, девушка сделала шаг к креслу и незаметно прижа-лась длинной ногой к колену сидевшего за столом мужчи-ны. Хозяин кабинета едва заметно нахмурился и покосился на гостя. Судя по тому, как, неприятно усмехнувшись, тот отвёл глаза, полуэротическая сценка шефа и секретарши от него не ускользнула. Подняв глаза, Кирилл смерил девушку неприязненным взглядом. Так и не закончив сервировку, та мгновенно ретировалась.

Помешивая ложечкой кофе, Кирилл с раздражением раз-глядывал сидящего напротив, Игоря. Кто бы мог подумать, что пройдёт всего четыре года и скромный, затюканный парнишка, встреченный им на каком-то затрапезном пока-

зе мод, превратится в ещё не ожиревшего, но приближающегося к критическому пределу, увальня? Помнится, когда они разговаривали в первый раз, Игорь показательно крутил в руках супердорогой айфон и время от времени картинно проводил ладонью по безупречной укладке. Парнишка даже не подозревал, что Кирилл ещё до собеседования выяснил его финансовый уровень и знал, что айфон нерабочий, а причёску сделала его знакомая девушка-стилист в качестве бартера за определённые услуги. Но даже стараясь произвести неизгладимое впечатление на предполагаемого работодателя, Игорь не смог выдавить из себя холуйскую натуру и сидел перед Кириллом, едва не сползая с краешка стула. И глаза. Кирилл почему-то хорошо запомнил его глаза. Глаза тридцатилетнего неудачника, карьера которого, блеснув хвостом жар-птицы, пообещав быть такой радостной и богатой, так и осталась мечтой. Тогда Игорь уже прекрасно понимал, что надежды можно подавать до двадцати пяти, а к тридцати их надо реализовывать. И если мужчина, перешагнув четвёртый десяток, всё ещё носится по кастингам, как начинающий мальчишка, то выглядит это, по меньшей мере, смешно. А жизнь идёт всё быстрее и всё меньше рекламодателей хотят связывать свои бренды с, хотя и не лишённым привлекательности, но давно уже не юным лицом.

Отхлебнув глоток, Кирилл отставил чашку на край стола. Чашечек для кофе было две, но хозяин гостю кофе не предложил. Отвернувшись, Игорь сделал вид, что не очень-

то и хотелось и перевёл взгляд на фотографии за стеклянной дверкой шкафа.

Из белых тяжёлых рамок смотрели две девушки. Чуть полноватая брюнетка улыбалась в объектив. Уголки крупных губ были едва приподняты, и улыбка читалась скорее в прищуренных глазах, сверкающих из-под длинных ресниц. Несмотря на бросающуюся на первый взгляд простоту, в девушке просматривалась элегантность, свойственная, как считал Игорь, «породистым» дамам. Но главное, в её глазах читалась какая-то внутренняя наполненность. Наверное, именно такие девушки могут блуждать по джунглям Южной Америки, подниматься на Эльбрус, проехать автостопом с незнакомым бродягой. Девушка на второй фотографии была её полной противоположностью. Длинные белые волосы, тонкие губы, голубые глаза и абсолютная внутренняя пустота. Во всяком случае так казалось Игорю.

Искося Кирилл изучал взгляд Игоря. Слегка презрительный на фотографию своей гражданской жены Сони и затравленный на фото Агаты. Кажется, Агату он ненавидел и боялся даже на фотографии. Впрочем, дочь Кирилла отвечала родственнику тем же.

– Что за срочность? – устало закуривая сигарету, произнёс Кирилл.

– Сонька дома не ночевала, – сквозь зубы процедил Игорь.

– Ты о ком в подобном тоне говоришь, Козодоев? – поперхнувшись дымом, закашлялся Кирилл. – Какая она тебе

Сонька?

От возмущения он даже не сразу понял суть сказанного. Залпом выпив остаток кофе, Кирилл удивлённо повернулся к собеседнику. Наконец, до него дошёл смысл фразы. Аккуратно затушив сигарету, он развязал тугой узел галстука и приказал:

– Подробнее.

– Таскалась всю ночь наша Софья Эдгаровна с мальчишской-студентишкой. Домой припёрлась, глазки блестят, губки горят. Ну девица из темницы, ни дать-ни взять.

– С Софьей всё понятно. Ты, козёл высокооплачиваемый, где был?

– А вы меня не купили, – с вызовом потрянул крашенными кудрями визави. – Занят был.

От такой наглости глаза Кирилла полезли на лоб.

– Чем же ты был занят, если твоя непосредственная работа, Геша Козодоев, не выпускать Софью Эдгаровну из кровати? И чтобы она, Софья Эдгаровна, даже не задумывалась о других мужиках. Ты, малыш, потерял квалификацию? Тебе выписать отдельную статью расходов на «Виагру»?

– Не смейте со мной так разговаривать, – подскочил с кресла Игорь и без разрешения вынул сигарету из пачки, лежавшей на краю стола. – Я четыре года, как верный пёс, таскаюсь за ней. Я оставил блестящую карьеру, отказался от личной жизни... А где благодарность?

– А на банковской книжке ты ничего не находишь в кон-

це каждого месяца? – Кирилл вышел из-за стола. Подойдя к собеседнику, он толкнул его назад в кресло и навис, сверля злым взглядом. – Кстати, по поводу твоей карьеры. Я тут растерялся. Звонками завалили. То Кельвин Клейн. То Джордж Армани. Звонят, плачут, куда делась наша супермодель Геша Кемпбел? Или ты у нас под псевдонимом Геша Мосс дефилировал? Нет, дружок. Давай-ка вспомним твою карьеру. В каком возрасте ты стал лицом Урюпинской фабрики туалетной бумаги? «Мистер обосрись и оботрись». В восемнадцать? Блестящее начало карьеры. Что у нас дальше? Дефиле в избе-читальне села Зажопинска? Напомни-ка мне, Геша, что я упустил? И глазками ты на меня не сверкай. О личной жизни он размечтался. Забыл, как «Мивину» с «Дошираком» по три раза в день жрал. Я за половину тех денег, что тебе платил, куплю этого пацанчика, который Софье понравился, и будет он работать не покладая... Ну в общем, хорошо работать будет.

– Помечтайте, Кирилл Александрович, – пряча раздражение, буркнул Игорь. – Только пацанчик этот к деньгам может оказаться гораздо равнодушнее, чем вам хотелось бы.

– В каком смысле? – Кирилл закурил новую сигарету и отошёл к открытому окну.

Вид вновь развалившегося в кресле Игоря теперь не раздражал его. Были проблемы посерьёзнее.

– В таком смысле, что предложил я ему бабок, только пацанчик пальцы веером раскинул и послал меня подальше.

– Сколько предлагал?

– Сто баксов. Для студента сумма более чем внушительная.

— Жлоб, – скрипнул зубами Кирилл, яростно затягиваясь сигаретным дымом.

– Может и жлоб, – покладисто согласился визави. – Только дело ведь не в сумме. У мальчика принципы. А купить принципы, Кирилл Александрович, даже вам слабо. Так что раскидываться проверенными кадрами я бы вам не советовал. С Сонькой... Пардон. С Софьей Эдгаровной мы по-семейному разберёмся, а вот пацанчика возьмите на себя. Не хочу его больше видеть в моей кровати.

За дверью послышался шум. «Кирилл Александрович занят»: – истерично шептала секретарша. Вслед за этим высказыванием последовал такой поток отборного мата, что мужчины смущённо переглянулись и опустили головы. Дверь распахнулась и в кабинет влетела Агата. Игорь сжался в кресле, стараясь стать совсем незаметным. Судя по растрёпанному виду девушки, новость уже дошла до неё и вызвала определённый душевный резонанс.

– Я так понимаю, что совет уже в Филях? – не здороваясь, зарычала она, по-кошачьи подбираясь к скукожившемуся в кресле Игорю. – Могу я узнать, где тебя носило и почему Сонька вынуждена была пойти на презентацию одна? Или ты считаешь себя непревзойдённым?

– Агаша успокойся, – не поднимая головы, буркнул Ки-

рилл. – Что случилось, то случилось. Корни проблемы мы выясним потом. Сейчас надо в экстренном порядке решать, что делать с этим студентом? Он, кстати, из какого учебного заведения?

– Из нашего, – девушка устало плюхнулась на огромный кожаный диван и, открыв сумочку, принялась остервенело что-то искать. – Я его видела несколько дней назад. Наша Сонька-добрая душа спасала болезного от мигрени. Никогда бы не подумала, что у сестрёнки такой дешёвый вкус. Мальчишка так себе, по всем показателям. Хотя, говорят, на презентации выглядел весьма презентабельно. Простите за тавтологию. Ладно, на нашу удачу живёт этот Ромео в общежитии, так что завтра же придётся его навестить. Достань аппаратуру покруче, – перевела она взгляд на Игоря, – и, чтобы сегодня всю ночь, как Алёша Стаханов вкалывал. Чтобы наша престарелая Джульетта завтра даже не вспомнила о мимолётном свидании. Ты, кстати, ещё помнишь, что с женщиной в постели делать надо?

– А ты хочешь мне мини-курс по сексологии преподавать? С практическими занятиями? Так я не против. Можешь даже экзамен принять после трудов праведных.

– Ты чё, манекен, совсем нюх потерял? – лицо Кирилла начало медленно наливаться яростью.

– Ладно, – устало бросила Агата, собирая в сумочку разбросанные вещи. – Твоё поведение мы обсудим на следующем заседании. А сейчас не до скандалов.

ГЛАВА 7

Первые трудности

Соня и Максим медленно шли по прожаренной за день мостовой. День выдался тяжёлый и встреча, которую каждый ждал с таким нетерпением, началась совсем не так, как они хотели. Максим кусал губы и пытался найти слова, чтобы начать неприятный разговор, а Соня, как назло, казалась всё более далёкой и закрытой. Наконец, глядя куда-то в сторону, девушка тихо констатировала:

– Ты хочешь поговорить со мной о чём-то важном? Я правильно поняла твоё молчание?

– Да, – потупил глаза Максим и по привычке засунул в рот ноготь большого пальца.

Соня улыбнулась, знакомы всего несколько дней, а она уже знает, что Максим всегда грызёт ноготь большого пальца, когда начинает нервничать. Прикусив губу, она попыталась мысленно восстановить в памяти, как ведёт себя Игорь в таких случаях. И не смогла. Нервничал тот часто, а вот что-нибудь из его привычек так и не вспомнила. Медленно развернувшись к Максиму, Соня подняла свои ухоженные руки и, поиграв пальцами, пошутила:

– Если тебе поможет, то могу предложить мои ногти.

Шутку Максим не оценил и, резко отдернув палец, по-

морщился.

– Максим, – начала Соня. – Ни ты мне, ни я тебе ничего не должны, поэтому можешь говорить всё, что думаешь. А можешь ничего не говорить. Я и так всё пойму.

– Не знаю о чём ты сейчас подумала, – буркнул Максим, раздражённо мотнув головой, – но у меня, действительно, есть разговор, который нельзя откладывать.

Соня оперлась руками о поручни моста и подставила лицо уходящему солнцу. Казалось, она прекрасно знает о чём пойдёт речь и заранее решила для себя, каким будет финал их беседы.

– Тебе надо сводить свою сестру к психиатру, – наконец выпалил Максим и тяжело вздохнув, опустил голову.

– Куда сводить? – изумлённо прошептала Соня. – В каком смысле, к психиатру?

– В самом прямом, – прошептал Максим, пиная ногой оказавшийся рядом камешек. – Извини, что лезу в дела твоей семьи, но это касается тебя. Мне не хотелось бы, чтобы эта припадочная дама когда-нибудь кого-нибудь атаковала.

– Максим, – тихо позвала Соня, Повернувшись, девушка подняла руки и крепко сжала в ладонях его лицо. Максим громко сглотнул образовавшийся в горле ком и судорожно втянул воздух. – Отсюда поподробнее.

– Позавчера возвращаюсь из университета, не успел переодеться, как заходит ваша Агаша и начинает устраивать стриптиз.

– Ну, это у нас семейное, – пробормотала Соня, едва заметно кивнув.

– То же самое сначала подумал я. Но потом началось самое страшное: по-моему, твоя сестра извращенка.

– Дурачок, – неожиданно захохотала Соня. – Молодая красивая девушка предлагала тебе свои услуги. Да любой мужчина счёл бы за счастье воспользоваться.

– Чего ты смеёшься? – возмущённо буркнул Максим. – Тебе смешно, а я, между прочим, второй день дома не ночую.

– А как же твоё знаменитое умение удирать?

– Она мне все выходы перекрыла. Конечно, желание жить победило и выход я нашёл, но пережитое надолго вычеркнет меня из списка любителей погулять. И вообще, мне не понятна твоя неадекватная реакция.

Соня медленно расстегнула кожаную сумочку с висящим на замочке логотипом фирмы и вынула большой белый конверт. Достав несколько фотографий, она протянула их Максиму.

Несколько минут он ошарашенно разглядывал сплетённые в жуткий полуобнажённый клубок тела, затем повернул снимки в другую сторону, присмотрелся и перевёл глаза на Сою.

– По-моему в этом ракурсе я выгляжу вполне неплохо.

– В каком? – девушка взяла из его рук фотографию и звонко расхохоталась. – У тебя же тут рот набекрень. Это как же надо было отбиваться, чтобы тебя так перекосило.

– Предупреждать надо было. Теперь имеем то, что имеем. Интересно, она эти фотки в интернет выставит или для личного пользования оставит?

– По-моему эти фотографии уже выполнили своё прямое назначение. Сейчас их смело можно отправить в мусорное ведро. И забыть. Главное, что ты после всего этого остался жив. Кстати, как ты смотришь на то, чтобы устроить небольшой бордельчик по этому поводу.

Сев за руль, Соня плавно повела машину к выезду из города. Максим закрыл глаза и откинулся на спинку сидения. Ему было всё равно куда ехать. Наверное, с этой девушкой он готов был ехать хоть на край света. Чуть приоткрыв глаза, он с удовольствием рассматривал точёный профиль её лица, завитушку, спрятавшуюся за ухом, пульсирующую жилку на шее. Хотя, всё казалось таким домашним и родным, но внутри начала подниматься горячая волна желания. Наконец, машина мягко съехала с трассы и затормозила и небольшого отеля.

Максим расстроено закусил губу. В отелях он никогда не бывал. И как снимать номер? Как расплачиваться? Все эти тонкости придётся осваивать на ходу. Вынимая из кошелька карточку, Соня привычно подошла к стойке администратора. Худая женщина в огромных очках натянуто улыбнулась. Максима передёрнуло. Показалось, что дама, словно сканером, прошла цепким взглядом сначала по Соне, потом по нему. И показательно поджала тонкие губы. Наверное, оста-

лась недовольна.

– Номер, пожалуйста, – пробасил Максим, прижимая покрепче Сою.

Растерянно подняв глаза на юношу, Соня опешила. За последние годы это, пожалуй, был первый случай, когда мужчина брал решение на себя. Не сказать, что в её практике попадались только бесхребетные мальчишки, позволяющие любить себя и обслуживать. Всякие были. В юности она вращалась в обществе мажоров и было всё равно кто заплатит за отель, Несколько лет, проведённых в Лондоне, жила в своей комнате в огромной квартире и необходимости бегать по отелям не было. А потом появился Игорь. И Соня, как-то незаметно, взяла все финансовые расчёты на себя, совершенно не задумываясь, насколько данная ситуация правильна.

– Люкс? – вежливо поинтересовалась администратор.

– Для начала посмотрим обычный номер, – гордо тряхнул головой Максим, доставая из кармана смятые купюры.

Расплатившись, он взял стандартную пластиковую карточку и, всё так же держа за плечи Сою, прошёл по коридору.

– Макс, – прошептала девушка, похлопав его по руке. Кажется, занервничав, он вцепился в её плечо мертвой хваткой. Да уж, Дон Жуан из него получился слабенький. – Надеюсь, ты никого не убил?

– Даже не надейся, – прошептал он. Шёпот разнёсся по

коридору, отскакивая от стен. Наклонившись, Максим прижался губами к Сониному виску и скосил взгляд. Краем взгляда он успел поймать чуть не вывалившуюся из-за стойки администраторшу. И в тот же момент ощущение неловкости, сковывающее его последнее время, прошло. Глупо хихикнув, он уже не стесняясь поцеловал Соню и вставил карточку в прорезь замка.

– Кстати, я серьёзно, – не унималась девушка. – Откуда дровишки?

– Ограбил парочку тупых заочников.

– Это как?

– Берёшь заочника тупого, одна штука и... – Максим сделал страшное лицо и зверским голосом прошипел: – делаешь ему контрольную. Вот так банально, пара практических работ, затем зачёт, контрольная в лоб и можешь повести любимую девушку в ресторан или ещё куда-нибудь.

Закрыв рывком дверь, Максим прижал Соню к стене. Его пальцы медленно поползли по её напрягшейся шее. Губы порхали, изучая каждый изгиб плеча. От прикосновения его языка по коже лёгкими электрическими разрядами пошла волна напряжения, заставляя Соню вздрагивать и сжиматься. Шорох расстёгиваемой на груди пуговицы, показался взрывом и перед глазами снова, чёрной заставкой встали кадры из её личного триллера.

Соня игриво распушила только что вымытые и высушенные волосы и одёрнув ярко-красную короткую комбинацию, вышла из ванной комнаты. Игорь лениво перелистывал новый журнал для автомобилистов. Безразлично скользнув взглядом в её сторону, он загнул угол странички.

– Как тебе эта машинка? Правда супер. И подходит мне по гороскопу. Шучу. – Мужчина отвёл руки с журналом подальше от глаз и, разглядывая фотографию с разных ракурсов, довольно продолжил: – Хотя нет, не шучу. Это на тот случай, если ты решишь спросить, что мне подарить на день защитника отечества.

– День защитника Отечества, – закусив губу, повторила Соня, последнее время Игорь всё чаще просил подарки и аппетиты его росли не по дням, а по часам. Соне, в принципе не нравилось, когда мужчина что-то просит, ну а уж в подобной ситуации это было даже обидно. – А каким боком ты относишься к защитникам Отечества?

– Я их люблю и уважаю, – будничным голосом прокомментировал Игорь. – По-моему этого достаточно.

– Достаточно для чего? – не унималась Соня, теребя в пальцах алую ленточку на бретельке.

– Для того, чтобы меня, как минимум, поздравить, – удивлённо повернулся Игорь. – Кстати, ты чего так вырядилась?

– А сам догадаться ты не в состоянии?

– А-а-а, – растерялся мужчина. – Ты типа, про секс? Везёт тебе, старушка, такие мысли посещают.

Игорь несколько минут разглядывал полуобнажённое тело сидящей рядом девушки и, наконец, подняв на лоб очки, тихо прокомментировал:

– Слушай, я думал, что грудь опадает только у женщин, которые кормили детей... Хотя, годы берут своё. Корми – не корми, а после тридцати уже и целлюлит, и грудь, как ушки спаниеля...

От неожиданности Соня не знала, как вести себя, Теряя край комбинации, отороченный кружевом, она пыталась переварить информацию. Горло медленно сжималось и в глазах запорхали чёрные мошки. Наверное, ещё чуть-чуть и Соня упала бы в обморок.

– Ты что, серьёзно? – опешил Игорь. – Расстроилась? Сонь, прекрати. Ну, хочешь секса, будет тебе секс.

– Спасибо, – прошептала она, медленно направляясь к ванной комнате. – Уже не надо.

Сердце колотилось, швыряя кровь огромными неравномерными порциями, а ком в горле не пропускал воздух в лёгкие. В душе Соня понимала, что Максим никогда не скажет ей ничего подобного, но задавленное, после того случая, чувства стыда за своё тело, взяло верх, не позволяя расслабиться. Губы Максима опускались всё ниже и ниже и по мере того, как горячая волна бурлящей рядом страсти наваливалась на неё, Соня всё сильнее и сильнее сжималась внутри, ожидая неприятных комментариев.

Максим, шестым или седьмым чувством, понял её состояние. Взял на руки её сжавшееся, как пружина, тело и понёс к кровати. Не прекращая нежно покусывать её губы, он уверенно справился с застёжкой бюстгальтера, и Соня застыла от давно забытых ощущений. Открыв глаза, она сквозь пелену, затуманившую взгляд, взглянула в глаза Максима и первый раз с тех пор, как они вошли в номер, вздохнула полной грудью. Глаза Максима без слов сказали ей, что для этого мальчика не существует женщины более прекрасной, чем она. Запустив пальцы в его волосы, Соня закинула полные целлюлитные ноги ему на спину и триллер, портивший ей жизнь последние несколько месяцев, улетучился в небытие.

Через несколько часов, расслаблено засыпая рядом с Максимом, Соня подумала, что не ночевать дома второй раз за неделю, пожалуй, попахивает скандальчиком.

– Соня, – тихо позвал Максим. – Тебе не показалась реакция твоих родственников на наш роман несколько неадекватной?

– Почему? – удивлённо потянулась Соня. – Они занервничали. Их можно понять. Всё-таки с Игорем мы уже четыре года живём. Наверное, он им кажется более надёжным, чем юный студент.

– И тем не менее такой энтузиазм, бурная фантазия. А главное, мне кажется, твоя сестра, реально была готова на всё, только бы скомпрометировать меня в твоих глазах. Нет,

столько сложностей ради сохранения семьи сестры, это чересчур.

– С Игорем им всё понятно. Он, скорее всего, никогда не женится на мне официально, не хочет иметь детей. А, следовательно, клан Лозовых никогда не потеряет столь ценного работника, да и лишних родственников с моей стороны не будет. А вот, что ты за экземпляр – неизвестно.

– А ты, действительно, настолько ценна, что замены нет?

– Получается, что так. Хотя, действительно, со стороны Агаши – перебор.

Разглядывая расслабившееся во сне лицо Максима, Соня взъерошила пальцем широкую бровь парня и скользнув по заросшей к ночи щеке, остановилась на детских припухших губах. Внутренности снова вздрогнули от игривой, шипящей волны, прошедшей по всему телу. Грудь непривычно заныла, вспоминая его жадные поцелуи. Чтобы не сорваться на третий круг, Соня тихо поднялась и достала из сумки конверт с фотографиями. Действительно, столько телодвижений ради Игоря, которого Агаша терпеть не могла? Ради счастья сестры? Ещё абсурднее. Единственная ценность для Агаты – это она, любимая. И только ради своего блага сделала бы девушка то, что сделала. Как реагировать в таком случае? Наверное, вызвать ответ, который подскажет мотивы данного поступка.

Солнце, играя лучами, отчаянно пыталось оживить угнетающую тишину кабинета. Огромные окна выходили на шумный проспект, но до верхнего этажа, где расположился офис Лозового, не долетал ни шум проезжающих машин, ни крики протестующих, расположившихся с плакатами напротив соседнего банка. Жалюзи с утра не опустили, а после получения почты, присутствующие находились в таком шоке, что стало не до жалюзи. Кирилл, глядя как нервно дёргается глаз дочери, кусал губы, стараясь сдержать раздражающие изнутри эмоции. Спрятавшись в недрах огромного дивана, Игорь затравленно рассматривал переполненные злобой глаза Агаты и прятал усмешку.

Ну, Сонечка, ну, сестрёнка подколодная. Кто бы мог подумать, что тихая, скромная женщина преклонного возраста способна на подобную гадость? Хотя, если вспомнить, что папочка рассказывал о её девичьих шалостях, то не удивительно. Опыт имеет конкретный. Да и чьих родителей дочь, учитывать надо. Эдгар Юозович накопил миллионное состояние не только умом и сообразительностью.

Агата методично рвала фотографии на мелкие кусочки и швыряла разноцветные обрывки в мусорное ведро. Придумать же такое, прислать компрометирующие фотки отцу. Нет, излишней стыдливостью Агата не страдала, но в этот раз её героические потуги оседлать малознакомого парня, кажется, произвели на окружающих неизгладимое впечатление. Папика точно чуть инфаркт не шлёпнул. Но самое уни-

зительное – это образ юного денди, отбивающегося от нападающей с таким усердием, словно не молодая очаровательная леди пришла к нему в холуйское общежитие, а продукт пламенной любви Шрека и Фионы.

Уже не первый раз Агата замечала, что в состоянии аффекта она получается не просто несимпатичной, но, если быть честной, откровенной уродиной. И ведь знала же. Спрашивается, чего так завелась? Впрочем, это был первый раз, когда юноша не просто не захотел её, но и серьёзно испугался. А добиваться своего Агата привыкла с детских лет. Вот и полезла напролом, не заботясь о том, как выйдет на снимках. Фотографии закончились и Агата взяла в руки конверт. Вот, сучка, ещё и смайлик прилепила.

– Ладно, признаю свою ошибку, – буркнула она, бросая в мусорное ведро последние обрывки. – Какие будут предложения?

– Можно завалить ему сессию и отправить служить в армию, – выдавил Игорь, пряча ехидную ухмылку.

– Сессию он уже сдал, а ждать до следующей не имеет смысла, – потёр рукой покрасневшую шею Кирилл и скрипнув зубами, процедил: – Я этого рогуля деревенского Расулу отдам. Там ему самое место.

Агата исподлобья взглянула на отца. Да уж, наверное, здорово обидела Сонечка Кирилла Александровича, раз пошёл на такие кардинальные меры.

– Сонька знакома с Расулом, – подсказал Игорь, рассмат-

ривая безупречную форму ногтей. – Помнится ещё покойный Эдгар Юозович уважал нашего узбекского друга за умение быстро решать проблемы.

– Расул в первую очередь бизнесмен, а уж потом друг, товарищ и брат. Поэтому будет рассказывать то, за что деньги получены. Конечно, информацию надо правильно подать. Дескать, парнишка позарился на достаток, пытается увести из семьи славную девочку Соню. В общем, этим я сам займусь.

Кирилл тяжело втянул воздух и, подойдя к окну, распахнул створки. Никогда не уважал все эти супернавороченные кондиционеры, в горле першит, сердце не выдерживает температурных перепадов, одни проблемы. То ли дело свежий воздух. Даже такой загаженный, как в центре города. Даже такой липкий и жаркий, как в середине июня. Всё равно родной, напоминающий босоное детство, непутёвую юность, всё то, что уже никогда не вернёшь, хотя, впрочем, и не надо.

ГЛАВА 8

Алим Низамов

Алим нервным движением отодвинул ткань, закрывающую вход в палатку и, войдя, опустил глаза на свернувшееся в углу тело девушки. Грубо выругавшись, он прижал пальцы к сонной артерии на её шее: девушка была мертва. Вынув

из кармана кiset с табаком, Алим привычным движением скрутил самокрутку и, закурив, выпустил в потолок струю серого, вонючего дыма. Как же ее звали? Ангелина? Нет, Ангелина, это та, что умерла до нее. Рита! Да, точно, Маргарита. Дольше всех продержалась... почти три года. Он снова затынулся. Сполах пробежал по серой бумаге, превращая её в столбик пепла.

В полевой госпиталь на границе Узбекистана с Афганистаном привозили не только боевиков, но и местное население. Подорвавшихся на минах, да и просто с отравлениями тащили на ослах через горы, потому что знали – лучше здешних врачей, в районе нет. Ну а главная ценность госпиталя, конечно, лаборатория. Хоть она и считалась секретным объектом, от местных трудно что-то скрыть. Хорошо хоть жители близлежащих аулов не болтливые. Лаборатория была небольшой, мобильной. Готовой свернуть деятельность и пересечь границу в течение двух часов. Хотя уже три года, как стояла на одном и том же месте. Да и слава богу. Что изучали в этой лаборатории Алим не интересовался. Во-первых, его военного образования не хватало, чтобы вникать в деятельность химиков, а во-вторых – меньше знаешь, дольше живёшь. Бесплатным приложением к госпиталю была и эта бордель-палатка. Сам Алим сюда не заходил, но мужиков понимал. Чем ещё заниматься в полевых условиях? Девчонки тут менялись не часто. Красивых заказывали. Чтобы обязательно блондинки, ноги от ушей, грудь колесом... Жаль

хлипкие оказывались.

Еще раз вздохнув, полевой командир Алим Низамов прикрыл обнажённое тело девушки грязным покрывалом и вышел из палатки. Вдохнув полной грудью прохладный вечерний воздух, он бодренько потрусил к госпиталю.

Медицинский персонал, выполняя требования главврача, строго следил за выполнением санитарных норм и посещения больных были строго запрещены. Легко раненные бойцы, чаще всего, страдали не столько от боли, сколько от недостатка общения. Молодые ребята грубо улыбались, надеясь, что Алим остановится и перекинется парой слов о последних событиях, но он, не останавливаясь, прошёл в лабораторию. Переодевшись в белый халат, натянув одноразовые бахилы и перчатки, вошел в святая святых местных медиков и ещё с порога услышал скрипучий голос профессора Лазарева.

Когда профессор приезжал в лабораторию, Алим старался, как можно реже попадаться ему на глаза. Хотя именно Лазарев год назад помог избавиться от сопровождающего его всю жизнь ощущения холода. Сколько Алим себя помнил, холодно ему было всегда. Только горячая ванна помогала восстановить дисбаланс и возвращала хорошее настроение. Чего только не прописывали местные эскулапы, рассказывая, как близко у него находятся вены, что-то об узких артериях и еще какую-то чушь. Но даже здесь, в жарком Узбекистане, постоянное ощущение холода не покидало тело. До

тех пор, пока не появился круглый неприятный профессор.
– Мерзнете, господин командир? – вкрадчивым голосом спросил столичный светила.

«Не твоё дело», – зло буркнул внутренний голос Алима. Не отдавая себе отчёт, он с первого взгляда невзлюбил профессора. Даже имя какое-то приторное. Филипп Романович... Филипп, к жопе прилип. Круглый, липкий, как дешёвый леденец на палочке. Подавив неприязнь, Алим мило улыбнулся:

– Мёрзну, господин профессор. Медики говорят что-то о кровеносной системе...

– Может быть кровеносная система, а может быть, что-то другое. Зайдите ко мне в кабинет вечером. Проведём сеанс гипноза. – Видя замешательство в глазах собеседника, профессор улыбнулся. – Приходите командир. Не пожалее-те. Много нового можете узнать.

Дружески похлопав нового знакомого по плечу, психиатр Филипп Лазарев вернулся в лабораторию.

Что нового он мог узнать о себе? Ни случаев амнезии, ни убойных ударов по голове в его жизни не было. Начиная лет с пяти и, вот уже сорок девять лет, он, бывший офицер Советской Армии и нынешний боевой командир, помнил с абсолютной точностью. И тем не менее, в семь часов вечера, он неуверенно зашёл в кабинет профессора.

Как его погружали в гипноз, Алим не помнил. Просто опустился в кресло, о чем-то поговорили и... клац... Бе-

лое-белое поле. Холод пробирает до костей. Посреди зимнего, нетронутого человеком пейзажа катит небольшая чёрная повозка. Десятилетняя девочка зябко кутается в огромный, когда-то белый, оренбургский платок. «Сестренка? – изумленно подумал Алим. – Нет. У Регины глаза другие. Раскосые. Как у отца». Вдруг девочка вздрогнула и лицо её скривилось в жалобной улыбке. «Бабушка» выдохнул Алим, вспоминая папину мать, кутающуюся всю жизнь в оренбургские платки.

– Замерзла, Ада? – мужчина, сидевший рядом, попытался согреть руки девочки своим дыханием. – Лезь вниз, к Саше, там теплее.

Маленькая Ада скользнула под огромное теплое покрывало. От резкой вони, забившей лёгкие, девочка автоматически высунула голову наружу, но через минуту организм приспособился и стал медленно согреваться. Младший брат провел теплой рукой по её щеке, стирая холодные капли растаявшего снега и прижался поплотнее к ногам отца.

– Ничего, Сашенька, – шептала девочка, поглаживая братишку по закутанной до бровей голове. – Скоро Ваську с Прошкой выгонят. Вернемся домой, Глашенька растопит баньку. Я вымою твои волосики французским душистым мылом. Потом все вместе поедem в гости к Касаткиным. Будем играть с Женей и Зиной... Как раньше. Не бойся. Ты же граф Невзоров. Ты должен быть смелым.

Мерное покачивание повозки, убаюкивающее сопение

уснувшего братишки, тихо журчит речь родителей...

Следующее видение перенесло Алима в теплый деревянный дом. Повзрослевшая Аделаида Невзорова притаилась за дверью, подглядывая за разговаривающим в большой комнате родителям.

– Спасибо за честь, Назарбек. Только рановато ты пришел. Аделаиде только-только шестнадцать стукнуло.

– Так самый возраст и есть, чтобы замуж выдавать. В двадцать-то кому она будет нужна.

Полный мужчина, степенно погладил разлапистую бороду и, взяв двумя пальцами щепотку квашеной капусты, отправил её в беззубый рот.

Отец растерянно потёр подбородок и бросил косой взгляд на сидевшую у окна жену. Стальное лицо графини, её сжатые в ниточку губы лучше любых слов говорили всё, что она думает об этом визите. Иголка, мелькнув в воздухе, втыкалась в ткань с такой ненавистью, словно это не рубашка, а голова назойливого посетителя лежала сейчас на её коленях.

– Обручена наша дочь, – не поднимая глаз, процедила графиня Невзорова. – С детства. Обязательства у нас перед госпо... товарищем Косаткиным. Евгений Львович – жених Аделаиды и через год они обвенчаются.

Гость прищурил и без того узкие глазки и сжав в кулак бороду, с ненавистью сплюнул.

– Брезгуете, значит, графья хреновы. Били мы вас били, да видать мало. Вам нынче за счастье, что мой Салаватка на

вашу голодранку засмотрелся. Она бы за ним, как сыр в масле каталась. Ну да и слава Богу. Таких засранок, как ваша, у нас полдеревни бегают. Бери любую и рада будет.

Ударив ногой попавшегося на пути кота, гость выскокчил, зло хлопнув дверью. Устало поднявшись с потемневшего от старости колченого табурета, граф Невзоров присел на корточки рядом с женой. Рассматривая заметно постаревшее за последние годы лицо любимой женщины, он забрал из её рук старую штопаную рубашку. Повернул её ладони и долго целовал покрытые мозолями тонкие пальцы.

– Почему вы молчали? Почему не сказали этому мужлану, что дочь графа Невзорова никогда не станет женой товарища Низамова. Почему вы постоянно либеральничаете?

Женщина рывком подняла голову мужа и долго смотрела в серые, потускневшие от пережитых ужасов, глаза. Поднявшись, графиня по самое ушко вколола иголку в лежащий в плетёной корзинке клубок и, стараясь унять раздражение, резко прошлась по комнате.

– Успокойтесь *mon sherrri*. По-моему, вашей реакции было более чем достаточно, чтобы высказаться за нас двоих. Я думаю, он все правильно понял. – Граф задумчиво наблюдал за метавшейся по ограниченному пространству маленькой комнаты женой и наконец, веско произнес: – Сегодня же отправлю письмо графу Касаткину и попрошу поторопиться со свадьбой.

Лицо девушки, стоявшей за дверью, озарилось счастли-

вой улыбкой. Сделав реверанс, она довольно пропела: "Үйі, рара" и на цыпочках выбежала во двор.

На следующий день молодая графиня Аделаида Андреевна Невзорова пропала. Так же исчез из села и сын директора меховой артели Салават Низамов.

Выйдя в тот день из домика, в котором квартировал профессор, Алим впервые за много лет вспомнил бабушку Аду. Среди всех своих внуков она выделяла именно его и только ему, пятилетнему бутузу, целовала пяточки, приговаривая: «Ну, какой ты Низамов? В тебе наша, голубая кровь и косточка тонкая и похож ты на дедушку своего, Андрея Васильевича, только чёрненький».

В тот год Алим взял отпуск и целый месяц просидел в архивах, отслеживая жизненный путь семьи графа Невзорова, репрессированного в тысяча девятьсот двадцатом году и высланного на Урал. В двадцать шестом году, после исчезновения старшей дочери, он долго рассылал запросы с просьбой помочь в розыске. После того, как через три года, в родильной горячке, умерла жена, так и не произведя на свет сына, замкнулся и запер. Но, с детства привитое чувство ответственности взяло верх и мужчина, переборов себя, продолжил воспитание маленького сына.

В этот месяц Алим, действительно, узнал очень много нового. И о существовании родственников по линии бабушки. И то, что троюродные братья и сестры выхлопотали себе

в «Дворянском собрании» титулы, вернее, восстановили их. И то, что в отличии от него, живут родственники на порядок лучше и добротнее... Где-то в глубине души поднял голову червячок зависти. Может и ему предъявить права и стать графом Невзоровым-Низамовым? Вот мужики обхохочутся.

После окончания отпуска Алим закрыл пухлую папку с материалами о своей семье и, выйдя из отеля, выбросил её в мусорный контейнер. Почему бабушка никогда не вернулась в семью и даже никогда не пыталась связаться с родственниками, так и осталось нераскрытой тайной.

ГЛАВА 9

Профессор Лазарев

Голос профессора Лазарева заставил Алима резко притормозить и даже трусливо оглянуться, ища причину, по которой он смог бы перенести визит на будущее. Но ничего подходящего в поле зрения не попало. Тяжело вздохнув, Алим потянул на себя дверь.

– Дорогой мой вундеркинд, – напыщенно вещал Лазарев, перебирая документы на столе, – если вы считаете свое открытие «ноу-хау», то спешу вас разочаровать. Зомбировали людей ещё в двенадцатом веке и на Гаити, и в Бирме, и в Нигерии. И должен заметить, специалисты были почище вас. В рыло плюнут и будешь по собачьи выть, уби-

вать, и делать все, что прикажут. А программа МК-ультра, и Маньчжурский кандидат Юана Кемерона – это не фантастика, это реальные разработки, проводимые ЦРУ еще в середине прошлого века. Целые батальоны противника пичкали сергиновой кислотой, чтобы лишить их способности сопротивляться. Что вы мне показываете результаты опытов над этими уродами? Они и без вашего препарата полудохлые. У них же организм истощен от недоедания, от наркотиков, от ненормального образа жизни. Вы бы еще на баранах опыты проводили. – Подойдя к раковине, профессор долго мыл руки. В лаборатории на некоторое время повисло гнетущее молчание. – Мне нужен нормальный человеческий материал. С нормальными мозгами, в которые можно игрегарельно-матричными методами поставить зомбирующую программу и проследить за ее реализацией в реальных условиях.

Небольшое пространство лаборатории заполнил незнакомый химический запах и Алим непроизвольно поднял руку, прикрывая нос. Судя по сопению, профессор понял, что перегнул палку и теперь голос его звучал почти заискивающе.

– Вы не обижайтесь на меня, коллега. Ваши исследования, безусловно, перспективны. Тем более что в данных условиях и в этом, конкретном, регионе, препарат получается на порядок дешевле его зарубежных аналогов. Но пока мы не проведем эксперимент на здоровом молодом организме, не отягощённом негативными факторами, я не могу дать вашей

разработке «красную дорожку». Так что действуйте. Закажите молодого непьющего, некурящего мужчину и... Если испытания пройдут успешно, я буду гордиться сотрудничеством с вами.

Алим скрипнул дверью и, намеренно громко стуча сапогами, прошел вглубь помещения. Мужчина, стоявший около стола, заваленного бумагами, замолчал. Приторно улыбаясь, Лазарев обнажил результат работы высокооплачиваемых дантистов и помахал Алим у пухлой ручкой, затянутой в прозрачную резиновую перчатку. Стоявший спиной к двери молодой человек тоже обернулся. Не здороваясь, он опустил глаза в бумаги, словно боясь расплескать рвущееся наружу раздражение. Глядя на сжатые в тонкую ниточку, побелевшие губы Тимура Гарипова, Алим, сочувственно покачал головой: «Надо вытаскивать парня отсюда, а то... молодой, горячий... Сорвется, ляпнет всё, что думает этому жабёнышу, потом ходи, мири их. А может пусть ляпнет? Он ведь, кажется, родственник Гарипова? Ничего ему не сделают. А этот вампирёныш хоть раз в жизни услышит о себе правду. Хотя нет, не стоит».

– Здравствуйте, дорогой господин командир, – снимая на ходу резиновые перчатки подкатил к Алим Лазарев. – А мы с коллегой только что о вас вспоминали. Включите, пожалуйста, в список заказов два молодых человека, не старше тридцати лет. Желательно славянской внешности, без вредных привычек. И как можно скорее. Да, и личная просьба, –

профессор доверительно взял Алима за рукав халата и, отведя в сторону, зашептал в самое ухо: – Вы ведь будете заказывать для нашего начальства девочку? Закажите две.

Губы Алима сжались в тонкую белую ниточку, сдерживая рвущийся наружу здоровый русский мат. Ни для кого не было секретом, что, давно не юный начальник их подразделения питал нездоровое влечение к маленьким девочкам. Последняя сожительница, подбираясь почти к тринадцати годам начинала приобретать нормальные женские формы и, соответственно, терять привлекательность для старого привередника. И вот уже полгода, как тот ненавязчиво намекал Алиму, что «его девушка требует замены». Что ж, значит теперь у них одним извращенцем больше.

– Хорошо, Филипп Романович, я учту ваши пожелания, – буркнул Алим, внутренне вздрагивая, когда взгляд упёрся в глупо хихикающее лицо профессора.

Выходя из помещения, Алим затравленно посмотрел на бутылочку со спиртом, но продезинфицировать руку, которой прикасался к Лазареву, не решился.

— Тимур, ты не сможешь мне разобраться с заказами из лаборатории и из госпиталя?

По-прежнему, не говоря ни слова, молодой химик прошёл мимо беседующих, снимая на ходу перчатки. Кивнув профессору, Алим бросился за парнем.

Сидя на крылечке, Тимур дрожащими руками пытался вынуть сигарету из мятой пачки. Пергамент рвался, табак

крошился, заставляя парня всё больше и больше нервничать. Закурив, он зло посмотрел на Алима.

– Ну, ты видел гниду? – Тимур нервно затаился и сломал сигарету, отбросил её в сторону. – Этот неандерталец будет читать мне лекцию о своих соплеменниках с острова Гаити. Да у меня Московский химико-технологический за плечами. Ты слышал с какой иронией он меня «коллегой» называет? Про разработки ЦРУ рассказывает, словно я ПТУшник недоделанный.

– Это он от зависти, – Алим вынул из кармана кисет с табаком и протянул собеседнику.

– При чем тут зависть? —не понял тот.

– Ну а как ты хотел? Ему ведь уже за шестьдесят, а что он в жизни хорошего сделал? А тебе сколько?

– Двадцать девять.

– Ну вот видишь, всего двадцать девять, а уже такие разработки. У тебя вся жизнь впереди.

Минут пять мужчины молча курили, разглядывая тренирующихся неподалеку боевиков. Тёплое майское солнце собирало последние лучи перед тем, как опуститься за горизонт. Серые облака захватывали небо, угрожая завтрашним дождем, а редкие клочки пожухлой травы навевали грустное настроение.

– Как ты сюда попал? – спросил Алим, стараясь сбить волну напряжения.

– Дядя Расул, брат отца, предложил поработать. Ты ведь

знаком с Расулом Гариповым? Согласился.

– Жалеешь?

– Нет. Здесь интересно, если бы не этот урод, работу можно было бы назвать шикарной. Я ведь после университета год в Барселоне работал. Вернее, практиковался на косметической фабрике «Делиплюс». Даже приглашали остаться.

– Почему же не остался?

– Во-первых, конечно, деньги: здесь на тридцать три порядка больше платят, а во-вторых... не смог бы я там долго. Знаешь, они скучные. Это даже трудно объяснить. Вроде как все веселые, собираются каждую субботу большими компаниями, пьют пиво, ходят в парк... Когда я переезжал с одной квартиры на другую и сказал этим амигам, что завтра буду перевозить вещи, думал, что вся компания придёт помочь. Ну, как у нас принято. А у этих даже не щёлкнуло. Так всё сам и перетаскал. Они потом удивлялись, почему не заказал службу перевозок. А я, честно говоря, и не сообразил. Разный менталитет.

– Тебе парень ещё двадцать девять, а вот доживешь до моих, почти пятидесяти, поймешь, что и у нас такого по самые... эти.

– Не знаю, – взгляд Тимура остановился на тяжелой кудрявой туче, медленно ползущей по серому небу. – В нашем понимании дружба – это что-то более ценное. А там не дружба, а одно трепание языками. Общий вывод: мужики там хреновые, бабы – анорексиками, еда – на любителя. И я не есть

этот любитель... Что еще?

– Экий ты капризуля, – засмеялся Алим. – Значит и бабы тебе там не понравились?

– Если честно – нет. Они чересчур упрощенные, без изюминки, в них трудно влюбиться с первого взгляда. У тебя есть жена?

– Нет. И никогда не было. Во всяком случае официально. Всю жизнь по гарнизонам, ни кола, ни двора. Накопил денег, думал квартиру, машину куплю, а они в дефолт, в девяностых годах, раз и исчезли. Вот так и остался: голый-босый-безволосый. Так что мне, когда предложили здесь поработать, надо было только штаны подтянуть и никаких прощаний.

– Неужели и не влюблялся никогда? – Тимур удивленно посмотрел на старшего товарища.

– А вот этого сколько угодно, – буркнул Алим, срывая и засовывая в рот пожухлую травинку, – Особенно по молодости. Лет десять назад был у меня романчик... Мне тогда уже к сорока подгробало, хотя нет, лет тридцать шесть, не больше. Из армии поперли. Тогда вообще неразбериха была. Ну, в общем, остался без квартиры, из служебной выселили, без денег, но, хвала Аллаху и без обязательств. Снял комнату в коммуналке, устроился охранником к одному борову. Тогда и познакомился с Милочкой, соседка моя по квартире. Мне тридцать шесть, ей двадцать три. Красавица. Идёт по городу, все мужики штабелями укладываются. А она, глупыш-

ка, с меня глаз не сводит. Ко мне уже тогда начали ребятки подкатывать с предложениями работы нехорошей. Как я её подставить мог? Объяснил, как есть, чтобы нормального мужика искала да замуж выходила, а она – в слезы. Уехал. А через несколько месяцев не выдержал, приехал. Только там уже другие люди хозяйничают. Сказали, что расселили наш дом, а Милочка, вроде, на последнем месяце беременности была. Я потом несколько лет искал её, только всё зря. Сирота она, родственников нету. Выписать из квартиры – выписали, а куда дальше делась, никто не знает. Вот так живу и думаю, может ходит где-то мой сын или дочь.

– Грустно, – Тимур сочувственно разглядывал сгорбившуюся фигуру Алима Низамова. – Слушай, напиши мне данные твоей Милочки. Я попробую в интернете поискать.

– В «Одноклассниках», что ли? – хохотнул Алим, поднимаясь с нагретого солнцем крыльца.

Затушив о подошву окурков, он автоматически поправил ремень. Разговор начал раздражать. Двенадцать лет прошло. Наверное, Милочка вышла замуж, его сын или дочь считает отцом другого человека и вмешиваться в чужую жизнь Алим считал бестактным.

ГЛАВА 10

Почти развод

Зеркальные створки шкафа уже блестели, но Наташа продолжала яростно полировать их. Уже не раз, проходя мимо неё, Игорь делал замечание, намекая, что пора что-нибудь помыть и в других комнатах, но горничная делала вид, что совершенно его не слышит. Ещё бы, такой поворот событий в хозяйской семье. Мало того, что Софья Эдуардовна загуляла, но она, кажется, даже не считает нужным скрывать это. Или, по крайней мере, стесняться. Ну хотя бы покраснеть. Завернув волосы за уши, Наташа старалась не пропустить ни одного слова.

После разговора с какой-то Ирой Марпл выяснилось, что какого-то Максима похитили. Скорее всего, того самого, который ночевал у них. Того самого, с которым и загуляла хозяйка. Потому что никого другого Максима у них с Алёшей в поле зрения не появлялось. Просто детективный сериал. Наташа бросила взгляд на часы. Обеденный перерыв. Ну как тут бросишь работу? Нет уж. Пообедаем после обеда. Последние три дня Софья Эдуардовна ходила сама не своя. И Наташа сделала вывод, что с Максимом что-то случилось. Не мог же он просто так бросить её любимую Софью Эдуардовну. А теперь ещё и похищение.

Наконец, найдя оставленные на полочке очки, хозяйка схватила сумку и не говоря ни слова, бросилась к выходу.

– Если ты летишь на свидание к своему юному Ромео, то даже не мечтай, – зло бросил Игорь, выходя следом за ней. – Его, всё равно уже нет в живых.

– Что значит «нет в живых»? – Соня резко остановилась, словно налетела на невидимую стену. – Ты что-то знаешь?

Наташа оставила в покое дверку шкафа и на цыпочках подбежала к двери. Выглянув из-за косяка, она наблюдала, как исказилось лицо Сони. Как покрылось красными пятнами холёное лицо Игоря. Сюжет развивался с космической скоростью.

– Не выдумывай, Соня, – натянуто улыбнувшись, прошептал Игорь. – Что я могу знать? Единственное, что я знаю, это то, что ему двадцать два года. Ну попользовался парнишка взрослой тёткой. Наверное, даже понравилось. Но потом пришло понимание, что девчонки молоденькие лучше. Уж, извини, если задеваю твою гордость. Я по себе сужу, даже не представляю, как бы я имел отношения с женщиной, которая годится мне в мамы, – Игорь брезгливо передёрнул плечами и попытался ласково обнять Соню за плечи. – Отпусти его, родная. Это маленький мальчишка. Наверное, хороший, раз ты так тепло отнеслась к этому мимолётному роману, но маленький. У тебя семья, работа, сложившийся образ жизни. Подумай о себе. Тебя этот кульбит делает смешной в глазах общества. Ты думаешь, что все на презентации сказали, ах эта Тышкевич, какого мальчика закадрила? Нет, дорогая. Люди злые и за твоей спиной только и шептали: эта дура Тышкевич, как была дурой, так и осталась.

– Игорь, – прошептала Соня, устало сбрасывая с плеча его руку. – Поверь, мне сейчас совершенно всё равно, что ска-

зали обо мне пришедшие на презентацию люди. И ещё, по поводу семьи, работы и что ты ещё там вспоминал? Так вот, семьи у меня нет, потому что ты за четыре года так и не удостоился сделать мне предложение...

– Конечно мы распишемся, Сонечка, – наигранно хохотнул мужчина и даже попытался опуститься на одно колено. Колено предательски щёлкнуло. Потирая ногу, он бросил жалобный взгляд на Соню и продолжил: – Просто я даже подумать не мог, что для тебя штамп в паспорте имеет такое решающее значение. Ты наденешь белую фату и будешь самой красивой невестой на планете.

– Нет, спасибо, – девушка решительно обошла его и открыла дверь. – С некоторых пор я передумала выходить за тебя замуж.

– Неужели ты, действительно веришь, что этот мальчик серьёзно к тебе относится? Соня, ты же умудрённая годами женщина.

Игорь резко выпрямился и презрительно улыбаясь смахнул с брюк невидимую пылинку. Кажется, он даже не ожидал, что сцена примирения может так затянуться. Во всём этом было что-то новое и пугающее. Неожиданно, он с ужающей точностью увидел себя со стороны: старую, никому не нужную модель, которая, как в тяжёлые голодные времена далёкой юности будет бегать по кастингам и смешить людей, выходя на подиум рядом с молодыми подтянутыми мальчишками. Точно знать, что никто и никогда не подпи-

шет с тобой контракт и всё равно каждый раз верить в чудо. Осознание подобного будущего стёрло с его губ презрительное выражение. Вспомнив все пройденные в молодости уроки актёрского мастерства, Игорь выдавил несколько скупых слезинок и жалобно простонал:

– Сонечка, не уходи. Неужели ты не понимаешь, что только я способен понять тебя и любить всю жизнь. Тебе сказали, что этого Ромео похитили, а ты не задумывалась над тем, что он мог подговорить девчонку сказать тебе об этом? Чтобы ты не беспокоила его? Чтобы, банально, оставила в покое? Я не позволю тебе позорить честное имя Тышкевичей. В отличие от тебя я вижу куда ты катишься и если и делаю, что-то вопреки твоей воле, то, поверь мне, дорогая, это для твоего же блага.

Игорь грубо схватил Соню за талию и, не слушая протестов, затолкал в ванную комнату. Закрыв дверь на замок, мужчина раздражённо прошёл в спальню, не слушая доносящихся из ванной криков.

Ну это было уже слишком. Наташа выскочила в коридор и провернула круглую ручку, снимая её с системы защиты. Услышав щелчок, из комнаты вылетел взбешённый Игорь. Пожалуй, Наташа впервые увидела, как побелели и почти слились по цвету с кожей его голубые глаза. Наверное, в другой раз она бы даже испугалась, но сегодня в неё словно чёрт вселился. Уперев руки в бока, она сдула с глаз вылезшую из причёски прядь и сквозь зубы процедила:

– Пока в этой квартире хозяйка Софья Эдуардовна, ни один хрен закрывать её в туалете не будет.

– Игорь, – голос Сони гремел, словно набат и Игорь понимал, что в данный момент он присутствует при зачтении приговора. – Я сейчас уйду, а когда вернусь, не хочу видеть в своей квартире ни тебя, ни твоих вещей.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – ехидно поинтересовалась Наташа, когда за Соней захлопнулась дверь. Не получив ответа, девушка гордо вскинула голову и победоносно прошла на кухню. Вот теперь и пообедать можно.

ГЛАВА 11

Детский дом

Из открытого окна доносились детские голоса, шорох метлы по асфальту и старческая беззлобная брань. Поднявшись из кожаного кресла, заведующая детским домом Альбина Николаевна Савенко медленно подошла к окну и, выглянув, строгим взглядом окинула площадку. Амплитуда шарканья метлы сразу увеличилась вдвое, а детские крики стали на порядок тише. Закрыв створки, она опустила жалюзи и включила кондиционер.

Сидевшая в кресле напротив женщина удовлетворённо вздохнула. Облокотившись на спинку, она подняла пузатый бокал и несколько секунд внимательно изучала перелива-

ющуюся в тусклом свете жидкость. Судьба давно и непрерывно баловала Зою Ларионовну. И заметно это было не по скромному изяществу дорогого костюма, не по белоснежной улыбке из дорогой клиники и даже не по сверканию бриллиантов в ушах и на пальцах. Скорее по расслабленной позе. Когда, какую бы часть ножки ты не показала, точно знаешь, что ни один глаз, даже самой завистливой подружки, не найдет там и намека на целлюлит. Это была томная полнота молодой женщины. И только опытный взгляд мог определить, что даме давно перевалило за пятьдесят.

– Что загрустила, подружка? – лениво улыбнулась гостья, бросив хитрый взгляд на задумчиво стоящую у окна заведующую. – Кажется, пожалела о девчонке, которую я купила? Не жалеи, у тебя таких работниц ещё пруд пруди.

Альбина Николаевна перевела взгляд на подругу и автоматически погладила себя по упругой бархатистой щеке. «Как удачно, что вчера весь день провела в салоне. Приехала бы эта сволочь на день раньше, позору бы было на год».

– Пожалела, дорогая, пожалела, – пропела она, возвращаясь к столу. – «Жемчужинку» тебе отдала. Она мне годовой бюджет за месяц делала. Двенадцать лет девчонке, а в мужиках, не хуже любого психолога разбирается. А уж специалист... Не пожалеешь.

– Это-то меня и настораживает, – закусив губу, пробормотала гостья. – Не больная ли? Кто у неё родители?

– За папашу ничего не скажу, не знаю. А мамаша та еще

дрянь. В пятнадцать лет старшего сына родила, в восемнадцать эту в подоле принесла. Не работала никогда. Чем жили? Давала за бутылку, пока совсем не спилась. Тогда братик с сестричкой и открыли бизнес: утром мамке вместо завтрака бутылку совали, а к обеду, когда отключалась, клиентов к ней приводили. Так на хлеб с маслом и зарабатывали. Только потом пацан зарвался. Малолетки, класса с седьмого, каждый день, вместо школы на эту гоп-квартиру табунами шли. Мать к тому времени товарный вид совсем потеряла, так он не растерялся и сестрёнку к делу пристроил.

– Что ж менты, неужели не видели? – удивлённо вскинула брови собеседница.

– Почему же не видели? Первые клиенты были. Сидят сейчас. Соседи терпели-терпели весь этот хламеж на лестничной площадке, писали во все инстанции, потом пошли лично правду искать. Мать ещё до суда умерла. Пацана в один детдом, а Аленку в другой, то бишь, в наш.

– Разве могут сестру с братом в разные детдома направить?

– В этом случае можно. Чем дальше от брата-акробата, тем спокойнее. Да и мне конкурентов не надо.

– А мальчишка искать её потом не будет? Мне, конечно, его поисковый инстинкт прервать – один звонок, но все-равно, лучше обойтись без него.

– Не суетись, – Альбина Николаевна долила в бокалы коньяк и подцепив пальчиками тонкий ломтик лимона, поло-

жила его в рот. – По документам девочку удочерили, сведения о приёмных родителях не разглашаются... Так что пусть ищет, если когда-нибудь выйдет оттуда, где сидит.

– Ну с «жемчужинкой» все ясно, а что ты мне про маленькую «Шахерезаду» расскажешь?

Зоя Ларионовна тоже подцепила дольку лимона и, положив в рот. Довольно улыбнулась: лимон был не свежий. «Нет, Альбиша, не быть тебе королевой. Вот уже, вроде, совсем рядом, но... Не бывает полукоролев. Это врожденное, или есть или нет».

– Дам тебе дружеский совет, – после недолгого молчания, буркнула Альбина Николаевна. – Не бери.

– Так ведь хороша, поганка.

Заведующая звонко засмеялась и достала из кармана пачку сигарет. Вынув тонкую коричневую сигарку, женщина жадно закурила.

– Месяца три назад, так же как тебе, говорила клиенту: «Возьми другую» и в ответ услышала то же самое: «Так ведь хороша, поганка». А потом на член три шва накладывать пришлось. Еле рассчиталась с придурком. А этой хоть бы что. Рёбра пособирала, синяки зализала и хохочет. Волчонок, а не девка.

– Ну я же не себе беру, – безразлично пожалала плечами гостья. – А там, куда она поедет, церемониться не станут. На цепи пару дней посидит, мигом присмирет. А то, что девочка зубами клацать умеет, мы никому не скажем. Сделаем

этим уродам маленький, но веселый сюрпрайз.

Женщины дружно засмеялись и чокнулись бокалами. Альбина Николаевна перевела взгляд на наполовину пустую бутылку. Перекатывая жидкость в бокале, она просчитывала хватит ли остатков коньяка на завтрашний приём или придётся начинать новую бутылку. Решив, что клиент не настолько ценен, чтобы переживать, она, мило улыбаясь, перевела разговор в другое русло.

– Как твои домашние? Смотрю ты с внучкой приехала. Вытянулась она за этот год. Просто красавица стала.

– Да уж, этой красавице палец в рот не клади. Одним взглядом кучу на голове сделает. Козёл мой старый снова в командировку умотал, дочка на Мальдивы улетела, косточки погреть, ну а мы с Илоной на хозяйстве остались. Завтра заказ отправим, там кроме твоих красавиц еще два парня поедут, и можно будет отдохнуть.

За окном послышался шум подъезжающего фургона. Поднявшись, женщины несколько минут рассматривали, как два невысоких квадратных парня выводили из здания детского дома маленьких девочек, зябко кутавшихся в тонкие тёмные кофточки.

– Что ж они у тебя совсем голые уходят?

– Прикажешь мне их у Юдашкина одевать? Твои девчонки – твои проблемы. Как хочешь, так и одевай.

– Ладно, посмотрим, что там у Илоны из старого найдется.

В дороге

Микроавтобус нёсся по расколоченной дороге. Утренняя прохлада, скопившаяся за ночь, заставляла расслабленных во сне пассажиров подтягивать ноги и прятать руки под тонкие куртки. Парень, развалившийся на откиннутом переднем сидении, сонно причмокнул и открыл глаза. Его габариты с трудом помещались на сидении и при каждом покачивании грозили слететь вниз. Закрываясь от проскочившего сквозь темные шторы солнечного зайчика, он улыбнулся. Потянувшись, размял затёкшие от неудобной позы ноги и достав рюкзак, вынул большой синий термос с остатками кофе.

– Потерпи пару часов, – не отрывая взгляд от дороги, тихо сказал водитель. – В одиннадцать приезжаем к шефу на дачу. Там пересаживаетесь в другой транспорт, забираете заказы, обедаете, отдыхаете и уже без остановок до конечного пункта. Через пару дней, если не случится ничего необычного, будете на месте.

Парень отодвинул шторку и несколько минут рассматривал проплывающий за окном пейзаж. Раскинувшееся в необъятную даль зелёное поле, сливалось на горизонте с прозрачно-синим небом и завораживало непритязательное сердце городского жителя непередаваемой красотой. А то,

что пассажир – житель городской, водитель определил сразу. То ли глуповатая улыбка, то ли счастливый блеск в глазах выдал, что подобный размах, сидящий в салоне парень, видит не часто.

– Небось всю жизнь в коммуналке? – презрительно скривившись, бросил через плечо водитель.

– Нет, деревенский я. Природу нашу обожаю. Два года в ВДВ прослужил. Когда первый раз с парашютом прыгал, глаза закрыл, а потом случайно приоткрыл и чуть не задохнулся. Такая красота вокруг! А мы по земле ходим, в землю смотрим и ничего не замечаем.

– Так уж и красота? – засмеялся шофёр, знаком сообщая идущему навстречу автобусу о спрятавшихся в кустах ГА-Ишниках.

– Другой красоты пока не видел, – засмеялся пассажир. – Поэтому и еду поработать за границей. Чтобы людей посмотреть, себя показать, сравнить... Хотя и так знаю, что нет на земле места, лучше моего села. Да и на свадьбу накопить хочу. А то невеста у меня капризная. Ей подавай и ресторан, и фейерверк, и платье от "Луи Витон", и кабриолет у калитки...

Посмеявшись, мужчины некоторое время ехали молча, думая каждый о своём. Солнце несмотря на раннее утро, начинало припекать. Задёрнув шторку, пассажир снова опустил голову на тёплый дерматин кресла.

– Почему ты сказал «будете на месте»? – вспомнил он вы-

летевшую случайно фразу водителя. – Вы, что, с нами не поедете?

Водитель протяжно зевнул и повернул голову в разные стороны. Услышав глухой хруст, он удовлетворённо встряхнул плечами и, не оборачиваясь, просипел:

– Мы работаем до этого пункта. А дальше вы с другими ребятами поедете. Если совсем голодный, бери в холодильнике колбасу, сыр. Чего там ещё девчонки-поварихи положили? Мы вчера пацанок из детского дома забирали, так леди-босс расщедрилась, велела затарить в дорогу. Потом за вами заезжали, круг давали, а она с внучкой прямиком на дачу почесала.

Парень, не заставляя просить себя дважды, вынул из сумки-холодильника кусок холодного вареного мяса, пол головки сыра и сделал несколько огромных, по-мужски неуклюжих бутербродов. Протянув один водителю, он оглянулся и наткнулся на голодный взгляд проснувшейся девочки.

– Держи завтрак, – добрый самаритянин, улыбаясь протянул попутчице свой бутерброд и, отвернувшись, занялся сооружением следующего.

Девочка впилась зубами в мягкий хлеб и только когда первый приступ голода был утолен, кивнула соседу.

– Меня зовут Гузель. А тебя?

– Надо же, какое имя красивое, – восхищенно протянул парень. – А я просто Костя. А ты, друг, чего застрял? Присоединяйся.

Поднявшись с кресла, Максим покачнулся и, осторожно повернул голову. Огромная шишка на лбу сразу напомнила о себе. В глазах засверкали золотистые мушки. Как же он тут оказался? Кажется, вечером он вышел в магазин за хлебом. Рядом остановилась серая иномарка. Выскочили два парня. Потом в глазах защипало, удар по голове и отключка. Проходя по салону, он краем глаза увидел автомат, висевший на плече спящего охранника, и совсем упал духом.

Сбоку донёлся приглушённый разговор. Две девчонки, смеясь, разбирали вещи из дорожной сумки. Навязчивый аромат мяты и жасмина поплыл по салону, разбавляя тяжёлый запах бензина.

Максим улыбнулся и тут же поморщился. От этого несложного движения мышцы заломило во всём теле. Наверное, досталось не только голове. Впрочем, на девочек невозможно было смотреть без улыбки. Было ощущение, будто сошлись в одном автобусе инь и янь. Белое и чёрное. Демон и фея. Впрочем, демон был даже симпатичнее феи. Ну, во всяком случае, на неискушённый в женской красоте вкус Максима. Маленькие, стройные, круглолицые, но если у «демона» волосы были забраны в высокий хвост, то «фея», кажется, не один час провела, укладывая локоны и подкрашивая глаза. Повернув головы, девочки дружно уставились на него. И снова то же чувство разности. Дерзкий, бунтарский взгляд чёрных раскосых глаз «демона» и зазывной, даже какой-то эротический, взгляд голубоглазой «феи». Кажется,

«фея» даже подмигнула ему. Наверное, показалось. Растерянно потоптавшись, Максим трусливо опустил глаза и бросился вперёд по салону.

К обеду пыльный микроавтобус, скрепя всеми запчастями, въехал во двор большого белого дома. Железные ворота, бесшумно скользя по рельсам, закрылись, разделяя мир на два неприкасаемых между собой пространства: за забором и внутри. Разбитая дорога, будто по мановению волшебной палочки, превратилась в подъезд к гаражу, покрытый черными плитами. В мраморном фонтане журчала вода. По сочной, подстриженной траве одиноко бродил толстый яркий павлин. Листья, иногда опадающие с деревьев, словно растворялись в воздухе между ветками и землей, потому что всё пространство парка, прилегающего к дому, сияло абсолютной, просто хирургической чистотой.

Водитель и угрюмый парень из сопровождения первыми вышли из автобуса. За ними, словно два любопытных мышонка, высунули головы девчонки и тут же наткнулись на аппетитную фигуру женщины в белом халате.

– Привет, голодающие Поволжья, – весело поздоровалась дама и, махнув рукой, добавила: – Кто будет обедать? За мной.

Девочки, не дожидаясь повторного приглашения, бросились следом за женщиной.

– Ровно через три часа выезжаем, – прокричал им вслед

незнакомый парень, подошедший к машине.

Быстро разделавшись с супом и картошкой с мясом, Костя с Максимом вышли в парк. Перебравшись на диван, Гузель и Алёна, сонно следили за вечно юным Микки-маусом и его неугомонными товарищами. Неуклюжий Гуффи перелетел через шлагбаум, опустил пятую точку в грязную лужу и Гузель испуганно вздрогнула, переведя взгляд на резко подскочившую Алёну. Подружка визгливо расхохоталась, истерически хлопая себя руками по худеньким бёдрам. Светлые волосы тяжёлой волной переливались в лучах солнца. Глядя, как картинно сдувает Алёна чёлку с размазанных после сна глаз, Гузель без труда определила: в поле зрения одноклассницы попал мужчина. Вернее, не сам представитель мужского пола, а кошелёк, который сия особь готова раскрыть для оплаты данного концерта. Наклонившись, Гузель поправила застёжку сандалии и, исподлобья оглядев комнату, нашла причину эмоционального взрыва приятельницы. Пожилой бородатый охранник хмуро облизывался в её сторону, что подрывало авторитет амбициозной Алёны. Подружка всегда считала, что в её присутствии других девочек заметить просто невозможно.

– Чё, дядька, клубнички захотелось? – вытягивая ножку в новой туфельке, нежным голосом пропела Алёна. – Так не проблема. Сто долларов и двадцать пять килограммов клубники, сочной и сладкой, твои. Решайся, дядька, у жены та-

кого нету.

Охранник тяжело поднялся. Молча вынув из кармана стодолларовую купюру, он махнул девочке в сторону комнаты отдыха сотрудников. Показательно облизав губы, Алёна пошла следом.

– А ты? – зачем-то спросил охранник, обращаясь к Гузели.

– А на меня, дядька, ты ещё не заработал, – дерзко ответила она и бросилась к выходу.

В микроавтобус загружали последние ящики. Закрыв заднюю дверь, мужчины ушли в гараж. Проходя по парку, Максим краем глаза считал стоявших по периметру накачанных парней. Вроде ничего особенного, но из-под тонких курточек охранников явно прослеживались контуры автоматов. Поняв, что сбежать из этого дома невозможно, он перенёс мысли о побеге до лучших времён и поплёлся к микроавтобусу.

Перекинувшись парой слов с новым водителем, Костя махнул рукой Гузели и залез внутрь вымытого и готового к отправке автобуса.

– Особое приглашение нужно? – грубо крикнул подошедший парень, разглядывая документы. – Давай, в машину. По бумагам вас двое. Где вторая?

Гузель уже открыла рот, чтобы рассказать, где искать её любвеобильную попутчицу, но тут взгляд упал на одино-

кую фигуру девочки, сидящей на бортике мраморного фонтанчика. Именно эта девочка вчера презрительно смотрела, как они с Алёнкой радостно разглядывали её старые вещи. Подтопанная гордость немедленно подняла голову и хитро подмигнула, направляя действия Гузели в правильное русло.

– Да вон она, у фонтанчика сидит, – палец уверенно указал в сторону вчерашней обидчицы. – Только ты с ней аккуратней: у неё не все дома.

– Я ещё шалав припадочных уговаривать буду, – буркнул громила, подходя к девочке.

Бесцеремонно схватив за шкурку, он протащил ничего не понимающую девчонку по всему парку, швырнул внутрь микроавтобуса, захлопнул дверь и сев на переднее сидение, сделал водителю знак трогаться.

Качественная тугая застежка блузки перетянула горло. Упав на грязный пол, девочка минуту хватала ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание. Когда автобус выехал за ворота, она резко подскочила и, покачиваясь, пробежала к водителю.

– Останови машину, козёл лагерный, – прошипела она, хватая парня за воротник. – Моя бабушка тебя на химические элементы разберет.

Не поворачивая головы, охранник схватил девочку и швырнул её снова в конец салона. Щёлкнув кнопкой, он включил музыку. Автобус заполнили мелодичные звуки старого шансона. Дорога извилистой лентой неслась вдоль ста-

рого села. Закинув ноги на панель, меломан поудобнее развалился на сидении и расслабленно прикрыл глаза.

– Закрой рабочее место, – мерно покачивая головой в такт музыке, пробормотал он.

– Крути баранку, друг, – вкрадчиво улыбнулась Гузель. Едва заметным тренированным движением девочки, выросшей в детском доме, она ударила новую попутчицу по почкам.

Посадив, сложившуюся от боли Илону, на сидение, Гузель удовлетворенно прошептала:

– Бабушка тебя, конечно, вытащит. Но если ты, хотя бы часик, проживешь в моем, говняном, мире, будем считать, что урок прошёл не зря.

– Я тебя, суку подзаборную, на удобрения пущу, – прошептала Илона, вытирая брызнувшие из глаз слезы.

– Если бы ты знала, любительница агрокультуры, сколько раз в своей жизни я слышала эти слова. Знаешь сказку, как дед тянул-тянул, не вытянул, бабка не вытянула? Вот и ты, паскуда, не та мышка, которая меня из этой жопы вытянет. Так что сиди, нюхай бензин и наслаждайся пейзажем.

– Гузель, это ведь не Алёна, – Костя растерянно разглядывал незнакомую девочку, сжавшуюся на переднем сидении.

– Не парься, Косячек, она это, она. Просто переделалась.

ГЛАВА 13

Гузель

В молчании проехали несколько часов, пока автобус не свернул на узкую проселочную дорогу. Огромные сосны пушистыми лапами заслоняли солнце, соревнуясь с навороченными кондиционерами по уровню вентилирования воздуха и создавая вокруг сказочно-завораживающий пейзаж. Казалось, что сейчас между ветвями взмахнёт хвостом русалка, подмигивая уснувшему коту Баяну, а по крутой дорожке пронесётся, работая помелом старая ступа с Бабой-Ягой.

– Я этот участок, как свои пять пальцев знаю. Несколько лет здесь проработал, – буднично прокомментировал водитель. – Сейчас по поселку и через лес. Часа два сэкономим.

Максим угрюмо рассматривал лесной пейзаж, думая о своём. Мягкий шансон сменился грубым роком. Выключив радио, охранник опустил боковое стекло. Илона сидела, сжавшись в кресле, изредка бросая ненавидящие взгляды на Гузель, но на очередную атаку так и не решилась. Прохладный воздух вечера, наполненный запахом прелой листвы, проник в салон, заставляя пассажиров потуже застегнуть лёгкие куртки. Поменяв позу, охранник лениво достал из заднего кармана мобильный телефон и испуганно выругался:

– Двадцать пять пропущенных звонков. А у меня, как на зло, мобила стояла в режиме «Не гавкать». Надо узнать, что на базе случилось.

Потыкав толстым пальцем кнопки, парень прижал трубку к уху, слушая гудки.

– Алло, – наконец ожил аппарат. Илона резко подскочила.

Прыгнув на сидение, отделяющее салон от места водителя, она выхватила телефон из рук охранника. Несмотря на большой вес, парень оказался физически подготовленным. Развернувшись, он грубым ударом в челюсть, пресёк на корню начавшийся бунт. Не удержавшись, Илона взмахнула руками и телефон, вылетев в раскрытое окно, скрылся в проплывающих мимо зарослях колючего малинника.

– Ну, что ж ты никак не успокоишься? – расстроено пробурчал парень, выглядывая в окно.

Оценив предположительный фронт поисковых работ, охранник зло прошипел несколько непечатных слов, вышел из остановившегося микроавтобуса и рывком открыл дверь салона.

— Ты у меня сейчас носом весь лес перероешь, – сквозь зубы шипел он, за шиворот вытаскивая девочку из автобуса.

Максим поднялся со своего места. Девчонка, конечно, шевутная, но бить ребёнка нельзя ни при каких обстоятельствах. Это Максим впитал с молоком матери. Из-за локтя охранника мелькнуло перекошенное от боли и страха лицо девочки. Кажется, она уже пожалела о своём поступке.

– Отпусти девчонку, – буркнул Максим, выходя из автобуса. – Напугал её совсем.

– Уважение к старшим прививается с детства, – неприятная улыбка обезобразила и без того некрасивое лицо охранника, – Сделала гадость, пусть отрабатывает.

На заплетающихся ногах девочка подбежала к Максиму и спряталась за спиной. Руки её дрожали, почти разрывая тонкую ткань его футболки, тело сотрясилось крупной судорогой. Взяв девочку за плечи, он подтолкнул её к микроавтобусу. Расстроено глядя вслед девчонки, Максим каждой клеточкой чувствовал её ужас, слышал, как колотится её сердце. Пробежав по салону, Илона упала на сидение. Поджав ноги к груди, натянула на голову капюшон. Надо же так напугать ребёнка. Когда-то он сам таким образом прятался от реальности. Просто, по-детски, натягивал капюшон пониже и перемещался в другой мир.

Поворачиваясь к охраннику, Максим успел краем глаза заметить тёмный блик. И тут же в голове словно разорвался снаряд. Удар пришёлся в тот же глаз, что и вчера. И, кажется, был ещё профессиональнее. Врезавшись в обшивку автобуса, Максим даже почувствовал, как старый транспорт мягко качнулся. Приподняв голову, он услышал, как, матерясь и опрокидывая попавшиеся под ноги коробки, из хвостовой части автобуса несётся Костя.

Охранник сделал шаг назад. Ощерив зубы, он оглянулся, ища поддержки у водителя. Тот лишь с интересом следил за происходящим, совершенно не собираясь вмешиваться. Словно кино смотрел. Только попкорна с кока-колой не хватало. Поняв, что с двумя здоровыми парнями ему не справиться, охранник сделал шаг назад и вынул из-за спины маленький черный пистолет.

– Ты на кого пукалку наставил, козёл? – зарычал Костя, наливаясь кровью. – У нас в десантуре таких, как ты...

Громкий выстрел эхом отскочил к высоким елям, заглушая последние слова парня.

Дыхание Максима перехватило, а зрение, наоборот, сразу восстановилось. Теперь он с ясностью видел каждую деталь падающего на него тела. Перед глазами мелькнула треснутая пуговица на рубашке, кончик фотографии, торчащий из нагрудного кармана. Придерживая разрывающуюся от боли голову, Максим истерично размахивал руками, пытаясь выбраться из-под тяжёлого тела Кости.

Сделав глубокий вдох, он заставил себя успокоиться и прижал дрожащие пальцы к сонной артерии попутчика, хотя и без того было понятно, что парень мертв.

– Ну и как будем отчитываться? – голос водителя звучал почти безразлично. – По документам проходят двое.

– Скажем, что один сбежал, – невнятно пробормотал охранник, мрачно разглядывая окрестности.

– Ну уж нет, – прошептал Максим. Слова с трудом продирались сквозь ставшее шершавым горло. Голова разболелась с новой силой. – Я молчать не буду.

– Теперь уже наплевать, будешь ты молчать или не будешь. – Водитель и охранник механически взяли Костю за ноги и потащили вглубь леса. – Кто тебя, придурка, слушать будет? Через пару дней приедем на базу и пойдешь ты на эксперименты вместо крысы лабораторной. Введут тебе хрень

какую-то. А потом большое начальство станет с умным видом наблюдать, как ты срёшь в штаны, а потом из этого строишь замок. А когда ты сдохнешь, они запишут выводы и, закрыв умные книжки, пойдут трахать этих сцыкушек, чтобы снять стресс. – Водитель вернулся и устало опустил на ступеньку автобуса. Подняв глаза, мужчина встретился взглядом с остекленевшими от ужаса глазами Максима и, почти по-дружески, подмигнул: – А ты, глупота, думал, что тебя на работу везут? Ну извини. Жизнь – сплошное извращение.

Излив свои философские взгляды на эту самую жизнь, водитель медленно поднялся и, стряхнув пыль со штанов, качающейся походкой пошёл в сторону малинника.

– Ты куда? – бросил ему в след охранник.

– Пойду мобильник поищу. Надо же узнать, что мадам от нас хочет. А ты присмотри за этим, притким.

– Куда он денется с подводной лодки.

Охранник схватил Максима за шиворот и, развернув, связал сведённые за спиной руки. Найдя среди инструментов лопату, он закрыл дверь микроавтобуса и вернулся к лежавшему под ёлкой Косте.

– Эй, Макс, отомри.

Максим растерянно прислушался. Рядом никого не было. Повернув, медленно наливающуюся болью голову, он, наконец, увидел светящиеся в темноте салона напряженные глаза Гузели. Выползя из-под сидения, девочка выглянула в окно, настороженно оглядела лес, возящегося с трупом

охранника и достала из ящика с инструментами отвёртку. Засунув её в центр несложного узла, резко дёрнула. Боль хрустнувших суставов расколола голову, но верёвка ослабла и Максим освободил руки.

– Ну и как тебе правда жизни? Можешь не отвечать. Когда наша «колбаса» начала мне втирать о лечении за границей, я сразу заподозрила неладное. Ну от чего нас с Алёнкой лечить? У неё одна болезнь была: потрахаться да бабло посчитать. А Косячка жалко. Ценный был мужик. Только в данной ситуации о себе, любимом, думать надо. Потому что сдаётся мне, что всё, сказанное этим веселунчиком исполнится, как новогоднее пожелание Деду Морозу. Так что у тебя семь секунд на подумать и три на подействовать. Машину водить умеешь? – Максим трясущимися руками достал из кармана пластину с лекарством. Бросив под язык маленькую таблетку, кивнул. – Ну так за руль. Или хочешь попрощаться с гостеприимными хозяевами?

Боль сразу начала отпускать. Оглядев чёрный неприветливый пейзаж, Максим быстро пересел на место водителя. Повернув ключ зажигания, он тихо прошептал, не глядя в сторону попутчицы:

– Держись, маленькая разбойница. Сейчас будем драпать на всех четырех колесах.

Машина легко завелась и послушно тронулась с места. Слушая отборный мат бросившегося вдогонку охранника, Максим истерично крутил руль, стараясь удержать, подска-

квивающий на лесных рытвинах, автобус. «Соня, Сонечка, ласточка моя ненаглядная, – испуганно неслось в голове. – Даже сейчас, сама того не желая, ты спасаешь не только меня, но и эту маленькую девочку. Скоро мы обязательно увидимся, и я никогда тебя не отпущу. Пусть твои родственнички хоть волком взвоют, а мы всё равно будем вместе». Воспоминания о Соне придали Максиму сил и постепенно руки, не так часто державшие руль, освоились и сердце заработало в обычном ритме.

– Гузель, – не оборачиваясь, прошептал Максим. – Следи, чтобы я не заснул, а то таблетки...

– Не бойсь, Максик, – в тон ему прошептала девочка. Повернув голову, Максим заметил у неё в руках огромный разводной ключ. – Не для того мы выбирались из этой кучи, чтобы ты задрях тут.

Сон, как рукой сняло. Искося заглянув в серьёзные глаза попутчицы, Максим вытер выступивший пот: эта стукнет. И пол раза не задумается.

Часа два ехали в молчании по чёрному лесу, и лишь преодолев приличную дистанцию, Максим съехал с тропинки и остановил автобус.

– Отдохнём пару часов, а то темень, хоть глаз выколи.

– А дальше куда? – нерешительно спросила Гузель.

– Ответить или сама догадаешься? – устало откинувшись на спинку сидения, прошептал Максим. – Есть две новости,

одна... , впрочем, нет, обе плохие. Во-первых, у нас закончился бензин. Во-вторых, у нас нет денег на бензин. Какие будут предложения в свете выявившихся обстоятельств?

– Выводы напрашиваются сами собой, – Гузель деловито рассматривала окрестности, покусывая по-детски пухлые губы. – Во-первых, без бензина далеко не уедешь. А во-вторых, по номеру машины нас легко вычислят. Отсюда вывод: от микрика надо избавляться. Это дает нам ответ на вопрос, где взять деньги?

– В тумбочке, – тихо прошелестело сзади.

Максим и Гузель, успевшие в суматохе последних событий забыть о существовании третьего пассажира, испуганно оглянулись. Илона сидела на полу автобуса, прижавшись щекой к сидению. Глаза девочки, не мигая, смотрели в одну точку и, казалось, ни сгустившаяся темнота, ни холод не могли оторвать её от этого бессмысленного созерцания. – Деньги всегда лежат в тумбочке.

– Осталось только найти эту тумбочку, – Гузель обменялась с Максимом настороженным взглядом. Подойдя к Илоне, она помогла ей сесть на сидение. Пощёлкав пальцами перед глазами неожиданной попутчицы, уверенно констатировала:

– Шок. Ничего, жить будет.

Положив девочку поудобнее на заднее кресло, Гузель вернулась к водительскому месту.

– Значит план-минимум: спим пару часов, а утром зай-

мёмся продажей транспортного средства.

Раздав указания, Гузель снова подошла к Илоне. Несколько минут она жалобно заглядывала в её широко распахнутые глаза.

– Ты извини меня, ладно, – растерянно пробормотала она. – Это я тебя втравила. Кто же знал, что так получится? Но ты не беспокойся. Завтра утром высадим тебя около отделения полиции. Скажешь, что потерялась, дашь свои данные, адрес и тебя отправят домой.

– А какие у меня данные? – безразлично прошелестела Илона.

– Что значит, какие? – Гузель растерянно повернулась к Максиму, – Фамилия, имя, отчество, адрес, дата рождения. Может ещё что-нибудь понадобится.

Глаза Илоны сузились, губы зашевелились, пытаясь восстановить в памяти такие простые, знакомые каждому человеку с детства истины. Через минуту сосредоточенной попытки вспомнить, девочка подняла наполнившиеся слезами глаза, и отчаянно замотала головой.

– Ты что, ничего не помнишь? – Гузель села рядом с Илоной и, прижав её голову к своему плечу, тихо прошептала: – Тебе отдохнуть надо. Это шоковое состояние. Вот увидишь, завтра проснёшься и всё вспомнишь. У нас в детдоме училка одного пацана головой об парту так приложила, что он почти сутки без сознания пролежал. Потом пришёл в себя, но

пару дней какой-то странный ходил. И ничего, оклемался. И у тебя всё будет хорошо.

ГЛАВА 14

Ночное приключение

Случайно нащупав тонкую подушку под сидением, Максим положил её под голову. Темнота в лесу коренным образом отличалась от городской темноты. А где светлячки, которых описывали классики? Где столб лунного света, спускающийся с небес? Ничего подобного. Только чёрные тени разлапистых еловых веток, покачивающиеся перед стеклом. А тишина? В лесу она оказалась какой-то пугающей. Хоть бы застрекотал кто-нибудь. словно отвечая на его просьбу, из глубины леса раздалось гулкое уханье. Волосы на голове Максима зашевелились. Вот уж, не проси, да не одаренный будешь. Из-за спины послышалось тихое скуление. Максим резко обернулся. Сжавшись клубочком на сидении, Илона тихо плакала. Стараясь не задеть руль, Максим осторожно поднялся. Кажется, в вещах Кости была тёплая куртка. Ему она уже точно не понадобится, а вот девчонок согреть получится. Найдя вещь, Максим вернулся и аккуратно, чтобы не разбудить спящую рядом Гузель, накрыл Илону. Глядя в её сверкающие в темноте глаза, он искал слова, способные подбодрить малышку, но так и не нашёл. Потянувшись, Илона

положила голову на колени Гузели и осторожно укрыла её ноги краем куртки.

Вернувшись на место, Максим поднял спинку сидения. Удобно сев, он приготовился сторожить покой попутчиц всю ночь.

В сонной темноте ничего не менялось. Привыкнув к тишине, Максим даже начал различать едва слышное то ли журчание, то ли стрекотание. Покачивающиеся под лёгким ветром ветки оказывали гипнотическое действие. Веки медленно наливались, тяжелели, голова опустилась на спинку сидения и, сам того не заметив, Максим заснул.

В пронзительной тишине ночи шуршание шин разносилось среди деревьев пугающе громко. Свет фар, скользя по глазам, повернул в сторону. Максим автоматически упал под руль. Сердце грохотало, волны крови, перекатываясь в голове, били по ушам. Где-то недалеко затормозила машина. Стук закрывшейся двери прозвучал словно выстрел. Громкие мужские голоса, не скрываясь что-то обсуждали. Лесных гостей было как минимум трое. «Неужели нашли», – жалобно пронеслось в мозгу. За спиной хрустнуло. Максим резко развернулся. В абсолютной темноте автобуса сверкали две пары глаз. Кровь, и без того шумевшая в ушах, теперь бросилась в лицо. Стыдно-то как. Он, мужчина, который должен защищать и охранять девочек, залез под сидение, как последний трус. Ладно, реабилитироваться будем потом. Высунув голову, Максим внимательно осмотрел ноч-

ных гостей. Теперь луна стояла точно над лесом и видимость была неплохая. Чёрный внедорожник остановился метрах в ста от их микроавтобуса. Двое накачанных парней вытаскивали из багажника машины небольшой мешок. Третий, судя по всему, главный в троице, разговаривал по телефону.

– Ничего не слышно, – прошептала Илона, прижавшись лицом к стеклу.

– Да, – согласилась Гузель, – надо пойти попросить, чтобы звук громче сделали.

– Ну так, кого ждём? – удивлённо подняла бровь Илона и беззвучно открыв дверь, вышла в темноту.

Глаза Максима вывалились из орбит. Он что угодно мог ожидать от Гузели (она уже проявила себя, как форменная хулиганка), но подобный фортель от Илоны стал полной неожиданностью. Получается, что в их команде находилось два смелых члена и один, ну, скажем так – умный. И числиться в умных Максиму было как-то некомфортно.

Выползя вслед за девочками, он едва сдержал крик. Колочая шишка попала прямо под ладонь и, кажется, поцарапала кожу. Разглядывать рану было некогда. Вытерев руку о штанину, Максим пополз за мелькающими впереди светлыми кроссовками подружек.

Два невысоких квадратных парня вынесли из машины что-то длинное и худое и, бросив поклажу на землю, закурили. Присмотревшись, Максим скорее определил, чем увидел, что на земле лежал мальчик. Руки его, кажется, были

связаны за спиной. Трясясь от холода, мальчик исподлобья разглядывал стоявших рядом парней. Неожиданно один из них подскочил и, развернувшись, глухо опустил ногу под рёбра пленнику.

– Ну и зачем ты его бьёшь? – равнодушно поинтересовался второй парень.

– А шоб знал, – зло сплюнул напавший.

– Что он будет знать после этого?

– Будет знать, как мажором расти.

– Да какой он мажор, ему лет десять, не больше. Тебе, Мешок, точно надо к психиатру сходить.

Согнувшись от боли, мальчик отчаянно пытался втянуть воздух через нос и беспомощно возил по земле заклеенным скотчем ртом.

– Хороший мент и плохой мент, – прокомментировала в самое ухо Гузели Илона.

Тем временем, «хороший мент» подошёл к пленнику и сорвал скотч.

– Больно? Ну извини, – улыбнулся он, стряхивая с подбородка собеседника прилипший листок. – Мамка твоя чересчур высоко взлетела и чересчур много денег загребла. Есть люди, которым это не нравится. Поэтому давай договоримся: мы звоним твоей мамаше, и ты рассказываешь, что с тобой тут хорошо обращаются. Но за это она должна поделиться доходами. Усёк?

Вынув у мальчика из кармана мобильный телефон, парень

пощёлкал кнопками и вывел на экран номер. Почти ласково подмигнув, он отошёл в сторону и тихо заговорил:

– Таисия Захаровна? Судя по испуганному голосу, вы уже в курсе, что ваш сын отдыхает с нами. Не надо кричать... А вот это уже деловой разговор. Кстати, у вас очень смелый сын, я бы таким гордился и не пожалел за него... Ну скажем... тысяч пятьдесят. Долларов. Знаю, что недооценил, но не хотелось бы доставлять вам большие неудобства с транспортировкой. Да, конечно, вы можете с ним поговорить, – криво улыбаясь, парень поднёс трубку к лицу ребёнка и улыбнулся, глядя в его налитые ненавистью глаза. – Если не хочешь общаться с мамой, можешь просто посопеть жалобно в трубочку.

– Мама, – тихо прошептал мальчик, затем прокашлявшись, продолжил: – Да, со мной всё в порядке.

– Ну вот и замечательно, – снова прижал телефон к уху бандит. – Адрес, куда надо привезти деньги, я вам сейчас перешлю сообщением. К сожалению, времени у нас в обрез, поэтому, если вас не будет в этом месте через час, мы вынуждены будем оставить вам на память, ну, например, ушко вашего сына. Или вы предпочитаете оставить себе в качестве презента какую-нибудь другую часть тела? – Парень выключил телефон и присел перед мальчиком. – Я думаю мы с тобой мамой договоримся.

– Чур телефон мой, – радостно взвизгнул Мешок, выхватывая из рук товарища новенький сотовый телефон.

– Совсем больной? – раздражённо прошипел старший товарищ, забирая из его рук дорогую вещь. – По этой игрушке нас вычислят в три секунды.

Мужчина протёр отпечатки и размахнувшись, выбросил телефон в кусты.

От внедорожника отделилась ещё одна фигура. Медленно раскачиваясь, третий парень подошёл к товарищам.

– Надо было уничтожить, – буркнул он, закуривая сигарету. – В этих новых моделях столько прибабасов, что мамаша через три секунды будет знать, где её пацан. Там, по моему, система поиска автоматически включается.

– А кто же его искать будет? – обернулся старший, посмотрев так, словно рядом стоял, как минимум юный Даун. – Неужели ты думаешь, что мы взяли пацана для выкупа? Дурачок ты, Баунти. Его мамаша сейчас летит в сторону Васильково. Там её ждут наши ребята и оттуда она полетит напрямик в рай. Ведь человек-то она неплохой. Просто не повезло ей стать на пути у нашего босса. Ладно, пора кончать пацанёнка. Честно говоря, даже жалко. Это первый раз, что такой крепкий попался. Салажонок ещё, а уже мужик-кремень. Знает, что сейчас произойдёт, а глазками сверкает, словно не мы его, а он нас делать будет. Уважаха, пацан.

Мелодия телефонного звонка прозвучала словно прорываясь откуда-то снизу. Вынув из кармана аппарат, парень ки-

нул пистолет подошедшему и кивнул на мальчика.

– Давай, Баунти, с перваком тебя.

Баунти растерянно опустил взгляд на блестящее в ладони оружие. Затем поднял глаза на мальчика и вздрогнул всем телом.

– Помочь, – ехидно улыбаясь, предложил стоявший рядом парень.

– Мешок, – властно позвал старший. – Загружаемся. Баунти, долго тебя ещё ждать?

– Сейчас, – тихо прошептал парень, облизывая пересохшие губы.

Прогремовший выстрел спугнул обитателей леса. Из ветвей взлетели какие-то птицы, со всех сторон слышался шорох, шелестение. Испуганно оглянувшись, Баунти дрожащими руками засунул пистолет за ремень брюк и бросился к машине.

ГЛАВА 15

Ира Марпл

В маленьком кафе рядом с университетом было полетнему пусто. Пройдя в самый конец зала, Ира заняла столик у стены. Может не сразу заметят. А, главное, не сразу подойдут. Не получилось. Как только она опустилась на стул, рядом тут же материализовалась немолодая официантка. Ира

раздражённо поджала губы. Надо же, сколько раз заходили сюда с ребятами, вечно было не дожидаться пока обслужат, а сегодня та тебе. Есть хотелось ужасно, но денег в кошельке осталось немного. Прижав к уху телефон, она натянуто улыбнулась.

— Принесите, пожалуйста, бутылочку воды. Я подругу жду.

Официантка понимающе поморщилась и ни слова не говоря отошла к стойке. Вот и скажи, как они определяют, что сегодня у Иры в кошельке вошь повесилась?

Из трубки неслись гудки. Почему Влада не берёт трубку? Хоть бы не случилось чего с Надеждой Степановной. То, что мама Максима в тяжёлом состоянии находится одна дома, Ира выяснила ещё вчера. В тот же день созвонилась со старшей сестрой Максима, удостоверившись, что Влада выехала к матери. Казалось бы, всё наладилось, но сегодня опять трубку никто не берёт. Вчера Влада, икая и всхлипывая, рассказала ей, что медики уговаривали Надежду Степановну лечь в больницу, но она ни за что не согласилась уйти из дома. Так и сидела на таблетках и капельницах, в ожидании весточки от пропавшего сына.

Положив телефон в сумку, Ира бросила расстроенный взгляд на входную дверь. Соня задерживалась. Если не получится связаться с семьёй Максима, то придётся ехать в Новочеркасск, где живёт его мама. Сколько же стоит билет? Когда уходит автобус? И главное, где взять денег на этот самый би-

лет? Вопросы формировались сами собой, чего не скажешь об ответах.

Просчитывая объём работы на вечер, она не заметила, как в кафе вошла девушка. Поправив очки, Ира прищурилась. Несколько дней назад Максим познакомил её с Софьей, но состоялось знакомство на дискотеке и, честно говоря, Ира, страдающая слабым зрением, не запомнила, как выглядит подруга Максима.

«Невысокая, пухленькая и, кажется, прилично старше него». Больше никаких воспоминаний не осталось. Впрочем, девушка, вошедшая в кафе, вполне отвечала оставшемуся в памяти образу. Автоматически Ира отметила и брендовую сумку в её руке, и неброскую добротность брючного костюма. Очки явно не из китайского магазина, а главные ухоженные ногти, сразу выдавшие настоящую леди. Во всяком случае, в представлении Иры. Её ногти всегда были обкусаны, лак треснутый или наполовину стёртый. Гелиевый лак она не наносила, так как после него ногти «болели» и месяц приходилось отрачивать новый пласт. В общем, кажется, знакомая Максима была из другого мира.

– Рассказывай, – не здороваясь, приказала Соня, присаживаясь за столик.

– Расскажу то, что знаю, – так же, без предисловий начала Ира, понимая, что сейчас не время требовать соблюдения правил этикета. – Три дня назад Максим вышел в магазин за хлебом. Сейчас из его комнаты все разъехались на канику-

лы и туда подселили пару заочников. Один из них, Никита, сразу после ухода Макса, вспомнил, что нет яиц и выглянул в окно, чтобы попросить его купить. Вот он и увидел, как Шубу, то есть Максима, заталкивали в серую «Тойоту». Было это в семь сорок пять вечера. Никита хорошо запомнил время, потому что магазин закрывался в восемь и Максим торопился. Увидев, что Макс получил в глаз, Никита сразу выскочил из общаги, но не успел. «Тойота» к тому времени уже скрылась. Он сразу бросился ко мне. Мы осмотрели машины, припаркованные поблизости, и нашли одну с видеорегистратором. Тачка оказалась крутая, поэтому мы стукнули её пару раз, чтобы сработала сигнализация и через полминуты чуть не получили по шее от её владельца. Покричав для порядка, он всё же вошёл в наше положение и дал нам просмотреть отснятый материал. Так мы выяснили на какой машине Шубу увезли. Потом я попросила владельца видеорегистратора сделать копию записи для меня и выяснила одну очень интересную деталь. Сейчас я тебе покажу это видео.

Всё та же официантка уже стояла у столика, повесив на лицо приветливую улыбку. Оценив исподтишка улыбку женщины, Ира презрительно поморщилась. Только что мёд с зубов не капает. С ходу почувствовала, что не студентка дешёвая зашла.

— Мне, пожалуйста, то же самое, что девушка заказала, — попросила Соня, указывая на бутылочку воды.

— А девушка ещё не заказывала, — тут же отреагировала

официантка.

«Улыбка аж за уши завернулась», – неприязненно подумала Ира, прижимая покрепче руки к животу. Есть с каждой минутой хотелось всё больше и живот мог неприлично заурчать в любой момент.

– Сказала, что ждёт подругу, – невинно теребя в руке папку с меню, продолжила женщина, – Вроде как, потом вместе покусаете.

«Вот нахалка, – возмущённо подняла глаза Ира. – Ничего подобного я не говорила».

— Кстати, – чуть склонившись, прошептала женщина, – сегодня у нашего шеф-повара такая удачная телятинка получилась. Вот просто пальчики оближете.

При слове «телятинка» у Иры прогнозируемо заурчало в животе. Есть захотелось с утроенной силой.

— Прекрасно, – поняла намёк Соня. – Две телятинки, будьте добры. И салатик. Ты ещё что-нибудь закажешь?

Ира отрицательно покачала головой. Облегчённо выдохнув, она почти влюблёнными глазами проводила официантку. «Нет, не нахалка. Профессионал».

Наконец, она нашла фотографию и вывела её на экран.

– Ничего подозрительного не замечаешь?

– Нет, – удивлённо произнесла Соня, разглядывая серое авто.

– Обрати внимание на вот эти еле заметные складочки по низу машины. Какие выводы?

– Какие? – Соня ошарашено подняла глаза на девушку, мысленно восхищаясь её внимательностью.

– А выводы такие, Соня, что машина оклеена цветной плёнкой. Номера, скорее всего липовые. Поэтому я сразу же поехала к моему знакомому в ГАИ и попросила показать мне все видеозаписи с камер, обслуживающих наш район. Их немного, но есть. Вот что мы получили. – Ира ещё раз щёлкнула «мышкой» и по монитору поехали машины, освещённые тусклыми июньскими сумерками. – Вот пост ГАИ пересекает «Мазда» зелёного цвета, следом за ней идут белые допотопные «Жигули», вот наша серая «Тойота» со знакомыми номерами. Теперь следующий пост ГАИ и что мы видим? Нет «Мазды», но её мы потом найдём на другом посту ГАИ. Вот наши белые «Жигули» и всё. Дальше идёт автобус, «Мерседес», а серая «Тойота» исчезла. Дальше не интересно в течение пятнадцати минут и что мы видим дальше? Вот, уже за городом, идёт «Тойота», но не серая, а белая. И номера другие. Сейчас мы эту «тойоточку» приблизим и увидим внутри придурка в идиотской футболочке с оленями за рулём. Не с оленями за рулём, а в футболочке с оленями, точно такой же, как и в серой «Тойоте», – разъяснила Ира, искоса разглядывая официантку, получающую их заказ. – Да и пассажиры те же самые. Теперь мы ведём белую машинку. И вот тут опять интересное кино, больше эта машинка ни один пост ГАИ не проехала. Тогда я предложила проверить номера этой «Тойоты». Не фигурируют ли они

в угоне? И бинго! Вчера белую «Тойоту» угнали со двора одного из домов соседнего района. Подключаем логику. Далеко ехать на угнанной машине им не с руки, поэтому, скорее всего, её оставили где-то в лесу. Почему в лесу? Потому что камера, зафиксировавшая последний раз белую «Тойоту», находилась на участке, идущем в направлении на Янтарный. Сколько приблизительно надо, чтобы пересест в другую машину и перенести пленника, допустим, в багажник? Не много времени. Поэтому следим дальше. Вот на следующем посту превышает скорость чёрный «Мерседес», который мы видели на прошлой записи, вот «Икарус» знакомый прошёл, а вот, откуда ни возмись, внедорожник. Приближаем и, хотя за рулём новый водитель, но вон, в окне торчит знакомая идиотская футболочка. Теперь осталось только выяснить, кому принадлежит столь шикарная игрушка и, возможно, мы выйдем на следующий этап.

Официантка быстро сервировала стол. Только сейчас Соня поняла, как проголодалась. Взяв столовые приборы, она принялась за еду.

– Ирочка, а где они могли снять цветную плёнку с машины первый раз?

– Да где угодно, – безразлично мотнула головой Ира. – Например в гараже. Это не важно. Хорошо, что на внедорожнике номера персонализированные, теперь найти хозяина проще простого.

Соня, положив в рот кусочек сочного мяса, перевела

взгляд на монитор, и рука её замерла. Растерянно закрыв рот, она опустила вилку. Медленно повернула экран. Вытирая губы бумажной салфеткой, Соня безжизненно опустила глаза и терпеливо ждала, когда Ира закончит обед. Ира сразу поняла, что персонализированные номера навороченного внедорожника точно сказали Соне, кто автор похищения.

Когда Ира положила в рот последний кусочек мяса, Соня вынула бумажник и, бросив на стол несколько купюр, потянула спутницу к выходу.

Расположившись на кожаном сидении Сониной машины, Ира расслабленно закрыла глаза. Тут же в голове пронеслись слова Максима: «Сел и заснул». Действительно, мерное покачивание после обильной еды, могло закончиться именно таким результатом. Сняв очки, Ира аккуратно протёрла накрашенные глаза, стараясь, чтобы тушь не раздражала слизистую. Солнечные лучи нежили лицо, растворяясь в прохладных потоках кондиционированного воздуха и не меняющийся пейзаж пригорода, снова навеял полусонное состояние.

ГЛАВА 16

Расул Гарипов

Городской пейзаж сменился широким простором полей. Ира прижалась виском к стеклу. Как же это здорово со-

зерцать яркую, разноцветную жару из кондиционированной прохлады машины. Соня молчала. Если в кафе Ира явно чувствовала нервное состояние новой знакомой, то теперь на её лице поселилось какое-то гордое, показное безразличие, за которым читалась щемящая тоска. За всё время пути Ира так и не отважилась задать ни одного вопроса. А вопросов было много. Например, узнать куда они направляются?

Минут через двадцать, машина въехала в дачный посёлок. Двух-трёхэтажные дома, обнесённые высокими заборами, шлагбаум с представителями российского спецназа... Надо же, жизнь прожила, а понятия не имела, что рядом, не пересекаясь с её упрощённым миром, есть другая жизнь. С маленькими, звонкими фонтанчиками у ворот, с фигурами монстров, охраняющих то, что в селе её бабушки называлось калиткой. Конечно, посёлок, где жили родители Иры тоже был не бедным, но до такого изыска там не дошли. Резные ворота одной из дач бесшумно распахнулись, и машина мягко въехала под навес.

Дверь дома тут же хлопнула, словно их приезда ждали. Приземистый, черноволосый мужчина мягко спускался со ступенек крыльца. Сначала он показался Ире каким-то престарелым увальнем, но уже через минуту, она поняла, что показательная медлительность, было не что иное, как желание выиграть время. Походка хозяина дома, при видимой кряжистости, отличалась своеобразной упругостью. Некая грациозность старого тигра.

– Иришка, – хрипло прошептала Соня, сверля глазами мужчину. – Я хочу представить тебе моего друга Расула Гарипова. Может быть, он позволит тебе, так же, как и мне, называть его дядей Расулом. Хочу, чтобы ты знала, что у меня нет друга ближе, чем этот человек и даже если он ошибся, а мы все люди и всем нам свойственно ошибаться, я всё равно никогда не перестану считать его своим другом.

Мужчина слушал представление молча, не сводя глаз с Сони. «Драсси!» испуганно прошептала Ира, хотя вряд ли кто-то услышал её приветствие. Вжав голову в плечи, она чувствовала словно присутствует при столкновении двух тигров. Старого и молодого. Опытного и не очень. И тем не менее именно опытный старый тигр первым опустил взгляд.

– Ну, чего на пороге стоять, – наконец, буркнул хозяин. – Заходите.

– Нет, – отчаянно замотала головой Соня. – Не надо в дом. Ты Ирочка знакома с Софьей Тышкевич, успешной бизнесвумен, в целом, неплохой женщиной, а дядя Расул знал меня другой. Молодой, глупой, совершающей абсолютно недопустимые в нормальном обществе поступки. И всегда был рядом со мной. Рядом со мной и с моим отцом. Много лет назад мажористая девочка Соня в обществе таких же придурков, как она, отмечала день рождения в ресторане отельного комплекса. Но нам было в падло сидеть в зале, поэтому мы потребовали к себе особого отношения и нам накрыли стол на огромной террасе, которая находилась на самом по-

следнем этаже отеля. Когда уровень алкоголя в крови начал зашкаливать, юная дура Тышкевич решила сплясать стриптиз. Но не где-нибудь, а на шпиле, выходящем метра на три вперёд. Сейчас этот шпиль убрали, чтобы ещё какая-нибудь дура не повторила мой подвиг.

– Супер, Сонька! – неистово орал Родион, снимая на видео раздевающуюся Соню.

Кружевной лифчик бесстыдно полетел с пятого этажа. Покачиваясь и глупо хохоча, Данила подскочил, засовывая ей в трусики зелёную бумажку. Купюра чуть царапнула кожу, подогревая и без того разгорячённый мозг. Схватив со стола початую бутылку шампанского, Соня, пьяно пританцовывая, вылила на голову содержимое, Мокрые пряди тяжело взлетали, рассеивая мириады сверкающих брызг. Шипящая, игристая жидкость щекотала тело, кожа покрылась мелкими мурашками, Опустившись на колени, Данила слизывал шампанское с её бедер, поднимаясь всё выше и выше. Соня хохотала, Родька на подгибающихся ногах носился вокруг, выбирая идеальный ракурс. Девчонки хлопали в ладоши и всё было так весело и приятно, пока бутылка с шампанским не опустела. Отшвырнув ненужную тару, Соня сорвала с себя трусики и побежала в сторону тонкого, устремившегося вперёд шпиля.

– Вперёд, Софи, – заверещала Эльвира и засунув пальцы в рот гулко, со вкусом засвистела.

Добежав до края шпилья, Соня развела руки в стороны и издала воинствующий возглас идущего на войну индейца. Опустив глаза вниз, она увидела раскинувшийся под ногами город и... тут же протрезвела.

Шпиль ритмично покачивался под лёгкими порывами ветра. Соня почти физически ощущала, как пела и дрожала под ногами тонкая металлическая стрела. Ужас мгновенно парализовал тело, заставляя мышцы наливаться незнакомой до тех пор тяжестью. Ноги, такие лёгкие и воздушные всего несколько секунд назад, превратились в деревянные протезы. И только пальцы ног, сведённые судорогой, сжимали, ставшую единственной опорой, тонкую, вибрирующую сталь.

Дыхание вылетало из лёгких колючими нервными шариками, делая тело то на выдох легче, то на вдох тяжелее. Она почти физически почувствовала, как проступают сквозь поры бисеринки пота. Казалось, что каждая капля пота, каждая слезинка весили тонны. Ещё одна слезинка и тонкий шпиль не выдержит и сломается. Перед глазами, как в страшилках Голливуда, Соня увидела скрюченное на асфальте тело. Голое. Холодное. Слезы, шипучие и игристые, как только что выпитое шампанское, смешивались с проступившим потом катились по, покрывшемуся коркой страха, лицу.

– Хелп, – неразборчивое шипение, испуганно сорвалось с губ и словно противная скользкая змея, упало в бездну спящего внизу города.

Сквозь ор и визг друзей, так и не заметивших её изменившееся настроение, прорвался визг серены. Соня облегчённо выдохнула. Наверное, кто-то из отдыхающих на нижней террасе гостей вызвал пожарных, полицию. Шум внезапно оборвался. Шпиль снова угрожающе качнулся и за спиной послышался спокойный знакомый голос:

– Не бойся, родная. Главное, не делай резких движений и всё будет хорошо. Я рядом. Сейчас я возьму тебя за талию, и мы вместе пойдём назад. Шаг назад, – уверенно командовал Расул Гарипов. Тело, словно послушный солдат, застывший в ожидании приказа, сразу растворилось в крепких руках и сделало первый скрипучий шаг к спасению.

Оказалось, что отделяло её от террасы всего несколько шагов, но, когда нога коснулась холодной плитки, Соня непроизвольно сложилась пополам, издавая жуткие, гортанные звуки. словно пробираясь по старой ржавой трубе, из горла вырывался ненормальный вой счастья.

Сняв с себя рубашку и неумело обмотав тело девушки, Расул помог ей опуститься на холодный пол.

– А теперь камеры, – грозно вращая глазами, прохрипел Гарипов.

Родион, не проявляя сопротивления, сдал телефон и, тяжело вздыхая, смотрел, как мужчина, не запариваясь пересмотром, стёр всё, что было отснято, за последний месяц.

– Следующий.

– Что бы мы с тобой сейчас не узнали, никогда не изменит моего отношения к человеку, спасшему меня в тот день.

Соня тяжело проглотила образовавшийся в горле ком и, подняв глаза на собеседника, тихо прошептала:

– Я люблю этого мальчика, дядя Расул.

Повисшее молчание искрилось. Поджав губы, Ира постаралась быть как можно незаметнее. Когда они вышли из машины, глаза Расула Гарипова были обычными узкими глазами среднестатистического представителя южноазиатских республик. Весёлыми, дружелюбными, даже, как говорится в народе «масляными». Затем, взгляд принял какой-то осуждающий, отцовский что ли оттенок. И вот в течение нескольких минут он снова в корне изменился. Ира долго искала слово, способное описать этот взгляд. Жалостливый? Понижающий? Может быть, раскаивающийся? Родной?

– Ну, что-то подобное я и предполагал, – наконец, заговорил Расул. – Только ты ведь замужем, детка. А семья – это святое. Игорь любит тебя. Неужели этот мальчик стоит того, чтобы всё разрушить? Твой папа никогда бы этого не позволил. Впрочем, даже если бы я сейчас хотел тебе помочь, у меня бы всё равно ничего не получилось. Удрал твой шайтан.

– Ну это у него на генетическом уровне, – улыбнулась Соня. – Главное, что он жив. А раз удрал, значит, как собака, прибежит на место.

– Вот этого-то я и боюсь, моя хорошая.

– Почему?

– Я не знаю, что и как там у вас случилось. Верю, что у мальчика не было другого выбора. Только, удирая, он прихватил медикаменты, химические препараты, предназначенные для военной лаборатории, микроавтобус, материал для экспериментов. Но и это не самое страшное. Хуже всего, что он взял в заложники внучку Лазоревых. А это, сама понимаешь, не лекарства. Тут уж на поиски бросят лучшие силы. И искать начнут с дома родителей, с дома невесты, если такая имеется, проверять будут до последнего одноклассника. Так что чем дольше он здесь не покажется, тем тебе спокойнее.

Ира задумчиво наматывала локон на палец, покусывая губу и прокручивая в голове ответы на заданные самой себе вопросы.

– Соня, всё равно не понимаю, почему твои родственники так хотят избавиться от Макса? Вам не кажется, Расул, простите не знаю вашего отчества...

– Акмалович я, дочка, но ты можешь называть меня дядя Расул.

– Спасибо, дядя Расул, – задумчиво повторила Ира. – Ну влюбилась Соня в мальчика, ну моложе он её на пару лет. Это же не преступление. Игорь за столько лет так и не сделал ей предложения. А у Макса глаза горели, когда он говорил о Соне. Вот и порадовались бы за неё, родственнички хреновы. А тут столько телодвижений. Мне кажется, что Игорь,

семья и всё такое... здесь совершенно не при чём.

– Брось, Иришка, – Соня устало опустилась на ступеньку крыльца. – Из-за фотографий они психанули. Сама виновата, не надо было так подставлять Агашу. Всё-таки она дочь Кирилла.

– В чём-то ты, девочка, права, – присаживаясь рядом с Соней, проскрипел Расул, – Такие сложности из-за фотографий? Ну, выбросили и все дела. Но похищать парня – это чересчур.

– Сонь, а помнишь, ты говорила что-то насчёт завещания твоего отца? Что там было?

– Ничего особенного? – пожала плечами Соня. – Вскоре после подвига на шпиле, отец отправил меня учиться в Лондон. А через полгода позвонил и сказал, что написал завещание и всё движимое и недвижимое имущество оформил на имя матери. Именно она будет решать все финансовые вопросы. Ну а мама, после смерти отца, сразу всё переоформила на Кирилла.

– Но ведь ты имеешь право отсудить половину имущества твоих родителей...

– Теоретически, наверное, да. Хотя, может и нет. Не знаю, не интересовалась, – Зло мотнув головой, Соня спрятала лицо в рассыпавшихся локонах.

– Почему? Соня, я же вижу, что ты что-то недоговариваешь.

– Ладно, – наконец решилась Соня. – Действительно, был

у нас с Кириллом неприятный разговор, после которого я пригрозила ему передачей дела в суд. На что он мне ответил, что если я подам на него иск, то он потребует, чтобы я сделала ДНК-анализ и выяснила, действительно ли я являюсь дочерью Эдгара Тышкевича. Мне, Ирочка, даже подумать страшно, что будет если выяснится, что я не дочь отца.

– Прекрати, пожалуйста, – прервала её Ира, – Всё это глупости. Даже дети, взятые из детского дома, имеют право наследовать имущество приёмных родителей.

– Да, но это в том случае, если нет завещания. А в моём случае мамочка постаралась всё сделать, чтобы лишить меня прав на наследство.

– Почему ты так боишься этого анализа? – вмешался в разговор Гарипов.

– Потому что я не уверена в положительном результате, – опустив голову, прошептала Соня.

– Что за глупости, девочка, – подскочил мужчина. – Ты самая настоящая Тышкевич. Я ещё бабушку твою знал, графиню Ядвигу Гананпольскую. Ты влитая бабушка. Поверь мне, Софи. И Эдгар точно знал, что ты его дочь. Я не верю, что он мог написать такое завещание. Любил ли Эдгар эту балеринку? Уж извини, что так называю твою мамашу. Не знаю. Но ты для него была светом в окошке. Смыслом всей его жизни. Он всегда хотел девочку. Злата, его первая жена, не могла иметь детей и сначала ему казалось, что прожить вдвоём даже легче. Но с возрастом Эдгар понял, что очень хочет своё

маленькое продолжение. Когда третьеразрядная балеринка погорелого театра объявила о своей беременности, он в тот же день сообщил об этом Злате и, после небольшого обсуждения, ушёл от неё. Я бы на твоём месте ещё раз просмотрел историю с завещанием.

– Ладно, посмотрю, – устало махнула рукой Соня. – Вот только Максима найдём, так и займусь.

Солнце медленно опускалось за горизонт, а девушки всё сидели на крыльце дома Гариповых и продумывали варианты, куда мог деться, избежавший смерти Максим.

ГЛАВА 17

Продажа микроавтобуса

Огромный внедорожник заревел и лес вздрогнул. Неспешно хлопая дверцами, парни шутили, обсуждали планы на ближайшее будущее и, казалось, полностью забыли о только что произошедшем убийстве.

Трясущимися руками спрятав пистолет за пояс, Баунти оглянулся. Вытирая рукавом выступивший на лбу пот, он сделал пару шагов в сторону мальчика.

– Баунти, загружайся. И прекрати истерику. Пацан готов?

На заплетающихся ногах парень снова попытался подойти к жертве, зацепился о вылезший из земли корень старого дерева и глухо шлёпнулся. Нервно подскочив, он дол-

го отряхивал пыль со штанин. Затем посмотрел на мальчика, вытер рукавом нос и перекрестившись, бросился к машине. Взвизгнув на крутом повороте, внедорожник исчез среди высоких, корявых сосен.

Тишина снова укурила лес. Теперь не стрекотали насекомые, не ухали птицы. Осторожно раздвигая колючие кусты, девочки вышли к дереву и испуганно остановились рядом с лежащим мальчиком.

– Ты видела куда этот урод телефон выкинул? – выдохнула Гузель, стараясь не смотреть на распластавшееся тело. – Надо мать его предупредить, чтобы не ехала на встречу. Пацану всё равно уже не поможешь, а её ещё можно спасти.

Илона метнулась в кусты. Опустившись на колени, она несколько минут шарила по мокрой холодной земле. Наконец рука наткнулась на телефон. Перебирая программы, она нашла функцию фонарика.

– Как пацан? – прошептала Илона, приближаясь к подруге.

– Не дышит. Хотя выстрел, кажется, попал в дерево, – так же тихо ответила Гузель и тут же испуганно подскочила, услышав протяжный сиплый вздох.

Резко открыв глаза, мальчик настороженно смотрел на своих спасительниц. Не сопротивляясь, подставил связанные руки подбежавшему с перочинным ножом Максиму.

– Телефон, – радостно крикнул мальчик, увидев аппарат в руках у Илоны.

Опухшими пальцами он пытался найти нужный номер. Глядя на нервные движения незнакомца, Гузель поняла, что в плену он был не один час. Руки мальчика затекли и теперь палец непослушно соскальзывали с экрана. Наконец, пошёл вызов. Попытавшись встать, он жалобно вскрикнул. Гузель и Илона одновременно бросились на помощь, но в этот момент аппарат ожил. Опустившись снова на мягкий настил, мальчик вытер кулаком скатившуюся слезинку и закричал осипшим голосом:

– Мама, сворачивай, не приближайся к Васильково. Со мной всё в порядке. Тут девчонки местные меня нашли. Я не знаю где мы и у меня заканчивается батарея. Кажется, мы недалеко от какого-то села. Эти уроды даже не сочли нужным завязать мне глаза. Наверное, были уверены, что живым не выберусь. В общем, тут до ближайшего села минут пятнадцать, не больше. Мы доберёмся. А ты включи систему поиска и приезжай. Теперь всё будет хорошо.

Когда захватывающие события ночи подошли к концу и организм перестал вырабатывать адреналин, глаза Илоны снова начали слипаться. Кажется, на дисплее айфона мальчишки, когда она нашла его в кустах, высветилось четыре часа. Значит сейчас где-то четыре с четвертью. Не мудрено, что спать захотелось с новой силой. Опустившись на тёплую землю, Илона прижалась щекой к шершавой коре дерева и закрыла глаза.

Наверное, проспала она не больше десяти минут, но, пожалуй, это было именно то время, которое нужно было организму, чтобы отдохнуть.

Оглядев лес, она увидела, что Гузель и Максим помогают мальчику добраться до микроавтобуса. Подскочив, Илона бросилась следом за ребятами.

Отдохнувший организм требовал действия. Уже через минуту она выяснила, что мальчика зовут Вовка, что нога у него вывихнута, что идти сам он не может и ещё массу других сведений. Разместив нового попутчика на сидении, автобус, наконец, тронулся.

– И снова о деньгах, – прошептала Гузель, трясаясь на неровностях лесной дороги. – Микрик надо продать.

Вглядываясь в тусклые огни появившегося на горизонте спящего села, Максим тяжело вздохнул.

– План супер. Как будем выполнять? Дадим объявление в прессу или развесим на столбах?

– Нет, – Гузель слегка склонила голову в сторону съездившего Максима и, проигнорировав иронию, выдала план-минимум. – Подъезжаем к ближайшему «Шиномонтажу» или «Автомастерской» и продаем на запчасти.

Чёрная колдобистая полоса дороги усыпляла. Глаза начали слипаться. Рывком опустив голову, Максим долго тёр лицо о плечо. Сейчас он был единственный взрослый мужчина в компании. От него зависели жизни, теперь уже, трёх де-

тей. Он должен быть ответственным. Почему же в его голове не состыкуются элементарные вещи? Почему сидящая рядом маленькая девочка кажется на порядок умнее и решительнее его?

– Во-первых, – тихо начал он, – ещё рано и ни одна мастерская не работает. Во-вторых, у нас нет документов на автобус. Вернее, они, скорее всего, лежат в бардачке, но в них, к сожалению, не написано, что автобусом владеет Гузель или Максим.

– Во-первых, спят механики, – тут же парировала девочка, – которые на госслужбе находятся и получают зарплату за строго отработанное время. А частные мастерские рады клиентам в любые часы, рабочие или нерабочие. А во-вторых, вся эта макулатура, которая называется «документы», нужна при продаже законным путем. А когда ты, умник, продаешь ворованный кар, порядочные фраера предупреждают и берут чисто символическую сумму, которая, в нашем плачевном случае, будет спасительной. Вон «Шиномонтаж». Сво-рачивай и прикинься веткой. Сама разговаривать буду.

Ночная картинка закрытой двери автомастерской навевала сонное состояние. Максим украдкой перевёл взгляд на сидевшую рядом Илону. Глядя на её сосредоточенное лицо, он подавил колыхнувшееся в душе чувство зависти: спят когда-нибудь эти детки или любое приключение, вырывающее из состояния стабильности, заряжает их адриналином на несколько ночей?

Через пять минут Гузель вышла из мастерской в сопровождении молодого круглолицего парня в замасленной спецовке. Полазив в моторе, потом обойдя микроавтобус со всех сторон, он удовлетворенно хмыкнул и развалистой походкой вернулся в мастерскую. В течение следующих двадцати минут Максим, кусая ногти и хрустя суставами пальцев, нервно наблюдал за грубо жестикулирующими и матерящимися оппонентами. Наконец, красная от напряжения, Гузель подошла к автобусу и стукнув по дверке кулаком, зло буркнула:

– Ну хояк деревенский, ничем не прошибешь.

Максим расстроено положил руки на руль, мысленно смиряясь с тем, что автобус продать не удалось. Наконец, выпустив пар, девочка подняла глаза и, хитро подмигнув, добавила:

– Ладно, триста долларов тоже деньги.

Переодетый в чистую одежду механик вышел из мастерской, закрыл на ключ дверь и долго оглядывал окрестности. Подойдя к микроавтобусу, он протянул девочке купюры и с явным удовольствием сел за руль.

– Вы в село заезжали? – почему-то шёпотом спросил он. Вся компания одновременно отрицательно покачала головами. – Значит, никто не видел. Это здорово. Ну, бывай, подруга. Если ещё что-нибудь лишнее найдешь, знаешь где я. Сотрудничать с вами, миледи, было истинным наслаждением. Как договаривались: я вас не видел, вы меня тоже.

Весело помахав рукой, парень завел машину и исчез в сумраке ночи. Максим, Вовка и девочки медленно побрели к покосившейся скамейке и сев, крепче прижались друг к другу.

– Гузель, – тихо позвал Максим, – знаю, что дамам такие вопросы не задают, но все же: сколько тебе лет?

– Двенадцать будет через пару месяцев. Хотя наша «колбаса» в документах написала, что десять. Сказала, что на границах так платить меньше. Врет, небось.

Холодная белая луна угрожающе повисла над головами. Где-то вдалеке неожиданно ухнула сова и над мастерской черной тенью пролетела неизвестная птица. Девочки, испуганно сжавшись, прикипели к теплому боку Максима и жалобно сопя, всматривались в чёрную даль дороги. В темноте блеснул далёкий свет фар. Радостно подскочив Вовка бросился навстречу приближающейся машине.

ГЛАВА 18

Новые обстоятельства

Безразлично просматривая какую-то программу, Соня сидела в кресле перед компьютером. Ира с папкой документов устроилась на диване. Шелест страниц успокаивал Соно. Голова снова закружилась. Наверное, это от нервов. Да и время подбиралось к обеду. Сейчас Ира закончит просмат-

ривать старые папки и можно заняться приготовлением еды. Мысли о еде заставили желудок сжаться. К горлу подкатил кислый комок. Закрыв глаза, Соня досчитала до десяти. Открыла глаза. Всё в порядке. Вот найдут Макса и можно будет отдохнуть. Искоса глянув на Иру, она едва заметно улыбнулась. Свернув ноги в позу «лотоса», девушка забралась на обтянутый белой кожей диван. Сейчас Ира чем-то напоминала её саму. Всего-то десять лет назад и она, Соня, вот так же не замечала, что под ногами раскинулся настоящий турецкий ковёр ручной работы, а кофе, папина домработница Ася, подавала в тонком фарфоре конца девятнадцатого века. Всё это казалось таким обычным, домашним, не стоящим ни бережного отношения, ни элементарной аккуратности. Зато сейчас, когда Ира положила ноги на белую кожу дивана, у Сони слегка царапнуло по сердцу. словно не на мебель, а на её собственную кожу опустились старые запалённые кроссовки, оставляя огромные серые вмятины.

– Сонь, – позвала Ира, выводя её из задумчивости. – Кто такая Зина Сквородникова?

– Папина секретарша, – Соня быстро опустила глаза, испугавшись, что собеседница прочитает её «жлобские» мысли. – Где ты нашла это имя?

– Что значит где? – удивлённо подняла брови Ира. – Нет такого документа, в котором бы оно не фигурировало. Это женщина-робот.

– Не знаю насчёт робота, но она была очень предана отцу.

Мама постоянно ревновала его к Зинаиде Павловне. Впрочем, сейчас мне кажется, что это была не ревность, а, какая-то детская реакция самозащиты. Когда чувствуешь свою вину и вместо того, чтобы признать её, начинаешь обвинять другого человека. Просто так, чтобы отвести подозрение от себя. Мама по поводу и без повода кричала: не нравится, иди к своей Златке, или вон к Зинке катись. Не отличалась мадам Елена Владырь ни умом, ни сообразительностью. Хоть и не хорошо так о маме. Да ещё и о покойной.

– А где сейчас эта Зинаида?

– Честно говоря, не знаю. Много лет прошло. Да и по возрасту она была ненамного моложе папы. Так что ей сейчас хорошо за семьдесят. Жива ли?

Ира снова опустила глаза в пожелтевшие листы старых документов и закусив губу, в очередной раз отключилась.

Неожиданно сердце Сони пропустило удар. Подняв голову, она прислушалась. В коридоре глухо хлопнула входная дверь. Быстрые шаги протопали по паркету. Соня расстроено вздохнула. Шаги Агаты она узнавала издали. Рванув на себя дверь, Агата без стука ворвалась в комнату и брезгливо скривив заполненные свежим ботоксом губы уставилась на Иру. Несколько секунд девушки сверлили друг друга взглядами, ожидая, кто же первый заговорит. Поняв, что здороваться и быть вежливой вошедшая не намерена, Ира первой опустила глаза в документы.

– Могу я узнать, Сонюшка, что делает этот пролетарий в

нашем доме?

– Ирочка, это...

– Знакомы, – не поднимая головы, процедила Ира и, не обращая более внимания на Агату, продолжила изучать очередную контракт.

– Агаша, – Соня перевела глаза на сестру. – Это мой дом. Ирочка пришла ко мне в гости. С каких это пор, ты требуешь у меня отчёт?

Соня жалобно улыбнулась и проглотила снова подкатившийся к горлу ком. Что за наказание? Целый день, то тошнит, то в жар, то в холод бросает, в животе крутит, голова... словно только что тренинг на полёт в космос прошла. Что она с утра съела? Кофе с молоком, круассан. Ну не от круассана же в жар бросает. Вкрадчивый голос Агаты вернул Соню в реальность:

– Должна тебе напомнить, сестрёнка, что скоро у нас ответственная презентация. Клиент хорошо заплатил, чтобы к нему профессионально отнеслись. И твоё поведение, дорогая, дискредитирует галерею. Ну, Сонюшка, – девушка подошла к сестре и, присев на подлокотник кресла, на котором сидела Соня, положила руку ей на плечо. – Ну соберись, дорогая. Неужели этот недоразвитый стоит таких страданий? Ну, пропал пацан, и пропал. Сколько их пропадает по стране. Может запил где-то, может загулял с кем-то...

– Это вы по себе судите? – не поднимая глаз, прошептала Ира.

Агата убрала руку с плеча сестры. Растянув губы в неестественной улыбке, она зло промурлыкала:

– Гости, гости, вы не устали от своих хозяев? Может вы обидитесь и пойдёте домой?

– Я не обидчивая, – по-змеиному оскалилась Ира, изображая неопишемую радость от общения.

Неожиданно девушка перевела взгляд на старшую подругу и разбрасывая бумаги, соскочила с дивана. Вытянув руки, она почти на лету поймала падающее с кресла тело Софии.

– Что с ней? – от неожиданности лицо Агаты потеряло привычное выражение безразличия. – Не придави её, я за доктором.

Склонив голову набок, Соня следила, как холёная рука врача выводила слово за словом, заполняя бланк рецепта. Кто сказал, что подчерк врачей неразборчив? Частный врач, обслуживающий их дом, всё и всегда делал красиво, добротнo и с улыбкой Моны Лизы. С улыбкой выслушивал пациента, с улыбкой проводил осмотр и с такой же обезоруживающей улыбкой принимал заработанные деньги.

Лёгкая диета, отдых, прогулки на свежем воздухе и курс витаминчиков. Ну, диета у неё всегда. Кушаем на ходу и когда время есть. Прогулки? Между мэрией и галереей лёгкой трусцой, а в отделе культуры всегда есть время отдохнуть, ожидая, пока тебя примут. Ну и умные разговоры на приё-

мах и презентациях тоже можно записать в положительные эмоции.

— Всё будет хорошо, – как-то по-особенному масляно улыбнулся доктор, пожимая протянутую руку. Даже зубы показал. Соню почему-то передёрнуло. Нет, всё-таки в образе Моны Лизы он был интереснее, чем в образе доброго серого волка. – А завтра с утра на анализы.

Глядя, как Агата засемила за выходящим врачом, Соня не сдержала ироничной усмешки. Наверное, очень хорошо заплатил клиент, раз сестрёнка так обеспокоилась её здоровьем.

Захлопнув дверь комнаты, Агата взяла мужчину за рукав белого халата и резко развернула к себе лицом.

— Анатолий Геннадьевич, – испуганно прошептала девушка. – Что это может быть? С Соней никогда ничего подобного не было.

– Не хочу делать прогнозы заранее, точный диагноз нам покажут результаты анализов, – улыбнулся доктор, принимая плату за визит. – Но, по всем показателям, вы, дорогая, скоро станете тётей.

– Этого только не хватало, – побледнела Агата, обмахиваясь кошельком. – Эта неделя когда-нибудь кончится или нет? Из одной задницы на шустрых санях в другую. Давно у неё это?

– А вот это вам скажет гинеколог. Но однозначно срок небольшой. Я Софье Эдгаровне ничего не сказал. Думаю,

что от вас ей будет приятнее услышать новость.

Доктор вежливо поцеловал девушке дрожащие кончики пальцев и, не оборачиваясь, вышел.

Несколько минут Агата тупо смотрела на закрывшуюся дверь, затем, вспомнив что-то важное, выбежала за мужчиной.

– Анатолий Геннадьевич, – тихо позвала девушка, успевшего отойти врача. – Могу я попросить вас об одолжении? Не рассказывайте никому, что Соня беременна. Особенно ей самой. Хотя бы до получения результатов анализов. Видите ли, Соня давно мечтает о ребёнке и, если сейчас сказать ей об этом, а потом всё окажется банальным расстройством желудка, она будет очень тяжело это переносить.

– Понимаю вас, Агата Кирилловна, – доктор сделал вид, что не заметил засунутую в карман купюру и, улыбаясь, заверил: – От меня ваша сестра точно ничего не узнает.

«Ай да, Столяров, ай да сукин сын»: – лихорадочно переваривала информацию Агата Проведя рукой по лицу, она не заметила, как яркая тёмная помада широкой полосой растёрлась до самого виска.

– Что сказал доктор? – в два голоса встретили её девушки в комнате.

– Расстройство желудка, – прошептала Агата, беря со стула сумку и, не прощаясь, вышла из комнаты.

Дело ведут профессионалы

Скрипя тормозам, поезд остановился. Закрыв ноутбук, Тимур соскочил с верхней полки и, подняв нижнюю, вынул дорожную сумку. Пройдясь расчёской по волосам, Алим спрятал её, подхватил свою сумку и встроился в очередь к выходу. Потные, усталые пассажиры толпились в проходе, заглядывали вперёд, стараясь как можно быстрее покинуть душный вагон.

Соскочив с подножки, Алим огляделся. Пассажиры спеша покинуть надоевший поезд, бежали по перрону, старательно огибая женщин с подносами, заставленными ватрушками, яркими пирожными, фруктами. Покачиваясь, словно утки на лугу, проплывали корзины с пивом, «Кока-колой», привязанные к объёмным животам местных торговков. Навстречу потоку прибывших шли два молодых, невысоких парня в милицейской форме. «Вода, кока-кола, лимонад», – громко предлагала ассортимент молодая толстая женщина, таща перед собой корзину с бутылками. «Водка, наркотики, девочки», – не понижая голоса кричала дама, поравнявшись с полицейскими. «Довыступаешься, Светка», – беззлобно хохотнули те, проходя мимо.

Расула Гарипова Алим увидел сразу. Хотя на полигоне все знали этого хитрого узбека, как умного и оборотистого поставщика рабочей силы, вид у него всегда был какой-то глу-

повато-деревенский. А может, мужчина специально поддерживал такой имидж?

– Видать очень понадобились мы любимому дядюшке, раз так быстро встречать выбежал, – с ноткой иронии заметил Тимур. Повесив на лицо радостную улыбку, он раскрыл объятия навстречу родственнику.

Всю дорогу, до дачи профессора Лазорева, разговор мягко катился вокруг погоды, природы, цен и состояния здоровья родни. Наконец, уже подъезжая к воротам, Расул решил ввести их в курс дела.

– Вы, наверное, заметили, что вовремя не пришел заказ с лекарствами, ну и с другим материалом, – мужчина, вздохнув, отвел глаза на дорогу и слегка прикусил губу, подыскивая слова, чтобы продолжить рассказ. – Одним словом, дело такое. Груз должны были сопровождать два придурка. Оба новенькие. Это был их первый рейс. Сначала они одну девочку случайно подменили на другую. Кстати, эта другая, случайно, оказалась внучкой Лазоревых. Затем, они подстрелили парня, которого везли для лабораторных опытов, потеряли телефон. Пока пытались зарыть огрехи, второй парень, из тех, что для опытов, увел у них и микроавтобус, и лекарства, и химические препараты, и внуку Лазоревых. У вас есть полминуты, чтобы поржать. По приезду вы должны выслушать то же самое без вот этих идиотских улыбочек на рылах. Людям там не до смеха, сами должны понимать. В вашу задачу будет поставлено: найти всё – в лучшем случае, найти,

хотя бы Илону Поцаревич живой – в худшем случае. Бойцов вам в помощь выделяют, конечно, хотя сами понимаете, пользы от них...

– Ну а мы-то чем можем помочь? – пряча улыбку, спросил Алим.

– Просили помозговитее... Выбор у меня... Да чего тебе объяснять. А ты, бывший военный. Может чего умного посоветуешь.

– А химик на кофейной гуще всё это подтвердит, – не сдержавшись, захохотал Тимур.

Проехав пункт охраны, машина плавно вкатилась во двор. Тимур безразлично разглядывал дом, мраморный фонтан. Видно было, что мысли его заняты чем угодно, кроме планов поиска маленькой Илоны Поцаревич.

– Тебя, химика придурошного, – зашипел Гарипов, резко разворачиваясь всем телом к Тимуру, – взяли, чтобы умные люди увидели, что ты существуешь. Чтобы забрали из боевых условий и пристроили в нормальные. Или всю жизнь собираешься в Узбекистане скорпионов кормить? Твой отец столько денег угрохал, чтобы ты в люди вышел. Я в лабораторию нашу пристроил, чтобы у тебя практика была не только бабские мазюльки смешивать. Всё. Теперь сам греби лапками и взбивай сметанку. И начинай прямо сейчас. Поможете в поиске девчонки, расплатятся с вами по-королевски.

Тимур с Алимом переглянулись и тяжело вздохнули. К жизни в полевых и боевых условиях они привыкли и ломать-

ся для того, чтобы менять эту тяжелую жизнь на какую-то неизвестную, не было смысла,

Поднявшись по стеклянной лестнице на второй этаж, мужчины оказались в небольшом, шикарно обставленном кабинете. Несколько пар уставших глаз оторвались от документов и сверлили вошедших подозрительными, недоверчивыми взглядами. Выслушав в очередной раз историю похищения, Алим поднял глаза на сидевшего в дальнем углу водителя.

– Отсюда вы выехали с полным баком бензина?

– Да, – угрюмо ответил парень, глядя на Алима подбитым глазом, – микроавтобус заправили перед отъездом. Часа четыре мы ехали, так что там бензина еще на пару часов оставалось.

– Машину нашли?

– Нет, как в воду канула, – буркнул зависший над столом мужчина в чёрном костюме. – Ментов подмазали, они всю зону прочесали. Лес чистый. Села близлежащие прошерстили. Никто девочек с мужчиной не видел.

– Аптеки проверяли? – спросил Тимур. – Должны же они лекарства куда-то сбыть. Так же стоит коммунальные службы опросить, которые вывозят мусор из этих сел. Может заметили коробки из-под колб и штативов, которые мы заказывали. Ещё лучше не в аптеки, а по бабкам спрашивать, если появились медикаменты, то они лучше любого аптекаря расскажут.

Расул Гарипов расплылся в довольной улыбке, вспомнив, что при обсуждении планов поиска девочки, все совершенно забыли о лекарствах и химическом оборудовании. Отдав по телефону нужные указания, мужчина в костюме снова перевел на Алима покрасневшие от бессонной ночи глаза.

– Пошли дальше. – Задумавшись на минуту, Алим прошёлся по кабинету. – Документы, мобильные телефоны, что там ещё? Деньги. Как у них с этим?

– Документов у них нет. Мобильных нет. Деньги? Ну может быть три копейки.

– Может быть три копейки, а может и тридцать три. Микроавтобус-то не нашли. Понимаешь, куда веду?

– Ты из них суперменов не делай, – задумчиво протянул все тот же мужчина, который в этой комнате был, судя по всему, и за главного, и за умного. – В гоп-компании студентка и сявка детдомовская. Тем более они не из этого района... Хотя, если пушку к голове приставить, то и у студентика третье дыхание откроется. Дам задание еще раз «Автомастерские» и «Шиномонтажки» на этом участке проверить.

– Что у нас ещё в наличии? – Алим аккуратно провел рукой по недавно стриженной бороде, потер кончик носа и уверенно продолжил: – Без документов они будут селами пробираться и, скорее всего поедут домой. Сколько бы они за микрик не выручили, это не та сумма, на которую в наше время можно пуститься в бега.

– В окружении Шубанова всё схвачено. Там уже три дня по всем окрестностям мои туристы гуляют. Фотографии у них на руках, так что как только появятся, сразу здесь будут.

– Не радуйся, – остудил Тимур так и не представившегося мужчину. – Если за три дня не доехали, то может уже и не приедут. То, что ты его в лохи записал, ещё не факт, что он лох и есть.

Глядя на чистые ногти нового напарника, на его блестящие, ухоженные волосы, вдыхая запах терпкого спортивного одеколona, Тимур, почему-то жутко захотел, чтобы тому, незнакомому «студентушке» повезло. Чтобы никогда не попал он в руки этих, издыхающих миазмы злобы и агрессии, людей.

– Родственников, как я понимаю, у него немного. Что там с друзьями?

– Друзья, такие же студенты беспортошные. Так что помощников у него нет. Девчонка сирота, из детдома никогда не вылезала, связей тоже нет.

– И тем не менее, для создания более полной картины, желательно съездить в детский дом и поспрашивать о девочке поподробнее.

– Чего о ней спрашивать? – зло отшвырнула в угол незажженную сигарету моложавая полная женщина. Алим несколько раз видел Зою Ларионовну, но зная её высокомерный характер, предпочитал ограничить знакомство скухими приветствиями и не более. – Волчонок и дура.

– Два взаимоисключающих понятия, – неприязненно посмотрел на жену профессора Лазорева, Алим. – Если девочка волчонок, то она уже не дура. Поэтому давайте адрес детского дома и предупредите о нашем приезде. Ну что, на сегодня работа найдется всем, можно выполнять. Мы в детский дом.

По-военному попрощавшись, Тимур с Алимом вышли из кабинета.

– Алим, я тут решил присоединить приятное к полезному, раз уж мы сюда приехали. Помнишь, по твоему делу... Я профильтровал немножко. Милочки твоей, Людмилы Фроловой, к сожалению, не нашёл, но зато раздобыл новый адрес Бердина Григория Афанасьевича. Говорит тебе что-нибудь это имя?

– Конечно, – сердце Алима, пропустив удар, заработало с удвоенной энергией. – Это сосед наш, а заодно и мой квартиросдатчик. За Григорием Афанасьевичем в нашей коммуналке две комнаты числились. Он одну мне сдавал, а в другой сам жил. В третьей комнате Милочка жила.

– Вот и давай пошлём их всех подальше и займемся в первую очередь твоим делом. А уж если будет время, мы потом и этой банде поможем. Хотя, я с большим удовольствием помог бы этому лоху Максиму, чем им.

И снова детский дом

Вытянув руку, Тимур голосовал на обочине и исподтишка косился на задумчиво курившего в стороне Алима. Это была уже третья сигарета за последние полчаса. И ни одного слова. Конечно, Тимур не ждал, что друг будет плакать от счастья, узнав адрес бывшего соседа, но ведь это была хоть какая-то ниточка, соединяющая его с прошлым. Казалось бы, сейчас выяснят, что случилось с Милочкой. Ну если не всё, то хотя бы появится какая-то определённая ясность. А, вместо благодарности, получил нервное сопение и тяжёлые вздохи. Внезапно Алим поднял глаза, и Тимур растерянно опустил руку: впервые за несколько лет знакомства, он увидел полевого командира Алима Низамова таким беззащитным и несчастным. Только сейчас Тимур понял, что Низамов боится этой встречи. Боится узнать, что где-то живёт его любимая женщина, воспитывает его ребёнка, любит другого человека.

Рядом просигналил клаксон. Тимур испуганно обернулся. Из остановившегося такси хмуро выглядывал водитель.

Откинувшись на спинку сидения, Тимур разглядывал пролетающий за окном город. Высокие серые дома нависали над покрытыми молодой зеленью деревьями. Яркие вывески бутиков, ресторанов, супермаркетов зазывно оповещали горожан о скидках. Всё было красочно и живо, но Тимур вдруг поймал себя на мысли, что ему не хватает раздолья. Когда

выходишь из госпиталя рано утром, а вокруг ни души. Только огромное жёлто-коричневое раздолье. И орёл над головой. Надо же, как быстро он стал пустынным. А ведь вырос в центре Ташкента. Едва заметно скосив глаза, он посмотрел на Алима. Всё тот же безучастный взгляд. Проезжая мимо ресторана узбекской кухни, сердце Тимура рухнуло куда-то вниз. И скажи, чего? Уж плов-то на полигоне они едят регулярно. И всё равно, увидеть билборд с пиалой жирного риса в чужом городе оказалось равносильно встрече со старым другом.

Выйдя из такси, Алим поднял глаза на окна дома, в котором жил Бердин и, развернувшись, потащил Тимура в супермаркет. Долго выбирал продукты, разглядывал сроки годности, производителя. В общем, оттягивал встречу, как мог. Тимур не мешал. Такие вещи, как свидание со своим прошлым, впопыхах не делаются.

Сложив продукты в два пакета, они снова вернулись к дому. Бабушки на скамейке просканировали их оценивающими взглядами. И, кажется, остались недовольны увиденным. Не мудрено. Два здоровых мужика то подходят к подъезду, то уходят. Тимур тяжело вздохнул. Пожалуй, если сейчас не войти, то Алим придумает ещё сто пять причин, чтобы отложить посещение бывшего соседа.

Дом был ещё не старый, но очень неухоженный. Ремонт здесь не делали, наверное, со времён сдачи. Лавочки перед подъездом с ходу рассказывали всю историю любовных от-

ношений местных жителей. «Зойка+Витька», «Ленка+Вовка»... Не пожалели местные краеведы и стены подъезда. Последнее сообщение о том, что «Алка из тридцать третьей квартиры – дура» – полыхало довольно свежей аэрозольной краской.

Дверь нужной квартиры долго не открывали. Алим облегчённо вздохнул и повернул к лестнице, но в этот момент за стеной послышалось шуршание. Дверь распахнулась. На пороге стоял сгорбленный, седой мужчина с вязаном, растянутом жилете. Поправив на носу перемотанные синей изолентой очки, он прищурился и прошептал:

– Алимушка, ты что ли? –

Губы старика сморщились и, вдруг, задрожали. Алима словно прорвало. Бросившись к Григорию Афанасьевичу, он неуклюже прижал его к груди.

Пока нарезали колбасу, сыр и овощи, разговор крутился о ценах, о погоде и только после третьей рюмки Алим, с замиранием сердца перевел разговор на интересующую его тему. Григорий Афанасьевич, расслабившись после обильной закуски, грустно поднял глаза.

– Как уехал ты, Алим, очень переживала Милочка. Ну а вскоре оказалось, что беременна она. Как раз в то время к нам и начали заходить ребята-рейдерята. Предлагали продать наши халупы. Весь дом выкупили, жильцов расселили. Меня вот сюда выслали. И Милочке в этом же районе предлагали квартиру. Но она, дурёшка, никак свою комнату про-

давать не соглашалась. Тебя ждала. Я уж сколько ей твердил: «Не связывайся с этими бандюками». Да куда там, одно щebetала: «Вот Алим вернется, тогда и решим». До последнего держалась, из дома почти не выходила. А уж как припёрло рожать, то хочешь-не хочешь, вывезли. Я через несколько дней заезжал в роддом, думал, по-соседски заберу пока к себе. Дом наш, как только Милочку увезли, на следующий день и разрушили. Видал, какие сейчас на том месте хоромы выстроили? Ну вот, забрал я Милочку с дочкой к себе, только она совсем слабенькая стала. Две недели у меня пожили, а потом взяла девочку и говорит: «Пойду я, дядя Гриша, в прокуратуру. Не давала я согласия на продажу комнаты». И ушла. Больше я её с тех пор и не видел. Ходил в милицию, хотел о пропаже заявить, а они ни в какую. Мол, кто она тебе? Дочь? Жена? Ну, а если никто, то и иди дед, вон адрес на заборе написан. На этом мои поиски и закончились. Больше тебе, Алимушка, ничего сказать не могу. Была бы жива Милочка, вернулась бы. А так уж двенадцать лет с тех пор прошло. Забудь её и живи своей жизнью.

Уложив захмелевшего соседа на продавленный диван, Алим с Тимуром, по холостяцкой привычке, убрали со стола и вышли из гостеприимной квартиры.

Так же, без слов, нашли тихий бар и заказали по двойному виски. Холод снова свернул внутренности. Закрыв глаза, Алим, как прежде, увидел маленькую девочку, кутающуюся в огромный оренбургский платок. Только теперь у этой де-

вочки были восточные черные глаза. Его глаза.

– Можно будет порыться в архивах, – тихо предложил Тимур.

– Ничего не надо, – прошептал Алим, и выпив залпом содержимое стакана, вышел из бара.

Подходя к светлому трёхэтажному зданию на краю города, Алим, казалось, взял себя в руки. Походка его снова стала по-военному «порочной», как определял Бальзак в своём трактате о ходьбе, когда торс стоит на крестце, как бюст на постаменте, а ноги передвигаются сами по себе. Тимур всегда завидовал походке друга. Даже пытался подстраивать под него, но долго не выдерживал.

Невысокая сетка, огораживающая детский дом, качели на площадках, скамейки, были недавно покрашены и отремонтированы. Уголки губ Алима чуть приподнялись. Ленинские субботники давно ушли в прошлое, а приводить в порядок коммунальное хозяйство продолжали почему-то именно в апреле.

Солнце снова плавало асфальт, но детей это не останавливало. Перескакивая через низкие бордюры песочниц, школьники носились друг за другом, вереща, словно индейцы в прериях.

Войдя в здание, Алим, не останавливаясь, прошёл на второй этаж. Тимур едва успевал за другом, соображая, откуда тот знает, где расположен кабинет заведующей.

Постучав, Алим, не дожидаясь ответа, распахнул дверь. Ярko накрашенная женщина, сурово глянула из-под наклеенных ресниц. Открыв рот, она, кажется, собиралась высказать мнение об их вторжении, но столкнувшись взглядом с Алимом, передумала. Плавным движением руки заведующая убрала со стола начатую бутылку коньяка и указала вошедшим на стулья. Напряжение накалялось. Чтобы как-то разрядить обстановку, Тимур добродушно улыбнулся. Зеркальная дверка шкафа напротив, услужливо отразила его эмоцию. Пожалуй, именно так выглядел глупо улыбающийся сурикат Тимон, сидящий между рычащими Шрамом и Симбой. Улыбка сползла с лица сама собой.

Заведующая и Алим не сочли нужным даже поздороваться, лишь сверлили друг друга неприязненными взглядами. Наконец, женщина, ни слова не говоря, вывела на экран компьютера нужную «папку» и развернула монитор. Личное дело и медицинская карта ученицы Озеровой Гузели Васильевны.

– Никаких компенсаций я выплачивать не буду, – зло буркнула Альбина Николаевна, барабаня длинными ногтями по поверхности стола. Исподтишка разглядывая хозяйку кабинета, Тимур заметил, как покрылось красными пятнами её лицо. – Предупреждала Зойку: не бери. Девчонка волчонок. Никогда не знаешь, что от неё ожидать. Так нет же. Сказки ей восточной приспичило. Юную Шахерезаду в навозе откопала. Вот теперь пусть сама со своими сюрпризами и раз-

бирается.

— Девочка попала к вам в возрасте трех лет, переводом из «Дома малютки»? – не слушая причитаний заведующей, спросил Алим.

– Да, – Альбина Николаевна тяжело вздохнула и, достав из ящика стола пачку сигарет, закурила. – Дети до трех лет воспитываются там, потом попадают к нам. Если мне не изменяет память, Гузель попала в «Дом малютки» месячным ребенком. Её мать убили и ограбили, поэтому никаких документов при ней не обнаружили. По истечению положенного срока, тело захоронили за счет государства, как не востребовавшее, а малышку в детдом.

– Дайте, пожалуйста, адрес «Дома малютки». Надо будет поговорить с их сотрудниками.

Алим без интереса переворачивал «страницы», перешёл к табелям, выводам психолога. Прочитав последние данные, он грустно улыбнулся: «Да уж, характер у малышки убойный. Наверное, именно в ней нашел поддержку студент».

– «Дом малютки» расформирован, – вернул его к действительности голос заведующей. – Кстати, Гузель оказалась в составе последней группы, которая поступила оттуда. Сотрудники остались без работы, разбежались кто куда. Единственный кто пришел к нам из того детского дома – наш сторож Василий Потапович. Можете с ним поговорить. Он, кстати, даже дружил с Гузелью. Впрочем, он как нажрется со всеми дружит. – Заведующая на минуту задумалась, за-

тем, затушив сигарету медленно перевела взгляд на собеседников. – Если думаете, что девчонка может появиться здесь, то только в резиденции Василия Потаповича, то бишь в его каптёрке. Но это вряд ли. Умна не по годам. Здесь ведь, как в тюрьме: год идет за два. А она другой жизни не знала. Так что волчий инстинкт самосохранения не приведет её сюда даже под пыткой.

– Судя по выводам психолога, – неуверенно начал Тимур, – Гузель вполне способна на организацию побега, на захват Илоны Поцаревич в качестве заложницы. В свои двенадцать лет у девочки достаточно ума, чтобы обойти препятствия и вот уже три дня находится в бегах, несмотря на то, что на их поиски брошены огромные силы и местной полиции, и добавочные ресурсы. Не чересчур ли это сложно для одной девочки?

Альбина Николаевна загадочно улыбнулась и, наконец вспомнив о гостеприимстве, снова поставила на стол небольшую пузатую бутылку французского коньяка.

– Наверное удивлю вас, если скажу, что я даже рада, что так получилось. Хоть кто-то собьет спесь с вашей Зойки. Она считает себя самой умной, а у Гузельки... – женщина на несколько минут задумалась, открывая бутылку. – Здесь не ум, здесь звериные инстинкты. Их нельзя просчитать. Она, как волчонок, чувствует опасность.

– Скажите, пожалуйста, Альбина Николаевна, – перебил заведующую Алим. – Прятаться с заложницей гораздо слож-

нее. Логичнее было бы или использовать её для выкупа, или отпустить и уходить налегке, или... Конечно, двенадцатилетняя девочка вряд ли способна на убийство, но...

— Вряд ли? — захохотала заведующая, картинно забрасывая голову на спинку кресла. — Да это вы, молодой человек не сталкивались с нашими девочками. Придушат и глазом не моргнут. Особенно в этом возрасте. Когда наши девчонки начинают драться, местные хулиганы не знают в какую щель забиться. Ну, это так, к сведению. А по поводу вашего вопроса, может ли убить конкретно Озерова. Скорее нет, чем да. У неё обострённое чувство справедливости. За своё, за своих — порвёт, но просто так делать подлость не будет. Если почему-то нельзя отпустить Илонку, значит на себе будет тащить, но не бросит. Хотя... если жизнь засунет... в определённые обстоятельства...

Достав из шкафчика бокалы, она наполнила их и поставила перед гостями. Задумавшись, женщина не заметила, как губы её искривила неприятная улыбка. Алим поморщился. Что-то подсказало ему, что заведующая была бы даже рада такой развязке. Убийство внучки Лазоревых было бы достойной расплатой с высокомерной Зоей Ларионовной, которую, несмотря на долгие годы сотрудничества и показательной дружбы, Альбина Николаевна судя по всему, ненавидела всем сердцем,

— Я тоже думала о том, почему Илона до сих пор не нашла возможности сообщить о себе? — смахнув живодёрскую

улыбку, продолжила заведующая. – Не по лесу же они идут вот уже три дня. Маленькая Поцаревич девочка своеобразная... Я эту семейку Адамс знаю от самых истоков. Ещё когда юная Зоинька вышла замуж за этого зануду Филю Лазарева. Хотя, зря я про него так. При всем своем занудстве, психиатр он от Бога. Но... заиклен на работе. Тут они классно дополняют друг друга, Филя в своем деле, а Зоя, как хозяйственник – незаменима. У них, когда Снежана родилась, всё только закручиваться началось. Лихие девяностые. Как раз их пора. А тут ребёнок ненужный. Отдали тогда девочку с няней в деревню. Когда, лет через пятнадцать, вспомнили о дочке, получили «белую маргаритку». И дело даже не в том, что девочка над больным муравьем могла разрыдаться, это уже, в целом, был непригодный материал, чтобы передать дело, Снежана в химии – ноль, в математике – ноль, Снежана – просто замечательная женщина. Но для бизнеса этого мало. Еле запихнули её в институт, на факультет биологии. И тут налетела вторая серия непрухи, в виде красавца-лимиты Игоря Поцаревича. Как малыш усёк, из какой семьи девочка – зубами вцепился. Зойке-дуре поговорить бы с дочкой. Так нет же. Наняла двух уродов. Накостыляли парню, да еще и сказали откуда дровишки. Снежана, как только узнала, кто постарался, в тот же день к любовнику в общагу и переехала. Она, видишь ли, виноватой себя почувствовала. После этого Зоеньке, хочешь-не хочешь, пришлось свадьбу играть. Вот так и живут детки. Вроде вместе, а вроде и врозь.

На жалости-то долго не протянешь, а любви настоящей ни с его, ни с её стороны нет. Когда Илона родилась, бабушка внучку прямо из роддома, вместе со Снежаной, к себе привезла. А дурик Пощаревич и рад: бабло капает, и жена с дочкой не мешают. Жизнь-мармелад. Только я бы, зная Лазоревых, так не расслаблялась.

За Илониным воспитанием бабушка следила в оба глаза: и гувернантки, и учителя. Но, главное, изначально ей рассказывали, что есть небо, на котором сияет звезда по имени Илона, а есть земля, на которой всё остальное. Учителя у них не задерживались, несмотря на высокую зарплату. Представляете, входит в учебную комнату преподаватель, а из угла ссыкушка семилетняя, не поднимая головы, говорит: «Извольте вымыться, от вас воняет». Постоянно-то они на даче, за городом живут, а когда семья решает на пару дней в город заглянуть, то в своём отеле останавливаются. Бедные девчонки, в дни их приезда, не знают какие болячки себе придумать, чтобы на работу не выйти. Так что Гузель и Илона из разных миров, но это два настолько сильных лидера, что мне трудно предугадать результат их совместного времяпровождения.

Когда мужчины, попрощавшись, вышли из кабинета, Альбина Николаевна с удивлением отметила, что два маленьких пузатых бокала с коньяком так и остались нетронутыми.

Василий Потапович

Застегивая на ходу лёгкие курточки, Алим и Тимур вышли во двор детского дома. Ребята разных возрастов всё так же бегали по площадкам. Девчонки звонко хохотали, обсуждая события последнего сериала, а, сбившиеся в стайки, старшеклассники курили у забора, совершенно не заботясь, видит их персонал или нет. Да и из персонала на территории детского дома только угрюмо шаркал допотопной метлой маленький сухонький дедок.

Всё на этом зависимом клочке земли кричало о противоречиях: бедная одежда детей, погнутые качели и бурная радость молодости, которую даже такие условия не смогли заставить забыть о прелестях жизни. О том, что скучный серый цвет когда-нибудь превратится в элегантно-жемчужный блеск вечернего платья от кутюр или вызывающе стальной супернавороченного «Ягуара».

Худой грязный мальчишка лет пяти, пролетел мимо Алима, орошая брюки водопадом грязной воды из непросыхаемой годами лужи. Остановившись в нескольких метрах от них, малыш задиристо вздёрнул подбородок и приготовился отвечать на «необоснованное», с его точки зрения, замечание. Но Алим, не обращая внимания на обидчика, смахнул с одежды грязные капли и, рассеянно глядя вдаль, процедил:

– За мои почти пятьдесят, столько говна в жизни повидал, но после общения с этой дамой, такое впечатление, словно я его покушал. Симпатичная с виду женщина, а какой привкус навоза оставила.

– Откуда ты знаешь, какой вкус у навоза? – засмеялся Тимур.

– До сих пор не знал, а вот под старость накормили.

Шуршание сухих веток, раздавалось всё ближе и вдруг, затихло. Обернувшись, Алим наткнулся на выцветшие глаза, метущего территорию старика. Остановившись, дедушка опёрся на куцую метлу, поднёс руку к слезящимся глазам, закрываясь от тусклых солнечных лучей.

– Алим. Ты что ли, сынок?

Сердце Алима непривычно сжалось, услышав этот дрожащий, словно сломанный ветром, старческий голос.

– Вот радость-то, господи. Мы уж и надеяться перестали, а ты, значит, нашёлся. Не смотри на меня так, – трясясь всем телом, засмеялся дед, – не знакомы мы. Что тебе «колбаса» наша налепила?

Глаза дворника радостно заблестели. Оглянувшись по сторонам, он схватил Алима за рукав и потянул к примостившемуся в дальнем углу, маленькому кирпичному домику, служившему для хранения инвентаря.

– Пойдем ко мне, а то увидит «колбаса» из окна и опять начнет верещать, что вместо работы языком мету.

Зайдя в темную, влажную каптёрку, Алим и Тимур ав-

томатически содрогнулись. Жить им приходилось в разных условиях, но даже в самых маленьких и неприспособленных комнатухах, они в первую очередь наводили военный порядок и впоследствии прилагали все усилия для его поддержания. Каптёрка Василия Потаповича представляла собой яркий пример жилья одинокого алкоголика. На грязной, никогда не застилаемой кровати в поэтическом беспорядке лежали грабли, журнал и, приглядевшись, Алим рассмотрел слившегося с грязной подушкой огромного тощего кота. На столе всю хозяйничали тараканы, ловко снуг между чайником без крышки, железным разрыхлителем для цветов, и двумя алюминиевыми вилками, словно дополняющими друг друга, так как у одной было правое и среднее остриё, а у другой среднее и левое.

Бодренько просеменив к столу, Василий Потапович культурно пообщался с тараканами. Не достигнув взаимопонимания, он легким движением руки скинул всё хозяйство на пол и на очищенную грязь поставил почти законченную бутылку водки и надтреснутый стакан.

– Давайте, мужики, за знакомство, – дворник плеснул на дно стакана треть остатка и протянул его Алиму. – Уж не обессудь, тара у меня в единственном экземпляре.

Повинуясь еле заметному знаку Алима, Тимур достал из объемной кожаной барсетки плоскую походную фляжку с коньяком и два раскладных стаканчика. Взяв тару деда Василия, он попытался выплеснуть водку в ведро с песком, сто-

явшее возле стола, чем едва не вызвал инфаркт у хозяина. Василий Потапович, на уровне подсознания угадав действия парня, успел в последний момент подскочить и спасти живительные капли. Резким движением опрокинув жидкость в рот, он удаю крякнул и, поставив стакан на место, молодецки гаркнул:

– Стерильно.

После первой, для Василия Потаповича после второй, мужчины сели на грязную продавленную кровать и несколько минут молча разглядывали друг друга.

– Вот ведь, жизнь-поганка, – сторож пьяно улыбнулся и смахнул с глаз скатившуюся слезинку. – Ты нашелся, а Гузелечка пропала. «Колбаса» наша говорит, что на лечение её отправила за границу. Да только от чего лечить-то? Сто пудов продала девчонку, падлюка. Только ты, Алимужка, не слушай, что тебе тут наплетут. Золото, а не ребёнок, наша Гузелечка. Она за своих на лоскуты порвет, никого в обиду не давала.

– Василий Потапович, откуда вы узнали, что я ищу Гузель Озерову?

Сторож оторвал влюбленный взгляд от плоской стальной бутылочки и удивленно сфокусировал его на Алиме.

– А кого же, как не кровиночку свою будешь искать ты в этом хламиднике?

Сердце Алима неприятно сжалось, пропустив удар и во рту появился металлический привкус. Опустив глаза, он

брезгливо скинул огромного рыжего таракана, по-хозяйски забравшегося на руку. Видя, как налились желваки на лице друга, Тимур решил взять инициативу в свои руки.

– Василий Потапович, – ласково начал парень, разливая остатки коньяка по стаканам. – Почему вы решили, что Гузель Озерова дочка Алима Анваровича?

– Как, почему? – радостно откликнулся сторож, заметив, что в его стакан попала львиная доля столь понравившегося ему продукта. – По фотографии.

Заметив заинтересованный взгляд новых друзей, Василий Потапович подхватил двумя пальцами стакан, бодро опрокинул его и занюхав грязным рукавом, начал повествование.

– Принимай пополнение, Альбина Николаевна.

Молодая черноглазая женщина положила на стол несколько толстых папок. Хотя «Дом малютки» был расформирован, Лидия Анатольевна, благодаря своему высокопоставленному любовнику, уверенно карабкалась вверх по служебной лестнице. Не успев снять с себя старые обязанности, женщина уже примеряла костюм от кутюр для выхода в свет в качестве начальника района.

– Три девочки, три мальчика и в качестве приза от компании, – женщина вытянула руку в сторону Василия Потаповича, – прошу любить и жаловать, наш сторож, дядя Вася. Как от сердца отрываю.

Не удостоив сторожа взглядом, Альбина Николаевна придвинула папки. Открыв верхнюю, заведующая саркастически скривилась: с фотографии смотрел толстенный серьезный мальчуган. Маленькие глаза в окружении пушистых ресниц, терялись между щеками, создавая немножко комическое выражение лица.

– Дебил, что ли? – неприязненно вздохнув, заведующая перевернула страничку. – Семья алкоголиков, лишены родительских прав...

– Почему дебил? – удивленно подняла брови Лидия Анатольевна. – Коленька у нас умница. Он, если помочь немножко, в Нобелевские лауреаты выбьется.

– Разожрались они у тебя, Лидка, на государственных харчах, – беря в руки вторую папку, прокомментировала Альбина Николаевна. – Кого не возьми, ни в одни ворота не лезет, зато – лауреаты. Вот эта, вроде ничего, не страшная, хотя и чёрная. И имя какое-то не людское – Гузель. Тоже отказница?

– Нет, – разочарованно закусил губу Лидия Анатольевна. Хотя и она никогда не «горела» на работе и детей любила скорее по обязанности, но, видя такое явное пренебрежение к малышам, расстроилась. – Гузину маму нашли убитой в парке. Естественно, без документов. Девочка попала к нам. Ни отец, ни другие родственники не объявились. Имя ей дал Василий Потапович, он же и с отчеством помог, хотя сначала хотели Гузелью Алимовной назвать.

– Что за бред? Почему Алимовной? – толстый палец заведующей без интереса переворачивал странички, пока не наткнулся на небольшую цветную фотографию. Молодой красивый майор, с восточным разрезом глаз, мягко улыбался в аккуратно подстриженную бороду и прижимал к груди невысокую хрупкую блондинку. Заметно было, что девушка намного моложе своего спутника, но по счастливому сиянию её глаз, по позе, в которой застыла перед фотоаппаратом юная фигурка, любой, даже самый неопытный психолог, прочитал бы абсолютное безграничное счастье.

– На фотографии сзади надпись: «Я и мой Алимужка». Вот мы и предположили, что он и есть отец девочки.

– Отец – это когда в соответствующей графе стоит: отец Тютюкин Иван Иванович, а когда в графе стоит – набля...

– Побойся Бога, Альбина. Убили ведь, девочку, – Лидия Анатольевна, нервно прикусив губу, отошла к окну.

– Раз убили, значит было за что, – авторитетно заявила Альбина Николаевна и, закрыв папку, резким движением отправила её на край стола.

Маленький яркий квадратик вылетел и прокружившись в воздухе, медленно приземлился у ног Василия Потаповича. Быстро нагнувшись, сторож подобрал фотографию и, незаметно для женщин, опустил в карман.

– Потом я эту фотографию в книжку положил и забыл. Читаю-то я редко, работы много, – сторож, поняв, что до-

бавки не будет, начал поклевать носом. – А года два назад нашёл и сразу же Гузелечке показал. Видал бы ты, Алимушка, как она обрадовалась: «Теперь, – говорит, – бабушка Вася мне, по любому, надо выжить. У меня же папка где-то бесприютный бродит». Я, бывало, как норму перевыполню да к утру маюсь, так она, воробушек мой, на кухне рассолу сопрет, поит меня да приговаривает: «Ох, дед Васька, берегись. Найду папку, мы тебя, алкаша, на чистую воду переведём».

Минут десять Алим усиленно сдерживал ком в горле. Выйдя из темного помещения, он наполнил лёгкие вечерним июньским воздухом. Перед глазами ожило счастливое лицо Милочки. Празднование девятого мая в парке. Огромные карусели, поднимающие их над землей и её горячий шепот, заполняющий все клеточки мозга: «Люблю тебя, Алимушка, рыбка моя золотая». И веселый пожилой фотограф. И фотография.

– Мы должны найти их раньше, чем Лазоревские ищейки, – не оглядываясь сказал он, вышедшему вслед за ним Тимуру.

ГЛАВА 22

Ира Марпл

Устало склонив голову, Ира шла по закипающей июнь-

ской жары. Кто бы мог подумать, что после такого холодно-го начала июня, неожиданно, буквально со дня на день, пришла палящая, забивающая лёгкие, жара. Даже метеорологи не обещали жары раньше двадцатых чисел, но, как всегда, ошиблись.

Интересно, как могла женщина, получающая всю жизнь более, чем хорошую зарплату, купить квартиру на самом краю города? Хотя, тогда, наверное, ещё получали от государства. Где дадут, там и живёшь. И всё равно, как будто пряталась от кого-то, не желала выставлять на обозрение свою личную жизнь. Но разве спрячешь? Первые же люди в галерее, у которых Ира поинтересовалась Зинаидой Павловной Сквородниковой, вспомнили её не как бессменного секретаря профессора Тышкевича, женщину с безупречно тонким вкусом и особым чутьём, а как банальную любовницу своего шефа.

Незаметно прошло две недели со дня похищения Максима, а весточки от него так и не появилось. Соня последнее время ослабела и почти не выходила из квартиры. Сейчас она жила в доме родителей. Игорь, почувствовав, что его пытаются оторвать от миски с бесплатным «Вискасом», решил бороться до последнего. С отчаяньем умирающего защитника катакомб он держал оборону, разбирая каждый день чемоданы, собранные Наташей. Первые дни горничная звонила Соне, активно ябедничала, прессинговала на принятие радикальных мер, но каждый следующий день, проведённый

без Максима, делал Соню всё более равнодушной ко всем проблемам, которые не касались любимого человека. Поняв, что хозяйка в данный момент не способна на поступки, девушка взяла решение на себя. Последние дни конфронтация между «законной горничной» и «вообще непонятно каким хреном моржовым», перешла с уровня словесных перепалок на уровень неприличной драки.

«Ну, Шуба, если ты жив, то в твоих интересах вовремя умереть, потому что, то что ты сейчас творишь, не влезает ни в одни ворота. Ещё пару дней и Соню можно будет отпелать».

Проходя мимо супермаркета, Ира зашла в прохладное помещение. Холодильники с водой были наполовину пусты. Маленьких бутылочек, так же, как и бутылочек с дешёвой водой, не было вообще. Расстроено вздохнув, Ира взяла большую бутылку дорогой «Суаре» и, устало загребая лёгкими кроссовками, потащила к кассе. Несмотря на час пик, в супермаркете работала только одна касса, к которой тянулась длинная очередь.

Встав за женщиной, разговаривающей по телефону, Ира затравленно посмотрела на полную тележку и подтянула повыше бутылку с водой, в надежде, что хозяйка генеральной закупки увидит её и пропустит вперёд. Но женщина ничего не замечала, увлечённая телефонным разговором.

– Ну, а она что, дитё малое? Как можно в таком возрасте не знать элементарных вещей. Сейчас девчонок двенадцати-

летних спрости и тебе любая выдаст первые симптомы беременности. Да и потом, зачем кого-то спрашивать, она тест на беременность купить не в состоянии? – Женщина помолчала, выслушивая мнение противоположной стороны и снова нервно зацокала языком, – Детей он, гад, не хотел. А кто же сейчас детей-то хочет, с жизнью такой фиговой. Врача, говоришь, подкупил? Ну, от её уroda ещё и не такого можно было ожидать. Повезло бабе, что мать вовремя вмешалась, а то, в наше время одна таблетка и всё, выкидыш.

Ира почувствовала, как вспотели руки, мёртвой хваткой зажавшие горлышко холодной бутылки. Медленно закрыв глаза, она постаралась успокоиться. Кровь, подгоняемая жарой, забурлила в висках. Разноцветные радужные брызги плавно расплывались под закрытым веком. «Элементарные симптомы», «расстройство желудка», «врача подкупил»... Фразы выстраивались чёткой линией, формируя новую мысль: «одна таблеточка и всё, выкидыш». А ведь они даже не додумались проверить слова Агаты. Хотя, как удивлялась разговорчивая женщина из очереди, чего проще, купила тест на беременность и все вопросы получили полные и исчерпывающие ответы.

– Соня, – закричала Ира в трубку мобильного телефона, не обращая внимания на обернувшихся в её сторону людей. – Как ты себя чувствуешь? С тобой кто-то есть?

– Да, Ириш, – бесцветным голосом прошептал голос на другом конце провода. – Со мной сейчас Агаша. Она мне

тут таблеток накупила, трав всяких. Через пару дней на ноги встану. Только бы Максим отозвался.

– Не пей никаких таблеток, – властно зашептала Ира, чувствуя, как кожа над губой покрылась мелкими противными капельками пота.

Эти постоянные спутники страха всегда делали её голос на удивление убедительным. Слово адреналин, выпущенный через пробитые поры, заставлял собеседника иначе оценить общие проблемы.

– Я и не собиралась, – задумчиво пробормотала Соня. – Что-то случилось?

– Потом расскажу, – не стала вдаваться в объяснения Ира.

Поставив ставшую ненужной бутылку воды, она бросилась к выходу. Напротив супермаркета, сверкающей зелёной змеёй мигала яркая вывеска аптеки.

ГЛАВА 23

Илона и Гузель

Илона сладко зевнула и, не открывая глаз, протянула руку на соседнюю половину кровати. Рука мягко скользнула по сбитой простыне, подушка, издающая какой-то терпкий, незнакомый запах, бархатисто шершавила щеку, словно приглашая задержаться ещё на пару часов. Приоткрыв глаза, Илона нос к носу столкнулась с Гузелью. Одетая в шёлковую ярко-красную пижаму Вовкиной мамы, подруга напоминала

персонаж какого-то мультика. Руки в завёрнутых почти до подмышек рукавах, красноречиво упирались в бока. Поджав губы, Гузель покачала головой.

– Если бы устраивали конкурсы засонь, ты завоевала бы все призы. Первый раз вижу человека, способного проспать до одиннадцати дня. Это же часы твоей жизни, как можно их так глупо тратить на сон?

– Брось, Гузька, – сонно потянулась Илона, вставая с кровати. Нашупав тапки, она подняла указательный палец и поучительно выдала: – Жизнь дана человеку для радости. Что ещё делать, как не отдыхать?

– Вот об этом я и хотела с тобой поговорить. – Лицо Гузели приобрело комическую серьезность. – Хочу познакомить тебя с моим другом.

Илона ошарашенно обвела взглядом пустую комнату и снова сосредоточилась на подруге. Торжественно достав из-за спины темно-желтый веник, Гузель слегка склонила голову и вежливо представила:

– Илона, это веник. – Затем, переведя взгляд, добавила: – Веник, это Илона. Надеюсь, вы подружитесь. Знаешь, как им пользоваться или написать инструкцию?

Дурашливо высунув язык, Илона побежала умываться. Через час, когда квартира, в которой жили Вовка с мамой, блестела чистотой, Илона в изнеможении прислонилась к стене.

– Да, нелегкая это работа, из болота тянуть бегемота.

– За бегемота не скажу, не знаю, а вот килограммов сто картошки перечистить – вот это нелегко. Или вот ещё тонну песка перенести из одного конца дома в другой.

– Зачем? – вопрос был задан с такой недетской серьёзностью, что Гузель растерялась.

– Ну, как зачем? Грузовик должен привезти в детский дом песок, сделав при этом энное количество километров. И это количество заканчивается приблизительно за сто метров от забора. Отсюда есть два варианта: или заведующая доплачивает за лишний километр, или...

– Труд детей в нашей стране запрещен, тем более тяжёлый.

– А кто говорит про труд? – удивлённо подняла брови Гузель. – Это не труд, это трудовое воспитание. За труд положено платить, а обучение в нашей стране бесплатное.

Несколько минут девочки полировали тряпками безупречно чистую столешницу, думая каждая о своём. Наконец, подойдя к стулу, на котором лежали вещи, Гузель собрала трусики и платья и, повернувшись к Илоне, тихо сказала:

– Не переживай, это не твоя жизнь. Но пока ты снова не вернулась к своей бабушке, я познакомлю тебя с ещё одной моей подругой.

Налив в тазик воды и растворив немного порошка, Гузель прошла в спальню Таисии, мамы Вовки, взяла из-под кровати пару темных носков и, вернувшись на кухню, замер-

ла от ужаса. Кинувшись к тазику, она дрожащими руками вынула из воды свои джинсы.

– Илька, ну это же элементарно, прежде чем класть вещи в воду, надо проверить карманы.

Из кармана появилась старая цветная фотография. Вытирая, успевшие намокнуть края, Гузель кусала губы, чтобы не заплакать.

– Извини, Гузька, но это же твои вещи. Лазить по чужим карманам нельзя. Кто это? Твои родители?

Ничего не ответив, Гузель вошла в комнату, временно служившую им спальней, и спрятала фотографию под подушку. Илона тяжело вздыхала на кухне, стараясь работой загладить вину.

– Ты на папку своего очень похожа, – жалобно глядя на подругу, прошептала она. – Наверное, ищет тебя, переживает. Почему ты не позвонишь ему?

Гузель медленно опустилась на маленький стульчик, наблюдая, как неумело теревит Илона носки в тазике. Серая пена, собиралась на её руках доходя почти до локтей, но подруга, не замечала, что пижама постепенно становится мокрой и упрямо продолжала постигать основы стирки.

– Маму мою убили, когда я только родилась, а папка... Не знаю. Может знает, но не хочет меня видеть. А может не знает. Вот выберемся из этой кучи приключений, найду его и спрошу.

– А как ты его спросишь? – хитро улыбнулась Илона. –

Вот, представь, что я твой папка. – Выпятив вперёд живот, Илона сложила на груди руки и грубо рявкнула: – Здравствуй, дочка!

Гузель удивлённо уставилась на подругу, затем растерянно опустила глаза. Естественно, она часто, мысленно, проговаривала эту ситуацию и постоянно оставалась недовольна диалогом. Кричать: «Здравствуй, папка!» и вешаться на шею было глупо. Двенадцать лет он не подавал о себе знать, а тут занесло, не знаю каким ветром и ... радуйтесь все. Сухо подать руку и представиться: «Здравствуйте, Алим. Я ваша дочь Гузель». Тоже, в общем-то, умного мало.

– Не знаю, Илька. Посмотрю по ситуации. – Гузель тяжело вздохнула и, взяв у Илоны выстиранные носки, опустила их в тазик для полоскания. – Может у него другая семья и на фига ему детдомовская дочка? Тогда просто посмотрю и уйду. Ну а если нет семьи... – Гузель с такой злостью отжала маленькие носки, что ткань, тихо скрипнув, разошлась, образуя еле заметную дырку. Яростно встряхнув их, продолжила: – Тогда возьму дрын потолще и как заеду по почкам. «Ах ты, разалим твою мать, – скажу. – Где же ты шлялся столько лет, пока твою дочь на детали разбирали».

– Да, не романтик ты, Гузелька.

В двери щёлкнул замок и Гузель напряжённо сжалась. В новом элитном доме звуки казались, словно из другой жизни. Не скрипели половицы, не галдели соседи и даже вход-

ной замок, вместо привычного скрежета, как-то мелодично щёлкал. Всё было спокойно и умиротворяюще, но Гузель почему-то боялась этой усыпляющей безмятежности. Она перестала «слышать» опасность. И это напрягало. Вот и сейчас. Максим с Таисией были уже рядом, а она только сейчас услышала их присутствие. Хорошо, что в детском доме слышимость была хорошая. По крайней мере, вредные старшеклассницы её никогда не могли застать врасплох.

– Тая, Тая, – раздражённо повторял Максим, теребя пятернёй отросшие волосы. – Если ты меня не понимаешь, то к кому я могу ещё обратиться? Не можем мы с девчонками долго оставаться здесь. Я тебе благодарен за приют, но нам надо ехать домой. Мама, наверное, с ума сходит. А уж Сонечка точно всю полицию на ноги подняла.

Пройдя на кухню, Максим поставил на стол пакет с продуктами и сел на стул. Выглядывая из-за косяка двери, Гузель рассматривала, как Тая рассовывает по полкам огромного холодильника какие-то незнакомые фрукты, пластиковые бутылки.

– Согласна с тобой, Максим. Только я не уверена, что тебе дадут добраться до лома. Я на сто процентов уверена, что вас ждут именно там и возьмут ещё на подходе. И ни Соня, ни твоя мама даже не узнают, что ты был так близко.

– Хорошо, – согласился Максим. – Но позвонить мне просто необходимо.

– Ладно, но сначала поговорю я. И звонить мы будем из

автомата.

Лифт плавно опустился. Створки раздвинулись и Гузель, в очередной раз, облегчённо выдохнула. Даже не знала, что она, оказывается, боится лифтов. Илона удивлённо посмотрела на подругу, но ничего не сказала.

Идти пришлось долго. На соседней улице был единственный в городе, чудом сохранившийся, автомат. При этом он ещё и работал. Наверное, у современного поколения школьников рука не поднималась на этот раритет.

Номер телефона Сони Максим помнил наизусть. Дождавшись, пока диск отскрипит положенные круги, Гузель забрала трубку из рук Максима. «Так будет достовернее»: – буркнула она, прижимая к губам мембрану. Наконец, на другом конце провода ответил приятный мужской голос.

— Здравствуйте, – гаркнула Гузель, словно декламировала стишок на утреннике в честь Восьмого марта. Не хватало только двумя пальчиками изящно приподнять края платья. – А тётю Соню можно к телефону.

– А по какому вопросу вы хотите поговорить? – вежливо отозвался в трубке мужской голос.

– А вы тётя Соня?

– Нет, – голос начал раздражаться, но на Гузель этот факт не произвел никакого впечатления. – Софья Эдгаровна нездорова. Что ей передать?

– Я бы хотела поговорить с ней лично, – Гузель настойчиво улыбалась в трубку, как будто собеседник мог её уви-

дочь. – Она настолько нездорова, что не может взять в руки мобильный телефон?

– Да, настолько, – повторил мужчина, – Если это важно, то скажите мне. Я передам Софье Эдгаровне слово в слово.

– Тогда передайте ей, пожалуйста, что приехала Лена с дочкой. Это я и моя мама. Когда Софья Эдгаровна жила в Лондоне, мама мыла у неё полы. А теперь мы вернулись и нам негде жить. Можно мы поживём немножко у вас?

Из трубки понеслось равномерное пиканье. Победоносно обернувшись в сторону застывшего Максима, Гузель протянула трубку:

– Ну что? Продолжим эксперимент или вернёмся домой?

Пока взрослые ждали лифта, девчонки наперегонки бросились по лестнице.

Зайдя в квартиру, Максим сел на диван, обхватив руками голову. Наверное, результат проведённого эксперимента оказался совсем не тот, которого он ожидал.

– У меня есть друг в Ростове, Валера Мищук, – тихо сказала Тая, ставя на плиту небольшую кастрюлю. – Вы поедете к нему и посмотрите, как можно связаться с Соней или с кем-нибудь из твоих друзей. Мищук работает в полиции. Он поможет. Есть у тебя друзья посообразительнее? Чтобы не сдали с ходу?

– Ирка Марпл. Только я её номер телефона не помню. Знаешь, как нынче в мобильниках? Какой номер? Ирка.

– Странная фамилия у твоей знакомой, – хихикнула Илона. – Она не русская?

– Почему не русская? Ирка Волошина.

– А почему Марпл?

– Потому что лезет всегда куда её не просят, вот и прозвали Ирка мисс Марпл. Как только приедем в город, сразу с ней свяжусь, если, конечно, никуда не уехала. Всё-таки каникулы на дворе.

– Ну уж нет, – выставила руку вперёд Таисия. – Сначала к Мищуку. А уж он решит, как вам дальше жить. Он мужик умный.

Вид из окна центрального офиса сети художественных галерей открывался удручающий. Рассматривая огромный баннер на стене соседнего здания, Кирилл раздражённо выпустил дым дорогой сигары. Сквозь покачивающуюся пелену дыма очертания городского пейзажа расплылись и становились, как будто мягче. Мягкость Кирилл не любил. Ни в чём. Зажмурившись, он полной грудью вдохнул горячий воздух и, затушив сигару, закрыл окно. Жара, наверное. Плюс ко всему ещё и неприятности, нескончаемым потоком навалившиеся на семью. Вот только Сониной беременности им и не хватало.

Маленькая фигурка английского солдата в высоком головном уборе, только что мерно покачивающаяся на столе под порывами сквозняка, резко остановилась. Сидевший на

диване Игорь ошарашенно заморгал. Покачивание сувенирного солдатика действовало на него, как взгляд удава на кролика. Подняв руку, он протёр глаза, смахивая наваждение. С Англией у Игоря были свои счёты. Года три назад, они с Соней отправились к берегам Туманного Альбиона. Тогда он наивно надеялся, что ещё не всё потеряно и, пока Соня проводила презентации и встречалась с меценатами, носился по модельным агентствам, заваливая, растерявшихся от российского напора англичан своим «портфолио». То, что резюме от первой и до последней буквы было выдуманно, Игоря совсем не смущало. Зато какие слова, какой слог, на английском звучало немного сухо, но девочка, сделавшая перевод, выдохнула так красноречиво, что Игорь без слов понял: если не он, то кто же? Несколько месяцев после поездки он спал с телефоном в руке. Но лондонская сказка разбилась, как мыльный пузырь, оставив ненависть к мрачному Альбиону, к заносчивым саксам и почему-то к Соне.

Дверь громко хлопнула, вырывая его из воспоминаний. Увидев вошедшую, сердце Игоря неприятно свернулось.

– Твоя работа? – зло зашипела Агата.

Игорь испуганно втянул голову в плечи. Глядя в бешено вращающиеся зрачки Агаты, он с ужасом вспомнил, как несколько лет назад кусал губы, рассматривая стройную фигурку сводной сестры Софьи, сожалея, что не она будет объектом его ухаживаний. Познакомившись поближе с предполагаемой родственницей, он уже через три месяца благода-

рил бога, что не попал в пасть этой акулы.

– Сама знаешь, что не моя, – буркнул он, пряча предательски вспотевшие ладони в карманы.

Кирилл медленно потянулся к графину и наполнил тонкий стакан. Перелившаяся через край жидкость, образовала маленькую лужицу. Хозяин кабинета, раздражённо смахнул воду на пол, долго и старательно вытирал мокрые пальцы. Подняв глаза на кипящую от злости дочь, Кирилл жестом указал ей на стакан.

– Что произошло, то произошло. Сейчас не время искать виноватых. Надо думать, как избавиться от возникшей проблемы. Как Соня?

– Великолепно, – буркнула Агата, залпом опустошив стакан. Несколько капель упали на белую блузу и девушка, безглаголиво стряхнув жидкость, несколько минут старательно растирала маленькое серое пятно. – С тех пор, как эта дрянь, Ира Марпл, – при упоминании имени малознакомой студентки, девушка скрипнула зубами и, забыв о пятне, с грохотом опустила на стол пустой стакан, – припёрлась с тестом на беременность, наша Сонечка просто преобразилась: полна энергии, планов на будущее и жрёт за троих.

– Так это же прекрасно, – хлопнул ладонями по подлокотникам кресла Игорь. – Сейчас есть огромное количество препаратов, способных спровоцировать выкидыш. Надо, просто, незаметно подсыпать в еду...

– О боже, – театрально сложив руки на груди, закричала

Агата, – а я-то думаю, что это за фейерверк у Игорёши над головой? А это ай-кью взрывается.

Игорь, зло сверкнув глазами на родственницу, постарался ещё глубже спрятаться в огромное кресло. Как быстро всё изменилось. Конечно, Агата и раньше не считала его образцом мудрости, но, по крайней мере, до такого открытого хамства не опускалась.

– Вчера принесла нашей будущей мамаше пару таблеток. Она послала меня подальше и пищу теперь принимает только из рук Наташки или Ирки. Но самое хреновое, что сегодня Софья Эдгаровна сделала полное обследование и, оказалась, здоровой, как юная кобылка. Поэтому, внезапно возникшая недостаточность чего-либо, может породить ненужные подозрения. А ввиду того, что круг подозреваемых весьма ограничен, – Агата перевела взгляд на расслабившегося Игоря, намекая, что понятие «круг» весьма приблизительное, так как входит в него всего один человек, – то я бы посоветовала находящимся в «кругу», высказывать более продуктивные мысли.

– Не накаляй обстановку, – зло буркнул собеседник, сжимаясь ещё больше под осуждающим взглядом девушки. – Женщина преклонного возраста, первая беременность... Любой стресс может стать решающим. Просто надо создать соответствующую обстановку. Студента не нашли? Ну так можно найти. Труп. Или организовать автомобильную аварию. Бандитское нападение. Вариантов валом.

— Не говори ерунду, – буркнул Кирилл. – Проследи, чтобы у каждого полицейского на ладони вытатуировали фотографии этой троицы. И награду утрой.

ГЛАВА 24

Почти у цели

Ночная прохлада подгоняла бегущих по перрону пассажиров, заставляя съёживаться и с надеждой искать глазами вращающиеся двери входа в вокзал. Невыспавшиеся, раздражённые люди угрюмо тащили за собой огромные чемоданы, не замечая, как падают в разбитые временем ямы и подскакивают на выбоинах маленькие, низкого качества колёсики. Желание, как можно скорее, добраться до дома, вытесняло мысли о бережливости и о вежливости. Толкаясь и ругаясь себе под нос, приехавшие скапливались у входа и, пробежав по зданию вокзала, облегчённо вздохнули, вываливаясь к остановке ночной маршрутки.

Войдя в здание, Максим и девочки провели ещё несколько томительных часов в зале ожидания. Позавтракав синим молоком с дубовыми плюшками, вышли в город.

Остановившись перед витриной ювелирного магазина, Максим расстроено вздохнул, разглядывая аккуратно написанные цифры на ценниках. Одно колечко привлекло его внимание, тоненький ободок из белого золота с маленьким

бриллиантом, прекрасно вписывался в его мечту: стать последним аккордом в их с Соней романтических отношениях. Именно такие колечки дарили главные герои в конце фильма своим возлюбленным с предложением руки и сердца. Хотя, наверное, студенты американских университетов, в отличие от него, могли себе позволить выложить несколько сотен долларов за скромное, на первый взгляд, украшение. Будет ли Соня ждать пока бедный студент насобирает денег на предложение руки и сердца? Мысли о любимой девушке снова заставили лёгкие сжаться и воздух, скопившийся внутри, сдавил внутренности, выпуская в глаза яркие разноцветные звёздочки, первые признаки надвигающейся головной боли. Вынув из кармана новую пластинку с таблетками, Максим ещё раз с благодарностью вспомнил Таисию. Постирала его вещи, она нашла пустой блистер. Не спрашивая ни о чём, она перед отъездом купила и положила таблетки в его сумку. Последнее время Максим всё чаще и чаще ловил себя на мысли, что при массе свалившихся неприятностях, он познакомился с замечательными, душевными, отзывчивыми людьми. Стоило пройти круги ада, чтобы вынырнуть очищенным и верящим в прекрасное, как бы слащаво-картинно это не звучало.

Медленно бродя по улицам, девочки без интереса разглядывали витрины магазинов, читали длинные билборды, сообщающие о скорых гастролях любимых и знаменитых певцов, вдыхали запахи, доносящиеся из открывающихся

кафе... Город жил своей жизнью. Торопиться было некуда, вряд ли господин Мищук придет домой до обеда. Следовательно, ещё часа три надо будет гулять по улицам.

Под ноги попался мелкий камешек. Подпрыгнув, Максим послал его в сторону Илоны. Камень ударился о старый кроссовок, но девочка не отреагировала на подачу. Склонив голову на бок, она растерянно разглядывала старинное здание в стиле «барокко», построенное, судя по потемневшей от времени табличке на фасаде, ещё в прошлом веке.

– Любишь архитектуру? – подойдя, спросил Максим.

– Мне кажется, что я здесь уже была, – прошептала девочка, переводя взгляд с одного здания на другое. – Не знаю откуда, ни почему, просто всё знакомо. И эта улица. .. И дом... По-моему, вон там, за поворотом, будет ещё одно красивое здание.

– Пойдём, проверим, – без всякого энтузиазма предложила Гузель, засовывая руки поглубже в карманы, – Времени у нас вагон и маленькая тележка.

Загребая старыми кроссовками, Гузель, не оборачиваясь пошла в указанную сторону.

Грубый мужской голос вклинился в сознание, заставил сердца всех троих искателей приключений испуганно пропустить удар.

– Мужчина, стоять.

Два молодых полицейских приближались с другой стороны улицы. Жара действовала и на них расслабляюще. Из-

за закатанных почти до локтя рукавов форменной рубашки и расстёгнутых верхних пуговиц полицейские производили не лучшее впечатление.

– Предъявляем документы.

В груди у Максима похолодело. Был бы он без девчонок, можно было бы попытаться сбежать. Но, глянув на перепуганные взгляды подружек, он повесил на лицо самую обаятельную улыбку и пошёл навстречу судьбе. Вынув из кармана последние пятьдесят долларов, Максим дружелюбно развел руками:

– Извините, мужики. Паспорт в отеле забыл. Вышел с дочками город посмотреть на полчаса, а здесь вы. Не ожидал, что тут всё так строго.

Купюра, как по мановению волшебной палочки исчезла в кармане одного из сотрудников.

– Так, говоришь, в отеле живешь? – пробормотал один из парней, внимательно разглядывая Максима. – Санёк, дай-ка фотки с разыскиваемыми.

– Дяденьки, – плаксивым голосом вмешалась Гузель. – Отпустите нашего папу, он ничего плохого не сделал. Мы просто погулять вышли. Мы в следующий раз обязательно будем гулять с паспортом.

Сжав руку Максима, Гузель вежливо улыбнулась и потянула его на другую сторону улицы. Успевшие отрасти за время путешествия ногти девочки больно впились в кожу ладони. Максим расстроено засопел. Кажется, Гузель была

сильно напугана. Что уж говорить об Илоне? Девочка шла следом за ними, будто сломанный робот, Не сгибающиеся ноги плохо слушались и цеплялись за каждую выбоину на асфальте. Приклеенная улыбка на побледневшем лице дрожала.

– Стоять, я сказал, – маленький полицейский похоже страдал комплексом Наполеона. Задрав голову, он агрессивно испепелял взглядом возвышающегося над ним Максима. – Ходить будем по команде. Когда старший прикажет. Они? — не оборачиваясь спросил он напарника.

— Похожи, – неопределённо ответил тот. – Такое впечатление, что фотки в тюрьге делали. Ладно, рассказывай в какой гостинице вы, типа, остановились? В «Восточной» или в «Лазорево»?

Кусая губы, Максим просчитывал, как бы договориться, чтобы хотя бы девочек отпустили. Гузель обязательно найдёт улицу Невского. Найдёт Валеру Мищука и уже вместе они приложат все усилия, чтобы вытащить его из каталажки.

– В «Лазорево». – В шуме города почти затерялся звонкий голос Илоны. – Мы остановились в «Лазорево».

Несколько долгих секунд все дружно рассматривали девочку. Наконец, кивнув головой, маленький полицейский поднял вверх большой палец и одобрительно хмыкнул:

– Молодец, Лиза Симпсон. Пропадать, так с музыкой. Выбрала самый дорогой отель. Пять клубничек. А если мы сейчас пойдём и проверим? Представляешь, непруха, отель-то

находится за углом. В десяти метрах отсюда. А вот если нам в этом отеле скажут, что вы там не живете, то я тебя, маленькая брехушка, заставлю весь участок языком вылизать, чтобы знала, как ляпать... Эй, придурочная, ты куда понеслась? Догоню, ноги повыдираю

Растерянно провожая взглядом удирающую фигурку, полицейский пытался броситься в погоню, но Гузель ловко вытянула вперед ногу. Перецепившись, парень с жутким матом растянулся на грязном асфальте. Схватив опешившего Максима за руку, Гузель кинулась за исчезнувшей за поворотом Илоной. Упавший резво подскочил. Глаза его загорелись такой ненавистью, что второй сотрудник, жалобно снял форменную кепку, почесал затылок и посчитал лучшим не вмешиваться.

– Убью, коза, – заскрежетал зубами полицейский и, набирая скорость, бросился за удирающими. – Догоню, в такую камеру посажу, что твой папик потом тебя, как пазлы собирать будет.

Прекрасно понимая, что её ждёт, если злобный представитель закона настигнет, Илона бежала не оглядываясь. «Махрушка», удерживающая хвостик на голове, слетела и растрепавшиеся волосы забивались в рот. Пот, струился по вискам, жёг кожу. Не замечая катящихся слёз, Илона неслась к прекрасному белому зданию. И его тоже она когда-то видела. Когда и где? Может быть во сне? Именно такое, белое, волшебное, с крутящимися дверями. И так же, как во сне, на

входе стоял огромный негр в белом костюме, с высоким белым цилиндром на голове. Лениво приложив руку к глазам, чёрный портье присмотрелся и, вдруг, смешно подпрыгнув, кинулся вниз по лестнице навстречу Илоне.

ГЛАВА 25

Отель «Лазорево»

Сквозь ругань и мат полицейского, Илона различала и топот Максима, и мелкий шорох бегущей Гузели. Они, конечно, помогут. Но вряд ли они, даже втроем справятся с представителем власти. А вот огромный портье – это серьёзная поддержка. Расстояние между Илоной и чёрным парнем быстро сокращалось. Ещё пару шагов и... Когда помощь была так близко, тяжёлая рука вцепилась, сдирая кожу на голове. Глаза, нос, уши, словно захваченные невидимым ураганом взметнулись вверх. Когда-то, в детстве, Илона посмотрела фильм о Зверобое. Почему-то он произвёл большое впечатление. Тогда она даже собралась сбежать в Америку и бороться за права индейцев. Казалось, что и она сможет так же гордо отвечать врагам, терпеть боль и не сдаваться. Сейчас же, когда скальп съезжал с черепа, разрывая мышцы, Илона поняла, что героиней Америки ей не стать. Она, наверное, на первом же допросе рассказала бы все планы и выдала все тайны.

Внезапно солнце загородил чёрный силуэт и, почти теряя сознание, Илона услышала, как над ухом просвистел огромный кулак. В ужасе закрыв глаза, она воспринимала окружающую действительность через слуховые рецепторы: сначала чавкающий звук разбивающихся мускулов, затем хруст костей, сопровождающийся отборным матом... Голову снова понесло назад. Не удержавшись на ногах, Илона упала на что-то мягкое и вонючее. Испуганно приоткрыв глаза, она резко подскочила и села рядом. Сердце колотилось где-то в районе горла, а перед глазами плавали красные волны.

Дёрнув головой, Илона убедилась, что она на месте. Во всяком случае болела всё так же. Кажется, тело тряслось, хотя, она этого и не замечала. Тело было отдельно, голова отдельно. К горлу подкатился кислый комок. В волосах снова что-то зашуршало. Испуганно подняв глаза, Илона увидела нависшего над ней парня. Крупные африканские губы, прибежавшего на помощь портье, сжались в тонкую линию и изредка, словно маленький насос, выпускали шипящую струю скопившегося в лёгких воздуха и снова нервно сжимались. Трясущимися руками он аккуратно выбирал локоны Илоны из скрюченных пальцев ничего не понимающего полицейского. Начавшееся было выступление по поводу нападения на сотрудника внутренних органов, было предусмотрительно свёрнуто и забыто до лучших времён...

– Илона Игоревна, дорогая, шо ж вы на дорогу силы? – тихо шептал портье, помогая девочке подняться. – На ко-

ленку сидайте. Поплачьте. Обидел вас, падлюка? Так ему же не жить. – В мягком голосе парня убаюкивающе журчал яркий одесский колорит, а чёрные руки со светлыми ладошками протягивали белоснежную хлопчатобумажную салфетку с вышитым на уголке логотипом отеля. – Вот платочек возьмите. Чистенький. Только сегодня из гладилки взял.

Илона, не глядя, взяла протянутый платок и звонко, по-детски высморкалась, затем свернула кусочек ткани и, положив в карман, поблагодарила:

– Я постираю и верну вам. Спасибо.

После этих слов портье еле удержался на полусогнутых ногах. Внимательно разглядывая девочку, он что-то неразборчиво шептал.

Не поднимая головы, девочки молча шли к отелю. С высоких ступенек им навстречу уже спускалась высокая полная женщина в униформе. Бледный цвет её лица плавно переходил в цветовую гамму приталенного бирюзового пиджака и на этом фоне почти потерялись полные дрожащие губы, покрытые светлой перламутровой помадой.

– Илоночка Игоревна, – плачущим голосом запричитала женщина, – Что же вы не предупредили заранее? Не беспокойтесь, девочки уже побежали. Пока вы с друзьями поднимитесь, апартаменты будут проветрены и готовы. А где ваш багаж? Или вы сегодня налегке?

Женщина встала на полшага за спиной Илоны и постаралась приспособиться к ритму девочек. В её руке, словно по вол-

шебству, появился маленький чёрный органайзер. Не переставая улыбаться, незнакомка продолжала нервно засыпать девочек вопросами.

– На обед вам, как всегда, салатик из морепродуктов и телятинку? На десерт сегодня, позволю себе порекомендовать фруктовый салат, гранаты только доставили из Франции, бананы с Эквадора, как вы любите. – Не получив ответ, дама расценила это, как «да» и перелистнула «страничку». – На сколько дней вы хотите задержаться? Я это спрашиваю, чтобы иметь возможность, как можно лучше организовать ваш досуг, – извиняющимся тоном добавила она. – Молодому человеку мы подготовим комнату напротив, а юная леди предпочитает остановиться в ваших апартаментах или приготовить ей отдельный номер?

Илона шла, всё также опустив голову. Бросая исподлобья затравленные взгляды, она прибавляла скорость, словно хотела избавиться от навязчивого сервиса и приторной улыбки администраторши.

– Отреагируй, Игоревна, – дёрнув подругу за рукав, прошептала Гузель. – Человек ждёт ответа.

– Да, – прокашлявшись, вежливо «отреагировала» Илона и повернувшись к женщине, сосредоточила взгляд на маленьком бейджике, висевшем на груди. – Спасибо, Ксения. Сервис в «Лазорево», как всегда, на очень высоком уровне.

Взяв из рук подбежавшей девушки бирюзовую пластиковую карточку, девочки вошли в здание.

– Вам помочь? – услужливо спросил Максим, увидев, как оба работника отеля безжизненно опустились на скамеечку у входа.

– Это точно Илона Поцаревич? – истерично прошептала старшая женщина, доставая из кармана пластинку с таблетками.

Догнав девочек у лифта, Максим задумчиво посмотрел на пластиковую карточку:

– Илона, а номер-то какой? В какой номер едем?

– В проветренный, – рявкнула Гузель, входя в открывшиеся двери лифта. Молодой лифтёр, не задавая вопросов, нажал на кнопку, и машина плавно понесла пассажиров вверх.

Выйдя на этаже, Илона не задумываясь прошла по широкому коридору, покрытому тяжёлым дорогим ковром. У самого дальнего номера она остановилась, потерянным взглядом посмотрела на пластиковую карточку в руке и вставила её в прорезь замка.

По комнате бегали штук пять горничных с тряпками, пылесосом, веничками, но, как только вошла Илона, работа в тот же момент прекратилась. Сделав еле заметный книксен, девушки собрали инвентарь и удалились.

– Кто же их так выдрессировал? – удивлённо моргнул Максим, закрывая за обслуживающим персоналом дверь. – Тут хоть садиться можно? А то меня от всей этой нервотрепки даже подташнивать начало.

Гузель восторженно провела рукой по серой обивке углового дивана, разделяющего гостиную на две зоны. Перебрала несколько журналов, лежащих на подлокотнике-столике. Максим же сосредоточил внимание на балконе. Осторожно подняв шторы-панели, он вышел наружу и осмотрел окрестности. Площадь перед отелем была сонно-пустой и, какой-то даже показательно безопасной.

В дверь тихо постучали. Максим с Гузелью переглянулись и одновременно скрестили взгляды на Илоне. «Илона Игоревна, ваш обед», донеслось из коридора. Максим бросил ещё один взгляд на балкон и не заметив ничего опасного, кивнул девочкам.

Официант, больше похожий на бойца восточных единоборств, вкатил в комнату низенький столик, накрытый белым покрывалом. Комната сразу наполнилась волнующими запахами и голодные желудки дружно заурчали.

– Налетай, девчонки, – скомандовал Максим, как только официант скрылся за дверью. – Думаю, что минут двадцать-тридцать у нас в запасе есть. Так что нам вполне хватит времени, чтобы приговорить всё это и по-тихому смыться.

– Как смыться? – Маленький кусочек сочной телятины застыл в руке Илоны. – Почему? Разве мы здесь не в безопасности?

– В безопасности здесь ты, Илька, – вздохнула Гузель, накалывая на вилку листья салата и розовое крабовое мясо. –

Поэтому ты останешься здесь и дождёшься приезда своей бабушки. Изложишь ситуацию и убедишь её не искать нас. Микрик мы всё равно вернуть не сможем. И на опыты не поедем. Так ей и объясни.

Максим угрюмо кивнул и, пряча глаза, в который раз посмотрел на часы. «Допустим бабке они уже позвонили, – безрадостно просчитывал он оставшееся время, – значит центральный выход для нас закрыт. Ещё пять минут и надо будет пробираться через запасной. И то не факт, что выберемся». Он скосил глаза в сторону Гузели и по её напряжённому лицу понял, что, жуя салат из свежих фруктов, девочка, так же, как и он просчитывает шансы на успех.

– Хреново, что уходить придётся без денег, – не поднимая глаз прокомментировал Максим.

– Фигня, – устало вздохнула Гузель. – По дороге найдём.

– Где взять деньги? – повторила Илона и проведя рукой по лбу, закончила: – В тумбочке.

– А тумбочка в яйце, а яйцо в утке... – грустно продолжила сказочную цепочку Гузель.

– Почему в утке? Не в утке, а в спальне.

Илона выскочила из-за стола и побежала в сторону соседней комнаты, Максим и Гузель переглянувшись, пошли следом.

Открыв ящичек прикроватной тумбочки, Илона радостно захлопала в ладоши, а Максим и Гузель дружно втянули носом воздух и задержали на выдохе. На деньги, лежащие в

ящике, можно было объявить войну во всех странах третьего мира. Вынув пару перетянутых тонкой бумажной лентой пачек, Илона засунула их в карман Максима.

– На первое время нам хватит, а потом у Мищука разберёмся в какую сторону бежать.

ГЛАВА 26

Алим и Тимур идут по следу

Всю ночь Алиму снились кошмары. Будто лежал он посреди поля. Холодное, снежное покрывало давило на грудь, заставляя сердце сжиматься в маленький испуганный комок. Снег валил пушистыми ажурными хлопьями, перекрывая дыхание, забивая лёгкие, замораживая душу. И жуткое, убивающее чувство одиночества, когда точно знаешь, что никто не придет, не поможет, не вытащит... Неожиданно сверху мелькнула черная тень. Сердце встрепенулось. Размахивая руками, Алим беззвучно кричал, звал на помощь. Размытые очертания кружились над ним, как будто неизвестная птица точно знала, что он внутри. Надо только помочь ей и себе, просто выбраться из снежного плена... Кто бы мог подумать, что это так тяжело.

Внезапно черная тень закричала и Алим испуганно подскочил, чуть не упав с кровати. На тумбочке разрывался мобильный телефон. Стараясь унять бешено стучащее сердце,

он сделал несколько глубоких вдохов. Наверное, надо поменять рингтон с этого припадочного звона на что-нибудь более спокойное. Стоит же у Тимура вальс Штрауса. Или что-нибудь из современной попсы. А то еще пару таких звонков и можно снова идти на прием к профессору Лазареву.

– Низамов, – голос прозвучал спокойно и уверенно, не хватало еще, чтобы все вокруг узнали о его проблемах.

– Доброе утро, командир. – Зою Ларионовну, судя по всему, не мучали ни кошмары, ни совесть, ни какие-либо другие проблемы. Её прекрасное настроение, преодолевая расстояние, заставило сердце испуганно сжаться. – Долго спите. А у меня для вас хорошая новость: вы заслужили премию.

«Засунь её себе в... ухо», – раздосадовано прокомментировал внутренний голос Алима.

– Как вы нам порекомендовали, ребята проверили аптеки в этой зоне и, не поверите, нашли наши лекарства. Не все, конечно, но кое-что мы вернули. К сожалению, микроавтобус пропал бесследно, но парни выяснили, что за всем этим стоит банда, возглавляемая девчонкой-азиаткой. Кто бы мог подумать, что эта маленькая тварь окажется такой активной? А несколько минут назад сообщили, что Илона находится в нашем отеле. В общем, мои орлы уже вылетели, и вы с Тимуром, если хотите, присоединяйтесь. Да, кстати, – довольно добавила леди-босс, – передайте Гарипову-младшему, что его, после поимки этих сволочей, ждет шикарное место заведующего одной из кафедр нашего университета.

В трубке раздалось противное пиканье. Абонент отсоединился. Еще полминуты Алим молча сидел на кровати, собирая расплзающиеся, как тараканы, мысли.

– Тимур, – рывком поднялся он, снимая со стула аккуратно повешенные с вечера брюки.

– Я в туалете, – донеслось из смежной комнаты.

– Быстро на выход, – буркнул Алим, натягивая на ходу рубашку.

Лифт угрожающе закрипел, намекая, что когда-нибудь он всё-таки доберётся. Раздражённо хрустнув суставами пальцев, Алим бросился к лестничному пролёту. Надо было, как предлагала Зоя Ларионовна, остановиться в их отеле. Сегодня не пришлось бы думать, как быстро добратся на другой конец города. Но вчера, он предпочёл заселиться в небольшой отель на краю города, лишь бы быть подальше от всей этой шайки.

Застёгивая ремень, Тимур затравленно оглядывался по сторонам, с ужасом понимая, что если сейчас кто-нибудь из постояльцев выйдет в коридор, то ситуация покажется более чем неприличной. Выскакивают из номера двое мужиков, один из которых застёгивает на ходу ширинку... Ну, у него бы точно ни одного адекватного объяснения не нашлось.

Спускаясь с третьего этажа, Алим ввел Тимура в курс дела. Выйдя из здания, сердце Алима снова сжалось от плохого предчувствия. С тех пор, как он узнал о существовании дочери, его предчувствия как-то особенно обострились.

Взгляд автоматически скользнул по периметру площади перед отелем. Как всегда, когда надо, ни одного такси в поле зрения не оказалось. Сцепив зубы, Алим вынул телефон. Ну и как в незнакомом городе вызвать такси? Присутствие на пустой площади ещё одного человека, он не столько увидел, сколько ощутил. Одинокó сидящая на скамейке девушка не спускала с него глаз. Взгляд незнакомки был какой-то жалобный, словно взгляд брошенного щенка. Неуверенно поднявшись, девушка засемила в его сторону.

Базовая оранжевая футболка, рваные джинсы, моду на которые Алим принципиально не признавал, белые кроссовки. Светлые волосы незнакомки были неаккуратно, словно в спешке стянуты узлом на затылке. Пожалуй, её можно было бы назвать красивой, если бы не красные опухшие глаза. Сердце неосознанно пропустило удар. Девушка чем-то напоминала Милочку. Да, пожалуй, если бы не заплаканные глаза и не грустно опущенные уголки крупных красивых губ...

– Товарищ майор.

Брови Алима взлетели от неожиданности. Действительно, в прошлой жизни он носил звание майора. Получено оно было за месяц до развала части, и он, честно говоря, так к нему и не привык. Сейчас подчинённые называли его просто «командир». Первое время при этом обращении Алим скрипел зубами, сдерживая злость. Казалось, что собеседник приравнивал его к базарным торговцам, кричащим по каждому поводу: «Алло, командир».

– Товарищ майор, – снова повторила девушка слегка охрипшим от утренней влажности голосом. – Найдите, пожалуйста, мою дочку. Илоночка иногда бывает резка и несдержанна, но, а душе она ангел. Это такая защитная реакция. Просто она прячет свою мягкость и доброту...

– Очень глубоко прячет, – раздражённо буркнул Алим. Даже голос незнакомки был похож на голос Милочки. – Судя по рассказам тех, кто её знает.

Лицо девушки жалобно скривилось. Тихо всхлипнув, она вытерла прозрачные ручейки слез.

– Девочка, которая её захватила... Мама говорит, что у неё звериные инстинкты. Илоночка может сказать что-нибудь грубое. Мне даже страшно подумать, чем это может закончиться.

– Меньше думайте, Снежана Филипповна, – буркнул Алим, искоса оглядываясь на спешащего следом Тимура. – Если девочки до сих пор не загрызли друг друга, значит Илоне в обществе этой подружки комфортнее, чем в обществе вашей мамы. У вас машина есть?

– Да, – удивлённо хлопнула ресницами девушка. – Красный «Лексус» припаркован на стоянке.

– Знаете, как проехать к отелю «Лазорево»? Судя по всему, девочки сейчас там. Если мы прибавим ходу, то есть шанс найти их раньше, чем холуй вашей мамы.

Мягко качнувшись, машина выехала с парковки. Пристегнув ремень безопасности, Снежана откинула голову на

спинку сидения. Последние дни она спала урывками, когда уже не могла бороться со сном. Увидев очередной кошмар, девушка подскакивала с дивана и неслась в кабинет отца в ожидании хороших новостей.

Однообразный пейзаж за окном, мерное покачивание машины, убаюкивающее шуршание шин сделали своё дело и глаза начали медленно закрываться. Под колесо попал камень. Подпрыгнув на сидении, Снежана резко открыла глаза. «Господи, вот позор-то, – краснея подумала она, – Полчаса назад редела, что дочка пропала, а как отыграла, так сразу и задрхла. Не мать, а ехидна какая-то».

Взгляд её плавно перенесся на руки Алима. Большие, сильные, надежные мужские руки. Перед глазами снова встала во всей красе отвратительная вчерашняя сцена. Неделю назад Игорь, узнав о пропаже дочери, приехал в резиденцию тестя и бегал по этажам театрально заламывая руки и трагическим голосом завывая: «Что делать?» Пока безутешный папаша просто бегал и завывал, его не замечали. Но вчера, распространяя благоухание французского мужского одеколona, Игорь впорхнул в кабинет отца и потрясая утренней укладкой, бросился на одного из сотрудников полиции. Схватив офицера за лацканы пиджака, он, монтыляя головой из стороны в сторону, истерически заорал: «Сколько? Сколько вы хотите, чтобы начать, наконец, искать моего ребенка? Говорите же. Я все отдам». Такого ощущения стыда за близкого человека, Снежана не испытывала никогда.

Офицер, не меняясь в лице, оторвал руки Игоря от своего мундира и со словами: «Успокойтесь и не мешайте работать», вытолкал его за дверь. Прячась, взгляд Снежаны зацепился за лицо матери. Ну, другого никто и не ожидал. Все то же брезгливое выражение. И ведь ничего не скажешь. Действительно, и говорила в своё время, и просила. «Я все отдам». А что у тебя есть, отдающая сторона? Когда Снежана пришла к будущему мужу в общежитие, в его ящике общего шкафа одиноко валялась пара застиранных трусов и брюки старшего брата. Это сейчас мы носим трусы только от «Calvin Klein», а рубашки и костюмы нам шьёт лучший в городе портной. Откуда и взялись хорошие привычки? Переехав к побитому Дон Жуану, Снежана почти месяц не общалась с родными в знак протеста. Но как только Игорь узнал, что сожительница в положении, он в тот же день, надев парадные трусы и все те же брюки, явился к Лазаревым с просьбой о спонсировании на фрукты, овощи. Затем на одежду, на новую машину... Его совершенно не напрягала та брезгливость, с которой Зоя Ларионовна и Филипп Романович протягивали ему деньги. Снежана постоянно наступала на горло собственной гордости, убеждая себя, что это необходимо для малышки. Но, в то же время, она точно знала, что скорее давилась бы манкой на воде и ходила пешком, чем позволила бы так к себе относиться.

Уже через год семейной жизни, Снежана не питала никаких иллюзий по отношению к мужу. Глядя, как он, стоя пе-

ред зеркалом в ванной, золотым пинцетом выщипывает в носу волосы, ловила в своём отражении ту же брезгливую гримасу, за которую раньше вычитывала родителей.

А ведь так хотелось счастья. Простого женского счастья. Чтобы вот так, как сейчас, отдать ключи и точно знать, что этот человек поедет и спасет. Её, её дочь, мир, ну в общем, всё, что можно. В очередной раз поймав себя на том, что не сводит глаз с рук майора, Снежана отвела взгляд в сторону и снова обреченно подумала: «Ехидна, ехидна и есть».

ГЛАВА 27

Дневник Зинаиды Сквородниковой

Вечер медленно гасил рассеянные по небу лучи, наполняя воздух мягкой, желанной прохладой. В скверах начали появляться пенсионеры, вышедшие на вечерний променад. Выскочившие после дневного заточения дети носились по пыльным дорожкам, вызывая праведный гнев у старшего поколения и расслабленные потуги родителей прекратить вакханалию.

Ира быстро преодолела открытое пространство улицы и, зайдя в тень огромных, никогда не облагораживаемых деревьев, сложила брошенную газету в простенький веер. Дом, в котором была прописана Зинаида Сквородникова находился на другой стороне улицы. Только подумав, что сейчас

снова придётся выйти из благодатной прохлады и окунуться в жару старого двора, сердце предательски заколотилось.

Сев на скамейку, она устало обмахивалась веером, угрюмо прокручивая в голове события вчерашнего дня. Почему все родственники Сони, так против её отношений с Максимом? Ну влюбилась женщина, так порадитесь за неё. Парень младше на десять лет? Тоже не проблема. Не восемнадцатый век, чтобы переживать, что скажут соседи. А вот наследство, это стимул. Ради таких денег можно пожертвовать ненужным наследником. Ну не мог отец Сони сделать такую глупость и переписать всё имущество на имя непутёвой матери. Хотя, наверное, просто она судила об Эдгаре Юозовиче по своему отцу. А всё-таки полковник Волошин не имел ничего общего с художником Тышкевичем. Да и потом, почему «непутёвой матери»? Если кто-то сказал, что дама не блистала умом, это не значит, что так оно и есть. Впрочем, вычислять ай кью мадам Тышкевич уже поздно. Но всё же интересно, что о ней расскажет предполагаемая соперница.

Небольшой старый дом на краю города поражал своей запущенностью. Облупленные стены, стыдливо прикрывали высохшими стволами деревьев и тёмные потёки, и одиночные, залатанные трещины, свидетели когда-то бурной и счастливой жизни.

Дверь открыла немолодая полная женщина. Оглядев незваную гостью с ног до головы, незнакомка грубо буркнула:

– Ну и? Чего надо?

– Ищу Зинаиду Сквородникову, – Ира постаралась вложить в улыбку всё своё актёрское мастерство.

– Так умерла Зинаида Павловна, – прошептала женщина. – Заходите, только не кричите, а то я только внучку уложила. Год уже, как умерла. Данка, дочка её, как положенный срок пришёл, вступила в права наследства и продала халупку. Не повезло квартире, одни бабы живут. Что Зина всю жизнь без мужика, теперь мы, две разведёнки... Вот такая судьба. А Данка, с тех пор как квартиру продала, так сюда больше не ногой. Оно и не мудрено, не ладила она с матерью. Хотя чего её судить? Какая из Зины мать? Всю жизнь только о работе и думала. Как дочь жила никогда не интересовалась. А вы по какому вопросу пришли?

– Я из галереи «Гала», – Ира растерянно сдвинула брови. К такому развитию событий она была не готова. Пришлось придумывать цель посещения на ходу. – Зинаида Павловна незадолго до смерти взяла на изучение некоторые материалы, а они находятся под моей ответственностью.

– Вот тут я ничем помочь не могу, – развела руками собеседница, прислушиваясь к сопению за дверью. – Вам лучше к Дане обратиться, да и то вряд ли поможет. После смерти Зины дочка собрала всё, что было поценнее, пару колечек да серёжки покойной, а всё остальное велела выбросить. Даже фотографии не взяла. Очень на мать сердилась. После Зины осталась коробка с документами. Только никаких на-

учных материалов там нет. Одни дневники её. Любила старушка свои мысли письменно оформлять. Тетрадок осталось немерено. А мне выкинуть жалко. Всё-таки это жизнь. Может одумается Данка. Прибежит за материным приданным.

– А вы не дадите мне посмотреть эти записи, – без всякой надежды спросила Ира. Ну не зря же она по такой жаре припёрлась.

– А чего же не дать? – обрадовалась хозяйка квартиры. – Честно говоря, для нас каждый сантиметр необходим, а эта коробочка целую полку занимает. Только вам придётся самой лезть снимать её. У меня уже силы не те.

Пыхтя и поддерживая коробку ногой, Ира дотащила ношу до первой попавшейся скамейки и вытерев выступивший пот, устало опустилась на горячие доски. Кто бы мог подумать, что умные мысли столько весят? Сорвав скотч, она рывком раскрыла картонки и поморщилась от поднявшегося запаха слежавшейся бумаги. Достав старую общую тетрадь в едва заметную клетку, Ира перевернула первые пожелтевшие страницы и углубилась в изучение чужой жизни.

«Мечты сбываются. Сколько же лет моей мечте? Двадцать пять. Неужели так быстро пролетело время? Неужели прошло двадцать пять лет с того дня, когда меня, маленькую студентку-первокурсницу сбил в коридоре высокий стройный юноша, а потом помог подняться и, поцеловав кончики дрожащих пальцев, тихо спросил: «Всё в порядке, малыш?» Как же я влюбилась! Как кошка. Готова была сидеть часами

в столовой, ожидая, когда он придёт купить булочку с соком. И ведь знала, что парень занят. И занят прочно. И никогда мне, Зине Сквородниковой не встать в один ряд с потомком литовских князей Златой Даугале. И всё равно ждала, любила и надеялась. Каждый день, подходя к зеркалу убеждала себя, что и я, Зина Сквородникова ничем не хуже Златы. Может и не умею ходить такой царской походкой, не умею улыбаться, чуть опуская кончики губ, отчего лицо озаряется нежным задумчивым светом, но зато я похожа на Валентину Серову. Так считали все и это немного поднимало самостоятельно засунутое под плинтус самолюбие. Первые годы отмечала годовщину нашего первого столкновения. Накрывала стол на двоих и верила, что когда-нибудь мы сядем за этот стол вместе.

Мечта сбылась. Вот лежит мой принц и храпит. Храпит с той же тональностью, что и влюблённый в меня лаборант Рома. Так же, как заведующий магазина, расположенного в нашем районе, обещавший достать звезду с небес. Так же, как отец Даны, Олег, не выдержавший моего увлечения, как он считал, работой. Странное чувство, мечта сбылась, а вместо удовлетворения пришло разочарование. Ведь совсем недавно костёр горел, расплавляя всё вокруг, и я старательно оберегала это пламя, подбрасывая то полено, то хворостинку. Посмотрел в мою сторону – хворостинка. Подошёл, спросил, как успехи – целое бревно. И неделю только этим и жила. Как же получилось, что только сегодня поняла, что костёр-то

давно погас? И уже даже самое сухое бревно, брошенное на пожарище, не воспламенит былое пламя».

Ира посмотрела на дату. Восемьдесят пятый год. Сколько же лет прелюбодейнику тогда было? Ну, за пятьдесят, точно. Не удивительно, что не произвёл впечатления. Честно говоря, Ира искренне считала, что после сорока про любовь можно только иногда почитать, ну кино посмотреть. Но подобные страсти в таком преклонном возрасте, это уж чересчур. Вынув следующую тетрадь, она снова углубилась в чтение.

«Не забыть забрать Сонечку из детского сада. Звонил Эдгар. Сказал, что Елена приболела. Как же, приболела его Елена Прекрасная. Вчера видела её в обувном магазине с Лозовым под ручку. И болезненной совсем не выглядела. А как дочку из детского сада забрать, сразу о болячках вспоминает. И откуда она свалилась на нашу голову? Уж насколько Злату не любила, но такого чувства отвращения, как к нынешней мадам Тышкевич никогда к ней не испытывала. Злата умница, всегда знала, как себя вести, что и где сказать. Она никогда не пошла бы по магазинам с охранником. Да ни с кем не пошла бы. Если бы не Сонечка, так и прожила бы Злата с Эдгаром. Но не судьба. Просто удивительно, что могло привлечь Эдгара в этой вертихвостке? Когда он не сводил глаз со Златы – это была понятная реакция нормального парня. Может красотой Злата не блистала, но, если уж рот откроет, птицы замолкают. Есть у неё особый дар, умение говорить и

умение слушать. Глупости говорят психологи, что мужчина любит глазами. Нет, нормальный мужчина всегда оценит в женщине не только грудь и попу, но и то, что у неё в голове. Хотя, где-то читала, что в организме накапливаются гормоны любви и когда пошла перегрузка этих гормонов, происходит взрыв. Бумс и всё. Женщина влюбляется в первого козла, идущего ей навстречу. И, наоборот, мужчина в женщину. Вполне может быть. Иначе, как объяснить, почему Эдгар влюбился в эту дуру».

Найдя тетрадь за тысяча девятьсот девяносто восьмой год, Ира нашла записи за май-июнь месяц.

«Эдгар в шоке. Как могла Сонечка такое вытворить? Ну не маленькая ведь уже, должна понимать представителем какого рода является. Спасибо, Расулу, вот уж где настоящий джигит. Я бы во всей этой катастрофе растерялась и обо всём забыла. А тут до конца трезвая голова. Даже камеры не забыл уничтожить. Гарипов всегда мог похвастаться холодной головой и расчётливым умом. Пошли, конечно, по селу разговоры. Но тихо, в кулуарах, чтобы не дай бог Тышкевич не услышал. Всё мы, конечно, слышали, но ходили с гордо поднятой головой. А Сонечке придётся уехать. Вчера Эдгар звонил одному из наших клиентов в Лондон. Жаль, Сонечка умная, добрая девочка, а все её выходки от недостатка внимания со стороны Эдгара. Кстати, во внимании со стороны мамочки, кажется, девочка не нуждается. Да и что хорошего может сказать подростку женщина, которая при любом кон-

фликте начинает верещать, словно ей на базаре на хвост наступили. Это ещё раз доказывает, что наша Сонечка имеет тонкий вкус и элитное воспитание. И заслуга в этом Эдгара, ну и немножко моя».

«Сегодня Эдгар написал завещание. Господи, о чём он думает? Человеку всего шестьдесят с хвостиком. Хотя, депрессию никто в нашей медицине не отменял. А тут все признаки на лицо. И перегруз на работе, и Елена никак не успокоится. Хотя ей-то какая разница, дочку она, практически не видела. Зато на её воспитание Эдгар выдавал более чем крупные суммы, которые теперь идут не в её карман, а в Лондон. Вот она и бесится. Вчера звонил Алекс, рассказывал, что преподаватели очень довольны Сонечкой. Девочка остепенилась, много занимается и на глупости совсем нет времени. Кажется, Эдгар немного расслабился. Эту ночь провел у меня. Прижав мою голову к плечу, долго рассказывал, сколько ошибок совершил в жизни. Я молча слушала, изредка кивала. Спасибо Злате. Обтесала «маленькую Сковородку». Научила, как с мужчинами обращаться. Конечно, никаких грандиозных изменений не произошло, но тем не менее из «чугунной сковородки», благодаря элитному окружению, выросла небольшая «тефалевая сковорода». И за то спасибо. Просил связаться со Славиком Кожевниковым. Давно о нём не вспоминал. Наверное, это по поводу завещания. К кому же ещё обратиться, как не к Славке».

Ира закрыла тетрадь и откинулась на спинку скамейки.

Вечер уже полностью вступил в свои права и сквер опустел. Безразлично переведя взгляд на поникшие после дневной жары кроны деревьев, она рассеянно думала о судьбе незнакомой Зины Сквородниковой. Стоила ли её любовь подобной развязки? Ведь сколько таких же, одиноких несчастных женщин всю жизнь ждут свою любовь, веря, что когда-нибудь их мечта сбудется. А когда она, эта мечта, сбывается, понимают, что жизнь прошла мимо. И не заметили они, что потеряли человека, который готов был всю жизнь носить их на руках и осыпать цветами. Потеряли неповторимые моменты жизни своих детей... Ведь в огромных отрывках из жизни этой женщины не нашлось ни строчки о своей дочери.

ГЛАВА 28

Переполох в «Лазорево»

Плотный слой жары за окном разрядил визг тормозов. Развернувшись, несколько машин скользнули перед входом в отель и резко затормозили. Гузель и Максим одновременно переглянулись. Такие голливудские авторалли могли предполагать только одно: путь к отступлению перекрыт. Выложив из кармана пачки денег, Максим с безразличным видом опустил на стул и начал нервно набивать рот остатками обеда.

– Илона Игоревна, – донёсся из-за двери слащаво-при-

торный женский голос. – Откройте, пожалуйста. Мороженое принесли, подарок от шеф-повара.

– За идиотов, что ли, держат? – зло прошипела Гузель и ласково пропела в сторону двери: – У нас на мороженое аллергия.

Илона взяла Максима за руку, прерывая истерический процесс поедания и тихо произнесла:

– Ну, за идиотов, значит, за идиотов. Хоть время потянем. – Подойдя к двери, она пропела в тон Гузели: – Спасибо, дорогая. Мы очень устали, хотим отдохнуть. Не будете ли вы так любезны, оставить нас в покое и дружно пойти на фиг.

Сопение за дверью настораживало. Тихо пошептавшись, всё тот же голос продолжил:

– Илоночка Игоревна, выйдите на минуточку. Тут ваша подпись нужна.

– Завтра распишусь, – буркнула Илона. Прошуршав спиной по стене, она опустилась на пол, разглядывая рисунок на светлом ламинате.

– Илона Игоревна, выйдите на балкон, пожалуйста. Бабушка хочет вас увидеть.

Девочки переглянулись и, не сговариваясь, посмотрели на Максима. Пожав плечами, он тихо сказал:

– Выйди, Илюш. Ты должна узнать бабушку. Она, наверное, сильно переживает.

С высоты пятого этажа Илона жадно вглядывалась в лица людей, стоящих внизу. Немолодая полная женщина су-

дорожно замахала ей руками. Расстроено засопев, Илона нерешительно махнула в ответ. Сделав шаг назад, она закусила губу. Глаза наполнились слезами. Никаких ассоциаций в голове не возникло. Внизу стояла «одна из женщин». Такая же незнакомая, как и все остальные.

В этот момент сзади прогремел оглушительный взрыв. Дверь с грохотом вылетела из петель и описав круг приземлилась на стеклянный журнальный столик. Сквозь пыль и белый меловой занавес в комнату ворвались несколько фигур в камуфляжной форме и с автоматами наперевес. Развернувшись, Илона вжалась в кованные прутья балкона. Парализованными от ужаса глазами она смотрела, как вылетали из белой дымки огромные силуэты. Вот один из спецназовцев, словно в замедленной съёмке, развернулся и прикладом автомата нанёс Максиму удар в живот. Вот второй подбежал к ней, занёс автомат... Илона ощутила, как тело, мягким куском пластилина прошло сквозь решётку, стекло по прутьям, превращаясь в бесформенную жалкую кучу. «Над морем поднялось солнце. Лучи его любовно согревали мёртвенно-холодную пену, и Русалочка не чувствовала смерти. Она видела солнце и каких-то прозрачных, чудных созданий, сотнями реявших над ней», – слова старой грустной сказки Андерсена, именно той Русалочки, которая погибла, так и не завоевав любви своего принца, злой мухой жужжали в сознании. Бабушка почему-то не любила творения Уолта Диснея, предпочитая оригинальный рассказ о несчастной

судьбе героини, яркой постановке американцев. В те редкие часы, когда прежняя гувернантка уже уволилась, а следующей ещё только предстояло познакомиться со своей ученицей, бабушка заходила к Илоне в спальню и долго, с выражением читала грустные сказки Андерсена и непонятную бредятину Льюиса Кэррела. Илона скрывала зевоту, чтобы не расстраивать бабушку и радовалась этим мимолётным знакам внимания с её стороны. Бабушка... Илона рывком подскочила с холодной плитки и повисла над перилами. Взгляд туманился. Подняв руку, она вытерла катившиеся градом слёзы. С высоты пятого этажа, женщина, казалась, ещё круглее и полностью совпадала с образом ведьмы Урсулы. Бабушка махала рукой и улыбалась, а Илона не сводила глаз с противного скользкого хвоста, торчащего из-под её юбки. Среди хаоса, шума и неразберихи, внезапно на плечо легла тяжёлая рука и резко сорвала девочку с железной решётки. Обернувшись, Илона столкнулась взглядом с парой чёрных глаз, сверлящих её из прорези балаклавы и истошно закричав, упала в обморок.

– Илоночка, детка, очнись. – Зоя Ларионовна хлопала внучку по щекам в то время, как загорелый немолодой военный брызгал ей в лицо воду из графина. Ресницы девочки задрожали и, судорожно вздохнув, она открыла глаза.

– Ну вот и хорошо, – обрадовалась бабушка, прижимая Илону к необъятной груди. – Всё позади, всё закончилось.

Теперь всё будет только хорошо, девочка моя сладкая.

Илона растерянно переводила взгляд с одного предмета на другой и, судорожным кашлем, пыталась прочистить першившее от пыли горло. Что произошло? Почему всё кружится? Почему плачет бабушка? Кто эти люди? И тут в голове, словно включился фонарик. Гузель! Максим!

– Где Гузель? И Максим? – Илона попыталась подняться, но перед глазами, словно оловянные солдатики дружно выстроились шеренги разноцветных сверкающих звёзд и тело снова плавно опустилось на каменный пол.

– Увели уже проходимцев этих. Забудь. Больше они тебе ничего плохого не сделают. Поднимайся и поедем домой. Мама с папой, дедушка ждут, с ума сходят.

Медленно поднявшись, Илона потрясла головой. Подождав пока звёздочки в глазах перестанут плясать, она тихо прошептал стоявшему рядом мужчине:

– Если через полминуты Максим и Гузель не будут здесь, ты закончишь карьеру уборщиком в затрапезном селе.

– Слава Богу, пришла в себя, – ехидно скривив накрашенные губы, прокомментировала Зоя Ларионовна. – И всё-таки, я попросила бы тебя, моя дорогая, не разговаривать в таком тоне с человеком, рисковавшим жизнью ради твоего спасения.

– Нет, дорогая бабуля, – в голосе Илоны зазвенели металлические нотки. – Ты не меня, ты свою задницу спасала. Что было бы если бы Максим с Гузелью вырвались из ваших пот-

ных лапок и рассказали где следует про ваши экспериментушки? Так что в твоих интересах, чтобы Максим с Гузелью появились здесь ещё полминуты назад.

Тяжело вздохнув, Зоя Ларионовна дала знак одному из солдат и, вынув из кармана пачку сигарет, прошла в комнату.

Гузель ураганом ворвалась в номер. Увидев Илону, девочка истерически всхлипнула. Прижимая к груди бьющееся нервной дрожью тело подруги, Илона только сейчас заметила, что Гузель почти на полголовы ниже её, а острые лопатки, выпирали, делая спину подруги немного сутулой. Странно, пронеслось в голове, до сих пор Гузель ей казалась высокой стройной принцессой-воином, не способной плакать и переживать, и вдруг такие эмоции. И только когда та подняла голову, Илона увидела свежий, ярко-фиолетовый синяк и поёжилась: достанься ей такое украшение, неизвестно ещё, как она бы реагировала.

– Всё, Гузька, забей. Больше тебя тут никто не обидит. Я их, уродов, вспомнила. Так что ты теперь, как за каменной стеной. Глаз болит?

– Нормально, – грустно улыбнулась Гузель. – Испугалась немножко, а к фонарям мне не привыкать. Вот Максик с непривычки даже не сгруппировался. Получил по полной. Ну ничего. Там уже «скорая» приехала, так что жить будет. Ты, как? Сильно бабушка воспитывала?

– Я невоспитанная, Гузька. И это навсегда.

Выскочившие из соседних номеров люди, кутались в гостиничные халаты и ошарашенно разглядывали результаты спецоперации. Не замечая мечущегося в толпе солдата, тонким фальцетом уговаривающего любопытных разойтись, людской поток обтекал говорящего, смыкался за его спиной и с замиранием сердца заглядывал в разрушенный номер.

Сил реветь больше не было. Судорожно втянув воздух, Гузель расслабилась. Но в этот момент сердце пропустило удар. «Звериные инстинкты», как говорили старшеклассницы, никогда не подводили её. Горло медленно наполнялось металлическим привкусом. Сжавшись, Гузель старалась «услышать» опасность, ощутить её ещё до того, как придётся нос к носу столкнуться. Тело разворачивалось по-звериному медленно и грациозно. Все рецепторы были нацелены на поиск того, что напугало её инстинкты. Первой в глаза бросилась яркая оранжевая футболка. Ну как может взрослая женщина нацепить такую безвкусицу? За спиной женщины стоял... он. Резко выпрямившись, Гузель подняла руки к горлу. Горячий, наполненный пылью воздух комками входил в лёгкие, разрывал их. Сейчас, наверное, было больнее, чем от ударов спецназовцев. «Он» совсем не изменился. Только усики стали немного светлее. А родинка на щеке, такая же, как и у неё, потеряла чёткость. А ещё морщинки. На фотографии их не было. Глупо хлопая глазами, Гузель не знала,

что сказать.

– Разалим, твою мать, – раздался рядом оглушающий визг. – И дырна на тебя нет. Нас тут чуть на органы не разобрали, пока ты шлялся неизвестно где.

Вложив в монолог весь пыл детского негодования, Илона, не стесняясь, ревела во весь голос. Огромные прозрачные слёзы катились из её глаз. Руки не успевали вытирать длинные грязные потёки и трясущиеся губы время от времени заглывали горькие крупные капли.

А Алим не спускал глаз со стоящей напротив девочки. Ничего в ней не напоминало Милочку. Это был маленький портретик из его детства. То, что он в двенадцать лет каждое утро видел в зеркале: круглое лицо с приятными глубокими ямочками на толстых упругих щеках, крупные яркие губы и тоненькая мальчишеская фигурка. Всё то, что так любила Милочка. То, что она оставила себе на память о красивой и чистой любви, которую он, не задумываясь, предал. Предал, потому что, в отличии от неё, не верил и боялся тех двадцати лет разницы, двух десятилетий опыта, так и не подсказавшего ему правильного решения.

Наконец, поняв, что ситуация стала затягиваться, Алим шагнул навстречу Гузели. Рывком подскочив, она повисла на заросшей шее отца. Щека Гузели ощущала каждую щетинку, впитывая запах кожи, волос, словно боялась снова потерять то, что чудом нашла несколько минут назад. Губы её сжались в тонкую линию, а глаза блестели сухим сумасшед-

шим блеском.

– Я тебя больше никогда не потеряю, – прошептала Гузель.

– Я знаю, – прошептал в ответ Алим и, не спуская девочку с рук, вышел из комнаты.

ГЛАВА 29

Высоково

Казалось, что воздух внутри рейсового автобуса можно было резать ножом. Несмотря на то, что на часах было всего-навсего одиннадцать часов дня, концентрированный, горячий пласт уже плотно обволакивал пассажиров. Подскакивая и падая вместе с автобусом на неровностях загородной дороги, люди расслабленно обмахивались сложенными газетами и сердито косились в сторону всё громче играющего из динамика мобильного телефона гимна России.

Жалобно косясь по сторонам, Ира смотрела на высветившееся на дисплее слово «Папа» и ждала, когда же рингтон отключится.

Сидящая рядом женщина, удивлённо переводила взгляд с телефона на его хозяйку. Не выдержав, она протянула руку и ткнула корявым пальцем, в экран, включая аппарат. «Иришка...» тут же раздался раздражённый голос отца. Облив соседку негодующим взглядом, Ира поднесла трубку к уху.

– Пап, я на консультации. Перезвоню, – прошипела она и, проведя пальцем по экрану, завершила общение.

Понимая хмыкнув, соседка перевела взгляд на мелькающий за окном пейзаж и ещё долго жевала губами, мысленно проводя с нерадивой ученицей воспитательную работу.

Ира прекрасно понимала, что на этом общение с отцом не закончилось, а только перенеслось на несколько долгих часов. А главное, что за это время она вряд ли сможет придумать версию, куда исчезли присланные две недели назад пятьсот долларов и почему ей снова срочно понадобились деньги.

Ну, разве отцу объяснишь, что любой комментарий в полиции стоит, как минимум десять долларов. И это официально, а уж сколько пришлось отдать за сведения, которые не получилось узнать законным путём... Нет, папа-полковник никогда не поймёт её увлечения криминалистикой и детективным чтивом и, хотя, желание помочь в поиске пропавшего друга, сочтёт правильным, но плату за сведения, не одобрит.

Ладно, будет день, будет и пища. Спасибо, хоть на питание последние дни тратится не приходится. Соня и Наташа полностью взяли на себя решение этого вопроса. Ничего, не может дедуктивный метод Шерлока Холмса не дать результата. Вот сейчас найдёт в коттеджном посёлке адвоката семьи Тышкевичей Вячеслава Кожевникова и вытрясет из него

все сведения об этом загадочном завещании. А то, что не из-за сексуальной извращённости Агаты пострадал Максим, шито белыми нитками. За друга она не беспокоилась, не тот человек Макс Шубанов, чтобы проколоться на мякине. Этот «колобок» и не от таких бабушек-дедушек удирал. Откинув голову на потёртую спинку сидения междугороднего автобуса, Ира подумала, что будет решать вопросы по мере их поступления.

Выйдя на остановке, она обвела удивлённым взглядом зелёное кукурузное поле и прочитала серую потрескавшуюся вывеску: «Ржаново – 5 км. Высоково – 8 км». Солнце уже стояло в самом зените, намекая, что к Высокову она доберётся только к вечеру.

– Эй, «студентка на консультации», – раздался из-за спины незнакомый голос.

Опёршись рукой о капот яркого гранатового «Запорожца», её автобусная попутчица казалась великаном на фоне маленькой машинки. В первый момент Ира даже не поняла кто же на ком поедет.

– Чего рот раскрыла? Тебе в Ржаново или в Высоково?

– В Высоково, – отмерла Ира, приближаясь к раритету.

– Садись, до Ржаново подбросим, а оттуда пехом. Ну всё ж не восемь километров по жаре шкандыбать.

Залезть в автомобиль оказалось не просто, но на фоне основного вояжа, посадка вспоминалась волшебным сном. Открыв рот, чтобы грохот допотопного мотора не убил ба-

рабанные перепонки, Ира с ужасом наблюдала, как трясётся на бесконечных колдобинах, плотно упакованное в малогабаритные внутренности автомобиля, тело доброй самаритянки, Голова женщины по уши утопала в плечах на взлёте и буравила крышу на приземлениях, но хозяйку, похоже, подобные условия абсолютно не смущали. Всю дорогу она, хоча и охая, рассказывала, сидящему за рулём сыну, последние городские новости. Изредка поворачивая голову назад, женщина пыталась привлечь к диалогу и неожиданную попутчицу. Но грохот мотора, скрип железа, выхлопы бензина оказали на Иру такое действие, что она могла себе позволить только улыбаться, сведённым судорогой, открытым ртом.

Вылезая из машины, Ира схватилась за нагретую солнцем железную ручку и, получив дополнительный стресс, разразилась слезами радости. Кто бы мог подумать, что плавящая мозги жара – это прекрасно? Пыльная комковатая дорога? Вообще чудо природы. Женщина испуганно поглаживала её по плечу и, судя по двигающимся губам, что-то пыталась спросить. Переполненная счастьем от сознания того, что поездка окончилась, Ира хлопала ртом, стараясь скопившимся внутри воздухом, разблокировать заложенные уши и ничего не слышала. Наконец, включился слух. Первая полученная информация, заставила её испуганно присесть.

– Ну, не молчи, – теребила за локоть женщина, – может всё-таки подвезти до Высоково?

– Нет, – истерически вырвалось из горла и, прокашляв-

шись, Ира метнулась в сторону посёлка.

Казалось, что солнце застряло в зените. Уже через полчаса Ира совсем по-другому оценивала поездку на старом «Запорожце». Подумаешь, бензином воняет, гремит, скрепит... Так едет же. А тут идёшь-идёшь, а дорога даже не свернула нигде. Такое впечатление, словно на беговой дорожке в тренажёрном зале. Уже семь потов сошло, а ты всё на одном месте. В какой-то момент, Ире до обморока захотелось зайти в невысокие заросли кукурузы и завалиться часика этак на три. Но посмотрев на высветившееся на экране телефона время, она вынула бутылочку с тёплой водой, сделала несколько глотков и вылив остаток себе на голову, прибавила шагу. Желанная свежесть так и не появилась, но идти стало немного легче. Наконец, когда глаза начало заволакивать дымкой, а в ушах снова зашумела фоновая заставка, на горизонте появились очертания коттеджного посёлка.

Упавший за время путешествия дух, словно волшебная птица Феникс, встрепенулся и из горла вырвался отчаянный, рвущий связки, клич счастья.

Молодой охранник долго изучал паспорт, рассматривая Иру, словно подопытного кролика. Вытирая катящийся пот абсолютно мокрой салфеткой, она, словно со стороны увидела себя, помятую, потную, со ставшими грязными к середине дня волосами... Такую не только в дом не пустят, даже за ручку калитки подержаться не позволят.

– К кому вы прибыли? – высунулся из окошка охранник.,

разглядывая её документ.

– К Вячеславу Кожевникову. Передайте, что от Зинаиды Сквородниковой, – прокричала в ответ Ира, заметив, что охранник понял трубку телефона. Упомянув имя Зинаиды Сквородниковой, Ира тут же прикусила язык, но было уже поздно. Понадеявшись на русский «авось», она старательно улыбалась, заглядывая в окошко. Как и полагалось, «авось» не прошёл. Через пару минут парень вышел и устало сделал Ире знак отойти от шлагбаума.

– Зинаида Сквородникова скончалась год назад. Вячеслав Юрьевич сказал, что ничего о вас не знает и в гости никого не ждёт.

– Очень нужно в гости по такой жаре лезть, – раздражённо буркнула Ира, понимая, что злиться в первую очередь надо на саму себя. – Я к нему по делу. Передайте, что Софье Эдгаровне Тышкевич нужна его помощь.

– Ничего я передавать не буду, – устало буркнул мужчина. – Мне даны ясные установки: никого без официального приглашения не пропускать. У вас есть официальное приглашение? Нет. Освободите территорию.

Несколько минут Ира безрадостно сопела, глядя в спину удаляющегося охранника. Закинув на плечо лёгкий рюкзак, она пошла вдоль высокого кованного забора. «Неужели всю территорию обгородили», плыло в воспалённом от жары мозгу. Щурясь и вытягивая шею, она с надеждой вглядывалась во вьющийся лентой забор и, зайдя в тень молодой ле-

сопосадки, обречённо констатировала: «Всю». Раздражение от сознания собственной беспомощности, от бесполезно потраченного дня, заполнившего лёгкие пылью и бензином, от предвкушения, мелькающего на горизонте, объяснения с отцом, сделало своё дело и, разбежавшись, Ира стукнула ногой чёрную секцию забора. Боль, скользя по ноге, заставила сердце выделить дополнительный адреналин.

Откуда-то сверху тут же раздался квакающий, неприятный смех. Знакомый голос охранника глухо предупредил:

– Я всё вижу.

Всхлип застыл на губах. Испуганно повернув голову, Ира постаралась определить источник звука. Не найдя ничего похожего на динамики, она гордо вскинула голову и ещё раз, аккуратно, пнула ногой забор.

– Ирина Константиновна, – снова глухо прогрехотали небеса, – зайдите в зал ожидания рядом со шлагбаумом, там вы можете выпить чашечку кофе. «Высоково» приглашает.

– Передайте «Высоково», что чашечку кофе я могу и за свой счёт выпить, – буркнула девушка, снова безрезультатно пытаясь вычислить, где же спрятана камера. – Хотя нет, я передумала. Хоть на кофе вас разведу.

– Вот и умничка, – непонятно чему обрадовался невидимый собеседник. – Кофе у нас вкусное.

– Вкусную кофу я люблю, – не сумев сдержать иронию, поддела Ирина, рассматривая опухший палец в прорези сандалии.

– Извините, вкусный кофе, – неловко кашлянул секьюрити и обиженно засопел в микрофон.

Ира прекрасно понимала, что мужчина выполнял свои обязанности и не виноват в её сегодняшних неприятностях, но закрутившаяся депрессия требовала выхода. Сложив на груди руки, она промурлыкала, обращаясь к небесам:

– А вы, батенька, филолог. До чего дошёл прогресс...

Охранник, по-видимому, тоже любил детские мультики и, скучая за мониторами, не хотел упускать возможности поговорить с симпатичной посетительницей:

– Это не прогресс, это я сам дошёл. На лыжах. Только я не филолог, а математик.

ГЛАВА 30

Кожевников

Доковыляв до светлого строения с яркой надписью: «Кафе «Высоково», Ира зашла в прохладное помещение и, закинув назад мокрую чёлку, прошла к стойке. Сев на высокий стул, заказала чашечку кофе.

Прохладный, кондиционированный воздух медленно охлаждал тело. На голубых ажурных салфетках на столиках стояли вазочки с полевыми цветами. На букетах висели маленькие бирочки. Присмотревшись, Ира прочитала, что поставляет их цветочная мастерская «Flowers Cafe» и поче-

му-то расстроилась. Всё-таки полевые цветы, по её мнению, надо было собирать в поле, а не в мастерской. Посетителей в кафе было не много. За самым дальним столиком сидел немолодой коренастый мужчина. Перед посетителем стояла запотевшая бутылочка пива и высокий тонкий бокал. От вида ледяного налёта на бокале, Ира почувствовала, как кожа покрылась гусиными пупырышками. Непроизвольно сглотив, она даже хотела изменить заказ, но официантка уже поставила перед ней маленькую фарфоровую чашечку.

Сделав глоток, Ира произвольно вздрогнула. Резкий переход из одного температурного режима в другой создал чувство дискомфорта. Сделав вид, что поправляет чёлку, она исподтишка глянула на посетителя. Ну так и есть. Вылупился и не стесняется. Отвернувшись от назойливого взгляда незнакомца, она расстроено наблюдала за проезжающими за окном машинами. Перейдя зенит, солнце катилось к закату, а как выбираться из незнакомой местности она и не представляла. Вернее, выбраться-то было не сложно. Но только мысль об очередном забеге на восемь километров по жаре наводила на неё ужас.

Судя по количеству выезжающих из-за шлагбаума машин, Кожевникова здесь можно ждать до третьего пришествия. Тем более, что ни номера его машины, ни как выглядит адвокат семьи Тышкевичей, Ира не знала. Проникнуть на охраняемую территорию тоже не виделось возможным. Зато прикурков и извращенцев в ночном поле можно встретить види-

мо невидимо. Отбрасывая один вариант встречи с резидентом элитного посёлка за другим, Ира повернула голову и испуганно вздрогнула, Странный посетитель теперь сидел на соседнем стуле и, как прежде, не сводил с неё взгляда. «Не успела подумать об извращениях, как они на порог». Ира автоматически подтянула ближе рюкзак, прикрывая карман брюк, в котором грела сознание последняя пятидесятидолларовая купюра. Главным достоянием рюкзака был, лежащий на самом дне, небольшой электрошокер. «Электрошокировать» наглецов у неё пока не было возможности, но наличие в руке маленького защитника всегда здорово облегчало ей жизнь, добавляя уверенности и даже наглости.

– Вы хотели что-то спросить? – стараясь скрыть качнувшийся сердце страх, независимо спросила она.

– Могу я угостить вас ещё одной чашечкой кофе?

– Спасибо, – не отводя глаз от собеседника, бросила Ира, краем глаза отметив, как быстро испарилась официантка. – Я сегодня исчерпала лимит по кофеиносодержащим напиткам.

– Могу предложить коньяк, «Мартини».

– У меня аллергия на алкоголь, – буркнула девушка, спускаясь со стула.

– Тогда сразу перейдём к делу, – пробормотал ей в спину настойчивый собеседник. – Я Кожевников Вячеслав Юрьевич. Позвонил охранник и сообщил, что вы хотите меня видеть. С состоянием здоровья усопшей Зиночки Сквородниковой мы разобрались, а вот текущие дела Сонечки Тышке-

вич меня очень заинтересовали.

Резко развернувшись, Ира почувствовала, как страх, безнадега, разочарование и ещё масса негатива покидает её, наполняя безудержной радостью. Несколько минут Кожевников рассматривал её расслабившееся лицо и, наконец, хитро улыбнувшись, подытожил:

– Судя по выражению вашего лица, миледи, моё присутствие решило не только проблему Сонечки Тышкевич, но и ответило на вопрос, как вы будете выбираться из этого рая. Хотите поговорить здесь или предпочитаете домашнюю обстановку?

Глядя на палящее за окном солнце, Ира истерически покачала головой, наотрез отказываясь выходить из, охлаждённого помещения. Уютно расположившись за столиком, она интуитивно почувствовала движение за спиной. Вновь материализовавшаяся, официантка, глупо улыбаясь, расставила на столе тарелочки с аппетитными маленькими бутербродиками, розетки с икрой красной, икрой чёрной, хрустящие хлебцы... День засверкал фейерверками. Стоило проехать на «Запорожце», протащиться ещё три километра по жаре только ради того, чтобы так шикарно пообедать. Надо было, наверное, спросить разрешение, но Ира в таких случаях пользовалась библейской заповедью: «не спрашивай, да не отвечена будешь». Вот спросишь, тебе ответят, что это не для тебя и смотри потом, как другие едят. А так, вроде как ты настоящая леди и всё вокруг только для тебя.

– С Эдгаром мы знакомы ещё со времён института, – начал рассказ Кожевников, тактично отводя глаза в сторону. – В те времена слово «дискотека» ещё не вошло в обиход, так что, мы, по старинке, танцевали в комнатах... Именно Эдгар и Злата учили нас с Зинойчкой крутить чарльстон. В то время это был такой шик. Особенно для нас, как сейчас говорят, «понаехавших». Напиток вам не заказывал, выберите что-нибудь на свой вкус.

Заказав стакан апельсинового сока, Ира наблюдала, как в аппарат «запрыгнул» огромный апельсин и из носика полилась тоненькая оранжевая струйка. Между хрустом сухарика, звоном сока о стакан и глухим голосом Кожевникова, она почувствовала жуткую усталость. Глаза начали немилосердно покалывать и слипаться.

Проснувшись, словно вынырнув из глубокого колодца, Ира автоматически засунула руку в карман брюк. Найдя деньги, она облегчённо вздохнула. Протерев кулачками глаза, включила телефон и несколько минут буравила непонимающим взглядом часы. Волосы медленно поползли вверх. Последний автобус до города уходил через двадцать минут.

– Добрый вечер, миледи, – поприветствовал Кожевников, отпивая маленький глоток воды. – Я правильно понял, что вы планировали уехать на последнем автобусе? Не беспокойтесь, я доведу вас до города. Итак, сейчас вы выспались, успокоились и я жду ответ на мой вопрос, что же произошло с

Софьей Эдгаровной.

Сообщение о том, что в поле ночевать ей не грозит, волшебным образом вернуло Ире хорошее настроение. Взяв стакан сока, в очередной раз, принесённый услужливой официанткой, она настроилась на долгий разговор.

– Вячеслав Юрьевич, вопросов у меня немного, но от ваших ответов зависит решение всех проблем. Давайте начнём с завещания. В бумагах Зинаиды Павловны я нашла запись, что именно вы им занимались.

– Да, я оформлял этот документ. Он давно известен заинтересованным лицам, хотя при чтении были нарушены некоторые детали. Ввиду того, что на момент оглашения у Софьи были экзамены в университете, она выслала официальное разрешение на то, чтобы Елена Тышкевич представляла её интересы. На сегодняшний день завещание не является секретным документом, поэтому могу дать любые комментарии. Странно, что Соня сама никогда не интересовалась им. В том году Сонечка повела себя несколько неадекватно, и Эдгар взбунтовался. Я думаю, вы знакомы с этой историей семьи Тышкевичей. На тот момент ещё жива была Ядвига Ганнапольская, мама Эдгара, которая и шипела в уши сыну о необходимости наказания. Слушая злобное клацанье зубами со всех сторон, Эдгар позвонил мне и попросил помочь в оформлении завещания.

– Понятно, значит это завещание всё-таки существует и сделано оно в пользу Елены Владырь.

– Ну, если не рассматривать нюансы, то да.

– А вы знаете, что Елена переоформила завещание в пользу своего второго мужа Кирилла Лозового?

– Это её право. И правильно сделала на мой взгляд. Как бы я не относился в Лозовому, он на порядок умнее и оборотистее Елены. Простите за нетолерантное выражение, но госпожа Владырь была абсолютной дурой. Причём в любом вопросе. Будь то финансы, искусство, ведение бизнеса, общение с зарубежными партнёрами...

– Да, но теперь Софья не имеет право на бизнес своего отца.

– Кто вам такое сказал? Сонечка для Эдгара была светом в окошке. Хотя, в это и трудно поверить. Человеком он был очень закрытым.

– Возможно, но вы не можете не знать, что Эдгар Юозович сомневался в том, что Софья его дочь.

– А вот это уже абсолютная глупость. Эдгар прекрасно знал, что Софья его дочь. Даже если бы не была сделана экспертиза на подтверждение отцовства.

– Но ведь экспертиза не была сделана?

— Видите ли, Ирина Константиновна, Эдгар принадлежал к древнему литовскому роду и если в его случае, гонор был не так заметен, то пани Ядвига всегда блюла честь семьи. Когда сын начал общаться со Златой Даугале – это было одобрено семьёй и мать всячески содействовала, чтобы брак между Эдгаром и Златой состоялся. Даже отсутствие

детей не вызывало непонимания с её стороны. Но вот на сцену выходит юная балеринка Леночка Владырь. Я не в курсе всех подковёрных интриг этой семьи, но мне кажется, что, когда Лена объявила о своей беременности, Эдгар и Злата планировали по-тихому забрать ребёнка, выплатив определённые отступные и забыть этот казус, как страшный сон. Но Лена прекрасно оценила шанс, подаренный судьбой и вовремя им воспользовалась. В тот же день дама даёт интервью во всех газетах, сообщая о том, что именитый художник скоро станет папочкой и именно она, Леночка Владырь, является счастливой продолжательницей знаменитого рода. Естественно, мессенж тут же дошёл до семьи Златы, которые, в приказном порядке, настаивают на разводе, мотивируя тем, что «рогатая Даугале – это нонсенс». Последовал вежливый развод, затем шумная свадьба и рождение Сонечки. Всё это время пани Ядвига находилась в конфронтации и, как только счастливое событие произошло, бабушка взяла «живой» материал и отнесла его в лабораторию, искренне веря, что через пару дней кошмар по имени Лена Владырь, навсегда покинет их семью. Восстановить отношения с Даугале уже не представлялось возможным, но по крайней мере избавиться от мезальянса, Ядвига планировала. Какого же было её разочарование, когда в положенный срок дама получила подтверждение, что Софи есть полноправная Тышкевич. Увы, вместо ожидаемого хэппи-энда, Ядвига ещё больше возненавидела внучку, считая, что «полу-Тышкевичей» не быва-

ет и принадлежность к плебейке Владырь, делает дочку Эдгара недостойной стать продолжательницей древней фамилии. Этот анализ был сделан инкогнито, но, по-моему, Эдгар каким-то образом узнал о манипуляциях матери, потому что с тех пор отношения между ними испортились окончательно. Ядвига всегда внимательно следила за достижениями внучки и казус на крыше ресторана, естественно, получил такой резонанс, что не отреагировать семья Тышкевичей-Ганапольских не могла. Крик стоял такой, что просто отправка неугодной дочери с глаз долой, не потушила пожар страстей. Именно в тот момент Эдгар попросил меня заняться завещанием. Согласно документу всё движимое и недвижимое имущество, бизнес, финансы переходят Елене Тышкевич с правом распоряжаться по её усмотрению до тех пор, пока законная наследница, то бишь, Соня, не выйдет замуж. На следующий же день, после оформления брака, Софья Эдгаровна Тышкевич автоматически становится владелицей всего имущества своего отца.

– Вот теперь пазлы полностью сошлись, – задумчиво прошептала Ира, грызя последний сухарик. – Значит, Кирилл Лозовой заинтересован, чтобы платный «муж», как можно дольше сидел на шее у Сони и не давал возможности появиться на её небосклоне другим претендентам. А я сразу почувствовала, что весь этот цирк против Макса совсем не так однозначен, как кажется. Вячеслав Юрьевич, а не проще ли было Лозовому ликвидировать Соню, ведь встретить

другого мужчину она могла в любой момент.

– А что бы имел в этом случае Лозовой? Единственное, что передала ему Елена – это право распоряжаться бизнесом до тех пор, пока Соня одинока. Если с ней что-нибудь случится, на наследство есть другие претенденты. Например, семья младшего брата Эдгара, который в тот же день выкинет Лозового и из бизнеса, и из дома. Они и так контролируют его финансовые дела, не давая возможности воровать чересчур крупные суммы.

– А почему же они не просветили Соню об условиях завещания?

– Они не общаются. За финансами её следят, возможно, именно в надежде, что с ней что-нибудь случится и бизнес перейдёт к ним, но признать её равной не торопятся. Да и Лозовому невыгодно убирать Софью. Где он ещё такого работника возьмёт? Сонечка переняла от отца хватку, сделавшую её настоящей акулой бизнеса. При этом, акулой очаровательной, милой, доброй, понимающей, но в любой момент способной ласково откусить хвост любому, кто излишне ошибётся. Да и фамилия Сони даёт ей гораздо больше возможности удержаться в мире искусства, чем фамилия Лозового. Он, конечно, возлагает большие надежды на Агату, но насколько я помню эту девочку, вряд ли с подобным темпераментом ей светит большая карьера. Всё-таки великие дела вершатся в тишине.

Последняя страница

Игорь тоскливо смотрел на быстро заполняющуюся сумку и, время от времени, картинно смахивал одинокую слезу. В то, что сладкую кормушку придётся покинуть навсегда, до сих пор не верилось. Казалось, что ещё минута, ещё пару секунд и не выдержит доброе сердце Сонечки и он снова получит тот шанс, который так глупо профукал. Кто же знал, что именно Софья является владелицей сети картинных галерей, разбросанных по всему миру и ему всего то и надо было, поставить штамп в паспорте и наслаждаться покоем всю оставшуюся жизнь, а не выпрашивать жалкие копейки у Лозового. Ну, ничего, Соня понервничает и отойдёт. Не первый раз.

– Сонечка, – жалобно заскулил мужчина, театрально поднимая глаза на сидевшую в кресле женщину, – почему ты никогда не говорила, что хочешь выйти замуж. Я бы тебя на руках до ЗАГСа нёс. Я бы тебя...

– Игорь, – резко перебила его причитания Соня, – я тебе говорила об этом не один раз. И про замужество, и про ребёнка...

– Завтра же распишемся, – повалился на колени мужчина, – а ребёнка твоего я усыновлю. Ну сама подумай, дорогая, какой муж из этого мальчика. Ему мама нужна, а не же-

на. Разве он сможет любить тебя так, как я?

Соня сидела, свернувшись калачиком в мягком кресле и прислушивалась к собственным ощущениям. Вчера гинеколог, пряча в карман халата приятно шуршащую купюру, заверил её, что со дня на день ребёнок начни шевелиться. И вот сегодня странные ощущения не давали возможности сосредоточиться на происходящем. Словно лёгкие мыльные пузыри бились о стенки живота, будоражили сознание вопросом, так и оставшимся без ответа: это малыш её поддерживает или утренний кофе оказался не совсем свежим. Хотелось, как можно скорее выпроводить Игоря, забыть неприятный разговор с Кириллом, злые слова Агаты. Хотелось остаться наедине со своим ребёнком, так вовремя постучавшим в её сердце, дожидаться, вернувшегося в университет, Максима и начать новую жизнь. И безразлично, что там говорит Игорь. Что Максиму нужна мама? Много он понимает, что кому нужно. Это раньше он мог убедить её, что тридцать два года – это зрелый возраст, что при её росте метр шестьдесят восемь надо весить максимум шестьдесят пять килограмм, что её личная жизнь – это решение его проблем, усовершенствование его жизни, выполнение его желаний. Но вот появился Макс и оказалось, что хохотать и прыгать в кровати можно и после тридцати, что лишние килограммы чудесно вписываются в её изгибы, а просыпаться и получать полные любви письма и букетики лесных колокольчиков – это самое чудесное начало утра. Нужна ли Максиму мама? Да ради бога. Её

сердца хватит, чтобы стать любимому человеку и женой, и мамой, и подругой. Пару недель назад Соня и Максим подали заявление в ЗАГС и новая жизнь, словно катящийся с горы снежный ком, захватывала и уносила всё дальше и дальше от прошлого.

– Соня, – снова вывел её из задумчивости обволакивающий голос Игоря, – в твоём возрасте уже стыдно совершать глупости. Ну посмотри на себя в зеркало. Подумай, что скажут люди. Вернись, в конце концов, на землю. Погуляла и хватит. Завтра же отнесём заявление в ЗАГС и всё будет, как раньше.

Соня удивлённо подняла глаза. Неужели она не сказала Игорю о том, что через две недели у неё свадьба? Этот факт так рассмешил её, что хохот, замешанный на прозрачных слезах счастья, буквально взорвал небольшое помещение.

На шум из ванной вылетела Наташа. Окинув пару испуганным взглядом, она громко спросила:

– Там шампунь от перхоти, это ваш?

– Наташа, – успокаиваясь, произнесла Соня, – ты не обязана собирать вещи Игоря. Он сам в состоянии это сделать.

– Ну уж нет, – буркнула девушка, бросая красноречивый взгляд на поникшего мужчину, – сама всё соберу, чтобы потом не говорил, что что-то забыл. Лично проверю, чтобы даже шампуня от перхоти от него не осталось.

– Дура, – зло бросил Игорь, расправляя плечи.

Поняв, что этот этап его жизни закончился, мужчина, зло подхватив переполненную сумку, направился к выходу.

– Шампунь забери, – закричала Наташа, бросаясь вслед за ушедшим. – И адрес оставь, куда манатки отправить.

Откинув голову на спинку кресла, Соня с удовольствием наблюдала за носящейся по комнатам Наташей, понимая, что только что закрылась не только дверь за Игорем, закрылась дверь, разделяющая её с прошлым.

(год спустя)

В оглушающей тишине комнаты затрезвонил телефон. Максим, в неосознанном порыве, схватил с прикроватной тумбочки аппарат и засунул его под нагретое тяжёлым одеялом тело. Смешно причмокнув губами, Соня перевернулась на другой бок, а маленькая Ядвига недовольно сморщила лобик. Телефон продолжал приглушённо звенеть. Поняв, что на другом конце связи без разговора не сдадутся, Максим, не открывая глаз, встал и вышел из комнаты.

– Ну и? Кому не спиться?

– Максик, дрыхнешь, что ли? А чего голос такой опухший?

– Гузелька, шалапутка, – улыбнулся Максим, окончательно просыпаясь. – Чего трезвонишь ни свет, ни заря?

– Какая «ни заря»? – возмутилась собеседница. – Солнышко уже и двери, и окна выломало, а вы всё спите. Глянь

на часы, одиннадцать.

– Действительно, – удивился Максим и радостно добавил: – А у нас зубки режутся.

– Так вы у дантиста? А я думаю, чего ты шипишь?

– Какой дантист? Нам ещё делать нечего у дантиста.

Просто, когда у детей зубки режутся, они становятся очень беспокойными. Это больно, наверное. Так что мы уже две ночи спим по очереди. У вас-то как дела?

– Всё нормально. У тебя папеч-молодец время есть на почирикать или твоя очередь люлю качать?

– Не знаю сколько времени мне выделит Ядвига Максимовна, но пока спит, могу поболтать.

– Тогда начну всё по порядку. Бабушка и дедушка Ильки, собрав всю свою гоп-компанию, улетели на юг, точнее на Кипр и уже больше года носа сюда не показывают. Тимура, при всей своей сволочности, всё-таки устроили в универ, как обещали. Он теперь «господин профессор». Бороду отпустил, животик, очки нацепил и портит студентам вольницу. Но мы к нему раз в месяц обязательно навещаемся, на землю спускаем. Он, как нас увидит, сразу очки стыдливо в карман прячет, животик втягивает, и студенты на недельку получают самого лучшего препода. Потом его опять заносит.

Ну, за моего папку ты знаешь. Почти три месяца без работы болтался, искал достойную. А как сейчас с работой сам знаешь, и с достойной, и с недостойной. Он-то привык

гордым быть. Но это прокатит, пока ты один, а когда с тобой рядом растущий организм, который по три раза в день в пустой холодильник заглядывает, то тут уж не до жиру. Так что Алим Анварович засунул свою гордость в тот самый пустой холодильник и поехал в Москву. Нашёл своих родственников по бабушкиной линии. А они, даром, что графы, нормальными мужиками оказались. Знали про бабушку, искали её много лет и очень нам обрадовались. Так что теперь папа в городской администрации работает. Обидно, конечно. Но такая она, жизнь: где классного спеца Алима Низамова и на порог не пустят, там перед потомком графа Невзорова и дверь нараспашку, и любой каприз.

Что ещё? «Колбаса» наша сидит. На её место прислали нормальную заведующую. Дед Васька говорит: «даром, что в возрасте, бегает, даёт нашим прикурить не хуже молодой».

Снежана наконец со своим уродом развелась. Все нервы нам вымотал. Сначала у него, как у Пикассо, «розовый период» был: засыпал Снежку цветами, серенады пел под окном. Представляешь, позорище.

– Почему, позорище? – улыбнулся Максим. – Ты посчитай, сколько потерял этот человек. И не на такое пойдёшь. Как Снежка?

– Держалась молодцом. Такой номер может прокатить, если есть хоть искорка чувства, а Снежка уже не знала, как от него отделаться. Поняв, что серенады не действуют, начался второй этап, не знаю, какой он там у Пикассо, а у нас,

чем дальше в лес, тем толще партизаны. Слёг наш партизан в предынфарктном состоянии, вызвал к себе дочь и начал ей втирать, что жить без них не может, что вены вскроет, живот вспорет и... что там у вас еще на хирургическое вмешательство?

– Это вопрос риторический или нужно отвечать? Кстати, довольно странно с его стороны искать помощи у Илоны.

– Так он же её видел три раза за двенадцать лет, вот и решил, что она такая-же незабудка, как и её мама. Илонка ему в двух словах и на трёх пальцах объяснила дорогу и на этом этап скрытой партизанщины закончился. Начался третий этап – простой пацан Игорь Поцаревич, как он есть. Просто пришёл и просто потребовал алименты.

– Какие алименты? Илонка-то со Снежаной осталась.

– А при чём здесь Илона? Алименты он на содержание себя любимого потребовал. Пришлось вмешаться.

– Как?

– Применить грубую физическую силу, – скромно объяснила Гузель.

– Он жив? – в притворном ужасе прошептал Максим.

– Знаешь, Максик, – девочка на несколько секунд задумалась. – Мы с Илькой, путём многочисленных опытов и экспериментов, подтвердили старую мудрую истину, – Гузель выдержала паузу, достойную Станиславского и, звонко засмеявшись, крикнула: – Оно-таки не тонет!

– А у Алима со Снежаной как? – натягивая тёплый свитер,

спросил Максим.

– Никак, – хмуро ответила Гузель и тяжело вздохнула. – Мы с Илькой губы раскатали, думали у них всё к свадьбе идёт, а они, как дети малые, сначала обзываются, потом дуются друг на друга.

– Как обзываются? – удивился Максим.

– По-разному. Снежка, как только папу увидит, губки бантиком свернет и шепчет так, что мёд с зубов капает: «Господин граф». В этот момент не только у папы, даже у меня все внутренности сводит. Ну и папа в долгу не остаётся, кличку придумал. Знаешь, как обзывает её? – Гузель расстроено засопела, затем поникшим голосом закончила: – Снежаной Филипповной.

– Почему обзывает? Это же Снежкино имя.

– И ты туда же? – бросилась в атаку маленькая защитница. – Если родители были психически неадекватны на момент её рождения, то это не повод оскорблять человека.

– Ладно, ладно. Извини, проехали, – тихо засмеялся Максим, заглядывая в спальню. – И в связи с этим, какие планы?

– Погодим ещё немного и будем вмешиваться.

– Применяя грубую физическую силу?

– Нет. Тут Амур, с ним грубо нельзя. Придумаем что-нибудь, у Ильки на эти вещи голова варит так, что я только в сторонке стою и нервно записываю. Вот и все наши новости. Рассказывай про Ядвигу Максимовну.

Лицо Максима озарила добрая глупая улыбка. Довольно

вздыхнув, он начал рассказ. Когда, через полчаса сведения о самом красивом и умном ребёнке иссякли, Макс удивлённо спросил:

– Гузька, ты ещё здесь?

– Да, – еле слышно донеслось с другого конца провода. – Я сначала засомневалась: с тобой ли я разговариваю, а потом вспомнила, что после того, как папа меня нашёл, он тоже с полгода ходил и улыбался. Это какой-то общий вирус или этот момент у каждого проходит индивидуально? Вопрос риторический, можешь не отвечать. Ну а кроме появления на свет гениальной красавицы по имени Ядвига, в мире ещё что-нибудь случилось?

– Да, Ирка бросила экономический факультет и под аккомпанемент папиного визга поступила на юридический. Так что скоро страна получит дипломированную мисс Марпл. А вообще, знаешь Гузька, что я понял? Что я самый счастливый человек. Неприятности меня и за шкуру, и по хребту, а счастье... когтями вцепилось и не отпускает. Впрочем, это, наверное, про нас, про всех можно сказать.

Из-за двери слышалось шуршание и Максим быстро свернул разговор. Маленькое, толстое «счастье» сонно потягивалось, намекая, что поспали, теперь можно и поесть. Счастливый папа, привычно подхватив девочку на руки, понёсся на кухню, на ходу доставая коробку с детским питанием, снимая с решётки бутылочку, соску... Ядвига, уютно устроившись на руках, с царским безразличием наблюдала

за приготовлениями, изредка ненавязчиво подставляя плечико для поцелуев.